

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

11-12 (435)

2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Владимир Кучерявкин. «Лампу зажжём и раскроем газету...» и др.	3
Мария Степанова. Киреевский	7
Елена Сунцова. Неведомой рекой	12
Галина Ермошина. «черепаховый рай...» и др.	33
Сергей Попов. «где чумовому чувству долга...» и др.	37

ПРОЗА

Нина Горланова, Вячеслав Букур. Колун. <i>Рассказ</i>	15
Мария Ботева. Огонь и огонь, и нельзя остыть. <i>Рассказ</i>	21
Ирина Косых. Нелегалы. <i>Рассказ</i>	42
Михаил Окунь. Два коротких рассказа. Дурашка. Кусаник.	50

ДЕБЮТ

Ольга Абакумова. Мелодии вечного сна. <i>Рассказ</i>	54
---	----

ДРАМАТУРГИЯ

Алексей Слаповский. Николаев. Просто убийство. <i>Пьеса</i>	66
--	----

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Вячеслав Лопатин. Духовность материи – икона. <i>Часть I</i>	91
---	----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Игорь Савельев. Суши-сет в эпоху «Санта-Барбары»	162
Татьяна Кохановская, Михаил Назаренко. Мастер бриколажа	165
Сергей Трунев. Провинциальная мифопоэтика	168
Олег Рогов. Стихи испуганного дачника	169
Алексей Александров. Разнообразный непровинциальный	170
Николай Аржанов. И выше, и ближе, и дальше... ..	172

КИНООБОЗРЕНИЕ

Иван Козлов. Трое на «Белом слоне» («Меланхолия», «Пина: танец страсти», «Король говорит»)	175
Содержание журнала за 2011 год	177

Владимир КУЧЕРЯВКИН

* * *

Лампу зажжём и раскроем газету.
Кофе нальем, и ноябрь белоснежный
Томно заблеет по улице пёстрой,
Где круторогий троллейбус резвится.

Спрячемся за занавеской. Проснёмся,
Так, на мгновение, тихой молитвой
Голую тьму до конца прорезая,
Хлопнем глазами – и вновь захрапели...

Дождь

Лето. Воздуха дрожь. У стены в комнате стоя,
Вижу серебряный край платья дождя,
А потом и всё тело его, рухнувшее на землю.
Гулкие своды гибнущих капель.
Гомер, бредущий ступенями метра в тёмные страны –
Так вино, расправляя крылья, проходит по крови
Запахом тёплым земли.
И это всё – мгновение сада; женщин седых голоса,
Мокрые лица прохожих в деревьях...
Перекликаются и пропадают они,
Осветив ненадолго стены меж нами.

* * *

Ах, как толкается дверь в жёстком трамвайном проходе!
Петли скрипят. Горизонт, усмехаясь, поплыл.
Гордые воды под брюхом пронесёт Нева, и проходит
Гордая муза, мне улыбаясь, словно небесный во сне шестикрыл.

Чёрный чеченец вошёл и поехал рядом, зрачки воздымая
Над родиной бедной моей – рыдай, не рыдай.
За окном прогорает природа глухонемая,
Да вприпрыжку бежит за трамваем старик Ашмедай.

Владимир Кучерявкин родился в 1948 году в Калининграде. Закончил Калининградский политехникум, в 1977 г. – филолог ЛГУ. Работал слесарем, сторожем, кочегаром, школьным учителем. Переводил с польского и английского. Живет в Петербурге, преподаёт английский язык. Публиковался в «Митиним журнале», в журналах «Знамя», «Арион», «Воздух», «Звезда», «Крещатик» и др. Автор книг «Танец мертвой ноги» (1994), «Вдалеке от кордона» (1994), «Треножник» (2001), «Избранное» (2002). Шорт-лист Премии Андрея Белого (2001).

У пивбара в Св. Горах на улице Лермонтова

Проедет пегая по улице машина,
Пропляшет человек, немного пьяный.
Махнут рукою, распрямляя спины,
Крестьяне, глядя на закат румяный.

Корова тоже мне кивнёт, присядет рядом.
Мы выпьем пива, поговорим о Боге,
Который не хвалится огородом,
А так лежит, вздыхая, на дороге.

И вечер весь, когда сам ветер затихает
И одуванчики цветут не так уж смело,
В глаза буфетчицы гляжу и отдыхаю,
Как будто птичка на руку мне села.

В деревне Рождество

Весь дом зацветает, и кружится в небе упрямая туча
На быстрой реке, когда щука уже не поёт
Мне дивных мелодий, но машет, как веткою, Валя
В знакомом саду белоснежной до боли рукой.

И вот, угнездившись в деревянное с грохотом кресло,
На это, не всё понимая, как идол, гляжу.
Кричи, соловей, и смейся, кружа надо мною, упрямая щука.
И туча, садись на колени ко мне, как подруга из радостных снов.

Едем в Петергоф

1

По небу солнце бегает, белое, какмышь.
Деревья за окошком вспыхивают, тают.
В вагон вошла старуха в чёрном, слышь.
Упала на скамейку и стала золотая.

А поезд славный мирно скачет вдаль
По выцветшим полям, через Ульянку, вдоль залива.
И нищий по проходу, как растрёпанная моль,
Ползёт и озирается пугливо.

И девушка напротив смотрит, будто плачет.
И разбегаются по полю крохотные дачи.

2

Толпы бредут, как разнеженный жаркий ручей,
По дорожкам старинного парка, такие счастливые.

Замер фонтан, улыбаясь в зените. Каркает стая грачей.
С облака прыгнем в раскрытые очи залива,

Взмоем на холм – и разрушенный замок
Тихо присел и на миг исчезает.
И рассыпается дробью воды, ах, мама,
Вдребезги рассмеявшийся солнечный заяц.

* * *

Дым поднимался над заводом,
Ломая тёмный воздух крыш.
Растрёпанные деревья, качаясь,
Куда-то вдаль бредут осенним косяком.
Пустая улица трясётся к морю
И вязнет в тонкорылых тупиках.
Плывёт решётка, а за нею, над станком
Кто там поблёскивает тусклою деталью
И сон, как масло, льёт из памяти хрустальной?

* * *

Вот я на реку вышел. Бежит она быстро на воле.
Да ветер гуляет по водам, как по проспекту матрос.
Птички поют в небесах или ангелы, что ли?
И между облак смеётся Христос.

Снасти свои разложил я, крючки для добычи,
Бедных червей – в банке они шевелятся угрюмо,
Всё насадил и наставил, закинул, уселся
И закурил папиросу, пахучую дымом тревожным.

Солнышко то припекает, то скроется в тучку, не греет.
Рыба, похоже, куда-то ушла, разбрелась по своим ежедневным заботам.
Но дышится хорошо, не спешу закусывать хлебом.
Бог с тобой, рыба, я подожду, встретимся после.

Кёнигсберг, Кёнигсберг...

Солнце блеснуло в руинах, где навзничь лежит опрокинутый купол.
Пальцами почва пошла, разминая гарью пропитанный воздух.
Там особняк побежал, но, расстрелянный в спину, застыл, обезлюдел.
Здесь просыпается Шиллер, оком кругом поводя изумлённым, железным.

Мы же, умершие позже, светлой душой вспоминаем пропадающего немца.
Взором калмыцким подрезав немецкую жилу, бредём по засохлым проулкам.
Выскочит кукла с наганом из кирхи помятой, пальнёт в неприметное сердце –
Кашлянет клюквой оно и заплачет, как души в Аиде.

* * *

Смычки по струнам тихо воют.
Патлатый композитор машет шляпой,
И вздрогни, позови, о, позови!
Над росною травой туман плывёт...
Ты помнишь, папа,

Осенний лес, крылатую корову
И крепкий воздух прусский. Так взлетай
Вослед сынам твоим, приснившийся мне снова
Твой огненный и яростный Китай!

* * *

Война, везде война... как сладки нам враги,
Когда по сердцу скачет солнце, словно мячик,
Когда – о, далеко – расходятся круги
По небесам, и черный автоматчик

Бежит по тротуару, весело стреляя...

О, ангел мой, как правильно в груди
Стучит живое мясо – люби, надейся, жди...
Ах, вот и ночь ползет, зевая.
И по небу огонь кричит, от края и до края.

* * *

Вот и Невский задирается голой картиной.
Тощий велосипедист чешет бороду, чешет проспектом,
Над провиснувшей башней, как облако клубом истлелым.
Удивляется, будто приехал в Россию, в Россию.

Губы сожми и пошире глаза – словно птицы
Плещутся по лицу. Вишь, бьётся страна, умирает.
Байкер мирный ворвался. Мост прогнулся и сплюнул. Красивые лица
Нежных рыб, шевелиющих крылами лучистыми – вместе ль

Тихо пройдем и исчезнем... но вечные были и будем
Цвести под лучами звезды дивноострой.

Мария СТЕПАНОВА

Киреевский

1.

Колотился, колотился свет у ворот,
Подкатывался, показывался:
Сметанушка, матушка, иди на крыльцо,
Государыня-сударыня, выгляни!

Возговорит сметана черногорлая,
Возговорит сметана белобокая:
Я не постная сыть, не изюмная сыпь,
Не острожная масса творожная,
Не равный мое дело белое
С простодушными простоквашками!

Как земля в буграх и нагориях,
Я в живых жирах и калориях.
Они не таятся – прятаются,
С боку на бок всё поворачиваются!
Кто решится ложкой столовою
Тронуть тело мое лиловое?

А ты, мой свет, едва на порог,
И все мне не впрок, и ума-то нет:
Посветишь, и я подтаиваю,
Подтаиваю да попахиваю,
А там, внизу, где жизнь шерудит,
Лягушечка малая сидит
И то гудит-надувается,
То лапами отбивается.

2.

Слеза слезу догоняет, в спину бьет,
Слеза к слезе поворачивается –
Я тебя, слезу, как судью, слежу,
Как лучина, тебе помигиваю,
Как лучина, стены покачиваю.

---

*Мария Степанова – автор книг «Песни северных южан» (2001), «О близнецах» (2001), «Тут-свет» (2001), «Счастье» (2003), «Физиология и малая история» (2005), «Проза Ивана Сидорова» (2008), «Лирика, голос» (2010), «Стихи и проза в одном томе» (2010). Лауреат премий журнала «Знамя» (1993), имени Пастернака (2005), Андрея Белого (2005), Московский счёт (Специальная премия, 2006; Большая премия, 2009), премии Хуберта Бурды (Германия, 2006), премии *Lericipea Mosca* (Италия–Россия, 2011). Стипендия Фонда памяти Иосифа Бродского (2010).*

Слеза-дереза, удалая голова,
Давай тобою лечиться –
Ты мне книжица, я тебе чтица.

Отвечает слеза слезе:
Приходи никда, подожди в незде,
За одиночной камерой
Вернись к тебе солью каменной.

3.

Во селении то было, в поле, в лесе,
Прокатилася карета, колесничка,
Быстроходная крылатая пролетка.

То из города едут, из Казани,
С новым годом, с богатою казною,
И будут ревизию делать:
Уж и лес населен, и поток населен,
И погост населен, и дуб не пустой,
И гуляет, наветренный, по зелени
День-деньской, обгоняющий елени.

Еще хороводы не остыли
И у плакальщиц губы не просохли,
А все, и малая Клеида,
Уже записаны в совестную книгу
И под гербовую печатью
Еле смеют рыгнуть иль почесаться.

4.

Ехала соседка на черных соболях,
Шапочка смеется, рукавицы говорят!
Поехали три поля, четвертый бугорок,
Громом грянули другу на порог.

Удвинься, сосед, удивися:
Гостейка пришла простолиса.
Поднеси ей меда на лапке,
Спать уложи на лавку.

Тут станет она сильно жаловаться:
Правда батюшкина как амбар горит,
Ласка матушкина как вода лежит,
А возжаждешь, ведру поклонисься –
Не нальешь, не напьешь, не натонешься!

5.

То, что было в танце очерчено огнем,
Отойди подальше, и сейчас горит,
Нежарко, нелепо, неугасимо,
Кривыми отчетливыми буквами.

То, что ныло в воздухе, и теперь поет,
Дергает за корень, за зубную нить,
Окают пруды, не отпуская пузырей,
Спит дорога, не стонет, не подрагивает.

За третьим тополем день убывает,
За пятым тополем тень упадет.

За пятым тополем душа из ушей,
За третьим тополем уже не искать.

Недолго веночку на стеночке висеть,
Пора красоваться, пора и облысеть!

6.

Уж мы встанем, певички,
Все на ножки, на ножки:
Чулки крашенные
И те краденые.

Мы пойдем, постучимся
В берег синего моря,
Расступись, приоткройся,
Обнажи свои донья,
Мы споем – ты заплатишь
Дорогою ценою,

Водяною кашею, коралловой ухой,
Золотыми плоскими монетками!

Поём под водой (а вода прибывает)
Как мельница мелет (а пена белее)
Как прачки стирают (а волны стирают)
Как служба идет (а солдаты стоят).

Субботу проспишь,
Воскресенье продышишь,
Краса молодая с лица поменялась,
К бедовой головке снежок припадает.

А море храпит и копытами бьет,
На берег не хочет, деньгу не дает.

7.

А вы д́ары мои, д́ары,
Тонки, белы, полотняны,
На кого я вас покину,
Вас кому препоручу?

У подружки нет подушки,
Ей постелька – ручеек.

Моя маленькая мама
По дорожечке бежит,
Не возьмет с собой поклажи,
Не оглянется назад.
Моему родному брату
В поле негде спрятаться.

И сама я не хозяйка,
Не столяр, не самовар.

Кто дарил – не спрашивал,
Молчал, не подсказывал,
Он гремит сейчас, катится
Над дорогой грунтовой,
Ели темные снаряжает в мачты,
Над шумящими вершинами ходит,
На легкие стволы опираясь.

8.

Кто хранит заборы наши, изгороди пестрые?
Пан косматый и Пропал спорят, соревнуются.
И Пропал-то шестипал, глянешь и поежишься,
И Пан снял жупан – от козла не отличить.

Выше, выше ставьте крышу, славьте крышу новую,
Хатки, мазанки, землянки, избяные бревнышки
Обойдите, обоймите, дайте нам понятия –
Мы покажем, мы уважим, мы за все расплатимся:

Звездной ежевикой, синегубою черникой,
Перьями сорочьими, орехами лесными,
Дымчатой водою с бороною дедовской,
Черной бороздой, пожизненною пахотой.

9.

Там стоит, стоит олень
Под ракитовым кустом,
Слезы катятся по шерсти,
Кровь дымится на снегу.

Там стоит, стоит олень
Под ракитовым кустом,
И качает, и качает
Он пустую колыбель.

Там стоит, стоит олень,
Просит, не допросится,
Из-за моря-океана
Детский плач доносится.

– Я ходил по дворам, в дома заглядывал,
Я искал на воспитание ребеночка,
Выбирал себе малую деточку,
То ли мальчика, а то и девочку.
Я кормил бы дитя чистым сахаром,
Научил бы вышивать частым бисером,
Выводил гулять под передником,
Величал бы своим наследником.
А меня в толчки, а меня в тычки,
А меня с горы гнали кольями
Ваши глупые отцы-матери!
Ах, век вам, дети, в соплях ходить,
Чужих людей забавлять-сердить,
Не слышать слезы на темени,
Не знать оленьего племени!

Ю.

Собираются последние песни,
Бойцы невидимого фронта:
Выходят из окруженья,
По две-три строки бегут из плена,
Являются к месту встречи,
Затравленно озираясь.

Как они зачерствели,
Уже не размочить водою!
Как они одичали,
Не могут сказать по-русски.
Но старыми, умелыми руками
Они раздают патроны,
До света зрячими перстами
Они «калашников» перебирают,
Извлекают, охнув, из раны,
Глубоко засевшие буквы –
И к утру, обойдя заставы,
Они входят в бессонный город.

И молчат, пока грохочут пушки.
И молчат, пока грохочут музы.

Елена СУНЦОВА

Неведомой рекой

Стихи 2011 года

* * *

Владимиру Богомякову

Виноградарю наука:
так молчит волшебный хор,
перевёрнута сосулька –
Петропавловский собор.

Леопарды, тигры, рыси
затишают и, урча,
засыпают – замша лысин,
как потёртая парча.

Я хочу туда, обратно,
где себе рысёнком снюсь,
где прикушена облатка,
как на вилке смятый груздь.

Не Невою и не Мойкой,
а неведомой идём
мы рекой, широкой, горькой,
Дионисовой, вдвоём.

* * *

В жару размокла, разблестелась
вода, кольшется призывно,
муаровая мякоть тела
с невинной капелькой росы – но

река ей чуждым обаяньем
не насыщается, плутовка,
а ветра ласковым сияньем
почти утешилась – и только

Елена Сунцова родилась в 1976 году в Нижнем Тагиле. Долгое время жила в С.-Петербурге и Екатеринбурге, сейчас живёт в Нью-Йорке. Опубликовала книги стихов «Давай поженимся» (2006), «Голоса на воде» (2009), «Лето, полное дирижаблей» (2010), «После лета» (2011). Главный редактор издательства «Айлурос» (Нью-Йорк). Один из кураторов Всероссийской премии молодому поэту «ЛитератураРентген».

скользя отсюда по Ист-Ривер,
ты возвращаешься обратно,
со взгляда стряхиваешь – вымер,
как ощущение и – страшно

себя в прожилках безупречных
заблудшего ночного света
поймать, как в солнечных и млечных
ошмётках сонного рассвета.

Пересматривая «Приключения капитана Врунгеля»

*Так не берег ждёт ковчега,
голубя – олива*

<2008>

Сегодня, третьего июля,
в преддверии салюта и
воды мутнее Ливерпуля –
непоправимые кранты –

и ром, и Лом, и: «Ждать отлива!»,
и в предвкушеньи костенеть –
неужто «голубя – олива»
и погружаемся на треть?..

В час летний ласковый закатный,
не нарушая глади вод,
вот тень от паруса и яхты
сама по берегу плывёт,

скользит надёжная фелука,
ни дат, ни душ, ни «я сама»,
не тонет тёмная скорлупка,
во всём, наверно, не права –

царит голодный пароход,
невъразителен, случаен,
и море ходит взад-вперёд
и падаль лёгкую качает.

* * *

Заверни лопату в старое пальтишко
серого сукна.
Только и осталось: – Тишка, Тишка, Тишка,
Тишка!.. Тишина.

Жилочки ветвятся, сердце бьётся ярче,
брызги веселей.
Выдутой слезою тает в небе шар – чей? –
чаечка за ней.

Как сказал бы Бродский и подумал Оден –
лодочка, пльиви.
Слишком глубоко и слишком далеко до
острова Любви.

* * *

И вот уже больше не надо ждать,
лишь радоваться: пришло.
И август ещё не успел настать,
как всё и произошло.

В изменчивой, словно песок, воде
шутихи спирали вьют,
пиявки огней в золотом гнезде
о крови больной поют.

Витрины откормленных голубей,
ветвям тяжело плодить.
Какая река принесёт тебе
того, с кем не надо плыть?

Чья память обновкою щеголять,
как прежде, начнёт, проста?
Я знаю, и я не устану знать.
Сбылась: да и та – не та.

Колун

Начало этой истории томится далеко от времени блогеров и брокеров.

Уже в самые первые годы перестройки никому не хотелось участвовать в ленинских субботниках, и в детской поликлинике витийствовали... после чего Юлиан позвонил начальнице и сквозь вишневый шарф сказал:

– Вас хотят выкрасть на субботнике с целью выкупа.

Она испугалась.

Субботник не состоялся.

Однако вскоре всех стали прессовать, грозили сократить каждого второго, в итоге Юлиан взял все на себя, и его уволили с волчьим билетом. А ведь тогда он уже был известным детским психотерапевтом. Был к тому же неформальным лидером. Лет за семь от вишневого шарфа сказал:

– Поскольку мы половину жизни проводим на работе – давайте сделаем ее прекрасной половиной!

И врачи-сестры наполнили кабинеты кактусами, игрушками, рисунками своих отпрысков. На этих трогательных картонках папы-мамы пили чай с Чебурашкой и Матроскиным, а бабушки от-важно шли по грибы, возвышаясь на два роста над всеми елками.

Нефролог Ирина принесла эфирное масло и каждое утро капала его на ватку, ватку располагала над расписанием, и поликлиника встречала всех каким-то незримым садом...

Ирина вскоре стала его женой.

После увольнения прежние пациенты ловили его на улице, упрашивали принять... хотя бы тайно, на даче. Что делать! Он соглашался. Зарплаты жены не хватало – родилась дочь Валя, а еще у Ирины была дочь от первого брака – Лилек. И конечно, нужно было каждый месяц давать на сына от первого брака Юлиана.

Витии-коллеги сначала забегали в новую семью и новую кооперативную квартиру. Но настала эра пустых прилавков – заботы выживания все больше тормозили, и Юлиан вдруг стал часто бывать у нас.

Когда-то – в конце 70-х – вылечив нашу приемную дочь от заикания, он исчез из поля зрения на десять лет: занят-перезанят. А теперь вдруг позвонил, пришел в гости, затем еще раз... и покатались разговоры допоздна.

Помню, мы вместе ехали из театра на пятом трамвае и говорили о наших соседях (тогда их было несколько в коммуналке). Они пили, буянили, блевали, мочились и награждали каждого, входящего к нам:

– Мразь, падла, животное!

Нина Горланова родилась в деревне Юг Пермской области. Окончила филологический факультет Пермского университета (1970). Работала лаборантом в Пермском фармацевтическом и политехническом институтах, младшим научным сотрудником в Пермском университете, библиотекарем в школе рабочей молодежи. Методист в Доме пионеров и школь-ников. Автор двенадцати книг прозы и многочисленных публикаций в толстых литературных журналах («Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Урал», «Волга» и др.). Замужем за писателем В. Букуром. Живет в Перми.

Вячеслав Букур родился в 1952 году в городе Губаха Пермской области. Окончил Пермский университет (1979). Работал редактором в Пермском издательстве, сторожем. Сотрудник газеты «Губернские вести». В соавторстве с Н. Горлановой пишет прозу, публикуется в толстых литературных журналах. Член Союза российских писателей. Живет в Перми.

– Ребята, – сказал Юлиан, – такие люди пусть пьют, угрожают, но зато не пробьются в диктаторы. Алкоголь изнуряет их. Гитлер не пил, не курил, так полмира разрушил.

Мужчина с переднего сиденья обернулся:

– Как вы умно!.. Я мечтал с кем-нибудь так побеседовать! Давайте обменяемся телефонами.

Но у нас не было еще телефона, у Юлиана на даче тоже не было. До мобильных оставалось, пожалуй, лет десять.

Отец – он бежал в свое время из Испании – хотел назвать сына Хулио, однако русская мама не согласилась:

– Какую судьбу в школе ты ему готовишь? Знаешь, как его будут дразнить?

– Догадываюсь.

Записали Юлианом.

Отца потом на Урал сослали, и все были счастливы, что не в лагерь.

После увольнения сам Юлиан на даче – почти как в ссылке. Он на участке проводил всё лето, стараясь компенсировать что-то как-то – вырастить больше овощей и фруктов. Причем, вспоминая бабушку, полусерьезно говорил:

– Сегодня среда, посажу морковь, потому что среда – она, и морковь – она. А завтра посажу лук, ведь лук – он, и четверг тоже он.

В ту эру пустых прилавков и мы к зиме готовились, как к зимовке.

В августе баклажаны, которые «несут яйца» (вкус баклажанов, но внешне они похожи на куриные яйца) удивляли соседей своей экзотикой.

Юлиан взял колун: надо печь затопить – обещали, как всегда в субботу, приехать жена и дочь жены от первого брака – Лилек. Их общая дочь – Валя – была в санатории (из-за реакции Манту). К ней Ирина поедет в воскресенье.

А вот и жена – родные рубенсовские стати! Мама Юлиана говорила: тугие стати.

Первая жена – Полина – тоже была увесистая сабинянка, но уж эта...

– Ты выбрал сверх-Полину, – сетовала мама. – Эта сверх-Полина будет тебя подавлять.

– Меня? Подавлять? Ха!

Ирина не подавляет, что вы, вот она с выючным выражением глаз тащит две сумки продуктов, а Лилек мельтешит кузнечиковыми коленками вокруг.

– Я бы сам сходил в Чижово, – говорит Юлиан.

– Я и в Чижово схожу, нужно еще докупить песок, соль, хлеб.

Когда она ушла, он снова взял в руки тяжелый колун.

– Лилек, какие новости?

– Плохие.

– Что так?

– В песочнице кашкашка.

– В какой песочнице?

– В садике... Папа, а я ведь раньше Вали умру? Я раньше родилась, значит, раньше умру?

– Будешь умницей – не курить и не пить – долго проживешь.

Ей через полмесяца исполняется пять. Он вдруг подумал: если тюкнуть колуну по затылку – одного удара хватит.

А это я должен зафиксировать! Он пошел в дом и записал в дневнике про колун.

Потом был длинный день. Сначала Юлиан помог жене приготовить груши, фаршированные телятиной. Затем к нему привезли мальчика – мама его была вся из кривых ухмылок, но каких-то сплошь милых.

– Он хочет летать! А мы живем на шестом этаже.

Мама боялась, что сын выпрыгнет из окна. Но из вопросов об отце стало понятно, что тот хочет покинуть семью, и поэтому она раздувает, чтобы этот (кривая ухмылка) испугался и остался.

Юлиану удавалось излечивать гиперактивность, непослушание, негативизм... но не любил он пациентов со страхом разлуки с отцом. Однако у этого ребенка пока страха нет, можно просто сочинить ему сказку про полеты. И он усадил пациента в зеленое вольтеровское кресло:

– Как тебя зовут? Боря? Расскажу тебе историю про другого Бору. Однажды он выиграл приз – волшебную жвачку. На ней было написано: «Жуешь быстро – летишь вверх, жуешь медленно – опускаешься».

Пациент мерцал фамильной кривоватой улыбкой. Юлиан продолжал:

– Стал он жевать быстро-быстро и поднялся высоко-высоко. И вдруг видит: навстречу летит вертолет. Испугался Боря, перестал жевать и полетел низко над землей. А комары голодные тут как тут, целыми стаями: «Ты наша добыча!» И понял мальчик, что трудное это дело – летать. Надо посоветоваться с кем-нибудь.

«Мама успокоилась», – подумал Боря и сказал:

– До свидульки!

Юлиан проводил их до автобуса и вернулся домой, моцартея с каждым шагом: сейчас запишу сказку про полеты в дневник – вдруг она еще пригодится!

А тут кто – девочка со старушечьим лицом? Э, да это же мой Лилек! Не глаза, а ледяной гелий... Так, теперь там что за грибок? Женщина в шляпке... куда она идет, сгорбившись? Неужели моя жена – где ее нежная фарфоровая улыбка?

– Ирина! А что произошло?

– Слушай, ты – мумие – зачем ты так?

– Я? Как – где?

На самом деле он в этот миг понял: жена прочла его запись в дневнике – про колун... но пока не знал, что говорить.

– Про колун! И еще добавил «обдумать»! Мутант пупырчатый!

– Ну, обдумать – это почему нормальным людям приходят в голову такие образы... не исполнить... а почему... и приходят ли женщинам в голову...

Час назад ему казалось, что уголки рта жены вот-вот с треском встретятся на затылке – такая волшебная улыбка у нее, и вот уже Ирина горбится дикой кошкой, того и гляди прыгнет на горло.

– Маньяк! Мы уезжаем!

– Как же я без вас, – начал он бормотать первые попавшиеся слова.

– Достался мне параноик! Долго искала!

«Прощай, атмосфера любви и вкусные салаты!» Именно такими словами Юлиан рассказывал нам эту историю. Приехал со следом оттиснутого кулака на щеке. Видимо, сутки просидел в роде-новской позе. Налет шоколадный с лица ушел, проступила бледность. Он так плохо выглядел, как будто уже был при смерти. И только какая-то тайная реанимация поддерживала его.

А всего неделю назад этот вот цыгановатый здоровяк, бегущий на лыжах всю зиму напролет, по-мальчишески ершил волосы и предлагал пару дней провести на плотах по Вишере...

Мы достали из холодильника начатую бутылку водки.

– Вы знаете: я не пью. Но люблю пьяных. Это же бессознательное... наружу выходит.

Ну, мы убрали со стола.

А через час что – Юлиан восклицает:

– Мы выпьем, нет? Люди вы или нет?

Что ж – разлили, но никто не брал в руки сосуды. Юлиан, расхаживая по комнате, рассказывал сон: он был в группе заговорщиков, которые хотят убить какого-то крупного большевика. В их группе красавица-дворянка, она после теракта чуть не попала в руки красным... но все же чуть... Всем удалось уйти. Собрались потом без нее – тайно, там еще кто-то еще из тени в свет переле-

тал. И руководитель говорит: «Надо ее убрать, она все не может успокоиться – своим волнением может нас выдать».

Мы Юлиану говорим, через силу вроде:

– Может, твоя первая жена, в виде такой дворянки...

Он посмотрел на нас так, словно хотел расстаться навсегда... даже встал в позу Роджера, скрепив кулаки на груди. Но закончил тем, что просто влил в себя рюмку.

– Я, конечно, вырвал страницу про колун... но если бы я не записал это... или бы она не прочла? Что изменилось? Я ведь тот же я самый.

– Такие мысли нужно сразу отбрасывать.

– А как же исследовать человека? На себе делают опыты ученые, прививая оспу, чуму... Считайте, что я привил себе бешеную мысль!

Тут он вторую рюмку влил в себя – медленно, словно это часть процедуры познания.

– Иногда от этаких прививок гибнут, – не очень гостеприимно возразили мы. – А ты ведь не хотел бы погибнуть?

Мы еще говорили, что от мыслей не вырабатываются антитела, как от прививок – мельчайшая мысль может захватить все... Но Юлиан перебил, взяв в руки свой дипломат:

– Одна испанская девка хорошо написала!

И наизусть прочел про зиму, которая накатит, про грусть, про то, что так будет – и пусть... Затем достал из дипломата томик стихов Габриэлы Мистраль: мол, возвращаю с благодарностью.

Опять жизнь полна неожиданностей!

Настала эпоха рынка, Юлиан начал частную практику – очень много зарабатывал (проводил сеансы – сразу по пять-семь пациентов брал и рассаживал в вольтеровские кресла).

И в семье наступил вроде как мир.

Даже для усиления мира он водил дочерей к причастию. В храме младшую Валю держал на руках, а у нее – в свою очередь – на руках был мишка, и она его высоко поднимала, чтоб он тоже все видел. Открываются царские врата – она мишку поднимает и поворачивает, чтобы разглядел вынос чаши, затем – крутит его медленно, чтоб видел все иконы на стенах.

Юлиан все больше любил Валю и свою работу. Вот нужно решать: что делать с закормленными профессорскими детьми, которые ничего не хотят. То есть он мог взять рецепт из некоторых книг: дети должны быть слегка недокармлины и недоодеты – тогда они всего захотят. Но попробуйте это сказать самоотверженной маме, которая только тем и гордится, что ребенок упитанный и ни в чем не нуждается!

Одна из таких гордячек на первый сеанс пришла гладко причесанная и в темные тона одетая. На второй встрече, когда она уточняла, что такое скрытое внушение, локон страсти как бы невзначай отделился от плотной крыши волос и закачался перед глазами Юлиана. Приятно. Но – очнись, дурачелло! – если пойти навстречу этим волшебным стрелам, то придется платить алименты уже в две семьи. Да еще и эта родит. Чур меня, чур!

Нам он рассказывал о своих сомнениях, как будто они уже миновали:

– Дон Жуан – это не мое... Дон Жуан – поиск матери обычно. Мать рано умерла или пила, не обращала внимания. А моя мама обожала меня, хотя иронично называла – «любимый сухостой».

Потом решил учить «гишпанский» язык.

– Парлата эспаньола? – ввергал он ступор окружающих.

Буэнас диас, в общем. Аста ла виста!

Собирался Юлиан искать родственников в Картахене. Потому что здешние родственники только и знают что дневники читать и патологические выводы делать. Прикапливал для поездки тайно от жены. Хоть испанские родственники должны быть лучше, но надо будет облегчить радость встречи деньгами.

Девять тысяч долларов он потерял в МММ. Но стал снова копить – в «Хопре». И – конечно – снова облом.

Мы ломали голову: как же так? Лечит виртуозно, о чем ни заговоришь вокруг его профессии – все толково объяснит в простых словах. Спрашиваем его:

– Почему Фрейд не анализировал бунт Адлера с психоаналитической точки зрения, а сразу назвал его изменником?

– Сапожник без сапог.

И вдруг он со своим умищем понес свои кровные в какое-то блудилище пирамидальное...

Потом Юлиан стал коллекционировать метеориты. Говорил, что в одном обнаружено досолнечное вещество. Ночами, разглядывая в лупу остальные – застывшие пузырчатые поверхности – представлял, как осколок летел сквозь вакуум, выметенный солнечным ветром... и вокруг ни жены, ни тещи, ни другой жены, ни другой тещи. Пару раз выяснялось, что вместо метеорита ему подсунили булыжники.

Наконец – в шестьдесят лет – он быстро (по дневникам) написал книгу о своей работе – «Психосказки». Говорил:

– Вам звонит молодой автор.

– Прочли! Прочли! Очень хорошо!

– Эти писательствующие – хитрые такие! Ради дружбы вы через что угодно переступите.

В общем, стал он мечтать о своем доме, чтобы – может быть – оставить квартиру жене и жить отдельно.

– Куплю лампу Чижевского! А то жена не хочет: мол, это далекий привет от космизма. Мол, вот у соседей есть такая лампа, а все ходят набок. Но без лампы они бы, может, вовсе не ходили...

Причем по работе Юлиан легко находил под-проблему. Если приходила мама поговорить о двойняшках (одну послали в столицу на конкурс, а другую нет – как выйти из конфликта), то после интервью он видел, что у нее другая травма – сына послали в Афган...

Но свою под-проблему не понимал... а хорошо бы ему на исповедь и рассказать про колун, а там глядишь и небо, такое грозное, посветлеет. Про небо он так часто говорил: вчера было темное, грозное, сегодня снова, а вот в Испании, наверное...

Мы в ту пору – увы – не думали, как помочь ему, навалились свои проблемы и под-проблемы (операция, инсульт)...

Частную практику Юлиан закрыл в десятом году – замучили бесконечным повышением арендной платы... и другие разные взяточники... Начал было он принимать пациентов по серой схеме, да пришел сосед снизу, недавно потерявший работу. Он был одет в натовский камуфляж, который по дешевке купил в подвале с торца.

– Ох, боюсь я, что налоговая инспекция узнает, – вздыхал он, – надорвешься откупаться. А у меня совсем скромные запросы...

Жить на пенсию стало невыносимо. Раньше деньги служили смазочным веществом между ним и семьей, а теперь... Еще и любимая дочь Валя вышла замуж в Японию, но не за настоящего самурая, а за нашего переводчика.

Жена частенько стала гнать Юлиана из кухни прямо в тычки:

– Не работаешь, поэтому и опускаешься. Крошки за собой оставляешь.

А здоровенная Лилек (когда?! ведь только вчера ей было пять лет) тоже всегда недовольна:

– Свеклу дряблую купил, картошку с пятнами.

Вдруг шаровая молния заметалась по их двору и взорвалась внутри компьютера, испугав Юлиана, который как раз писал пост в Живой Журнал.

В эту ночь началась у него рвота и ударил какой-то штырь через левую руку в грудь. Впервые он наблюдал, как страшные мысли легко выскальзывают из всех приемов психотренинга. Но что грешить? Эта борьба отвлекала его и помогла скоротать две вечности по 60 минут между вызовом и приездом «скорой помощи».

После инфаркта Юлиану дали первую группу инвалидности, пенсия прибавилась на какой-то мизер. Дома ему даже говорили всякие ободряющие слова («Врач сказал ходить и ходить, ты больше ходи»), но он понимал, как через силу Ирина и Лилек артикулировали их.

И вот нынче в июне он позвонил нам: давайте встретимся у фонтана – мне там сын назначил... я хочу к нему переехать... вы тут рядом постоитте.

Мы пришли. Какие-то неопределенные птицы склевывали червей на свежевскопанных клумбах, не надеясь больше ни на что. Фонтан плачевно вздыхал. Рядом с нами остановился постаревший мальчик, который словно не прожил середину жизни.

– Юлиан, – сказали мы, – мы тоже по больницам странствовали. Поэтому не навещали тебя.

Тут подъехал на внедорожнике сын Юлиана, для которого отец в свое время предложил несколько имен на выбор из Карамзина. Как там: Образец? Упадыш? Мирон? Да, Мирон.

Мирон подошел с женой – у нее платье в радужных заламах, как будто женщина находилась в процессе превращения в насекомое. И он говорил в мобильник:

– Хорошо, я куплю кран.

Мы думали: речь о водопроводном кране, но потом оказалось, что это подъемный. Он был какой-то бизнесмен.

– Здоровьишка не стало, – как-то по-стариковски начал Юлиан.

– Да, проблемы, – сказал сын голосом жидкого азота и протянул сто долларов, добавив: – Кран упал у меня на стройке. Просто дыра в бюджете!

Когда они уехали, мы стали говорить Юлиану, что у его сына тонкое, выразительное лицо (не знали, что тут еще можно сказать).

– Да, я от них ушел, когда Мирончику было шесть, – ответил он. – Но где же великодушие? Вот они какие, богатые!

– Богатый – это такой же бедный, только с деньгами. Деньги лишь усиливают комплексы, тебе ли это не знать

Погода на Урале всегда зыбкая. Вдруг полил не дождь, а какой-то слизневый ветер. Юлиан с привычным усилием собрался, выпрямился, раскрыл зонт, кивнул нам и пошел домой.

Через три часа позвонила Ирина:

– Попал под машину и лежит сейчас в морге. Так рано! Рано! – она зарыдала бурно, горько, затем по-деловому спросила: – Как вы думаете: он бы хотел, чтоб его отпели?

– Да, нужно! Он боялся грозного неба!.. И спасал, спасал детей! – наперебой мы восклицали: «По делам их...»

На поминках говорили: Юлиан бесплатно вылечил одного-другого-третьего ребенка.

– Умел радоваться каждой минуте жизни, а какие радостные описания бытовых подробностей в дневнике!

А жена Ирина шептала дочери Лиле:

– Если бы вас он хотел колуном приголубить, как нас...

Но поминки шли своим чередом:

– Не гнушался черной работы: сажал, поливал, полол, солил огурцы...

– А знаете, как он Пушкина звал?

– Нет.

– Наш мальчик!

Разговор временно отвлекся на Пушкина: мальчик или не мальчик... Затем снова вспоминали Юлиана: юмор необыкновенный и он всё-всё читал!

– Рыбу ловил, как священнодействовал!

– Уверял, что рыбаки-охотники – золотой запас человечества на случай катастрофы... если технологии исчезнут...

Когда мы расходились, небо засияло алыми волнами, словно его на ходу переписывал небесный Айвазовский. И только по краю заката шло черное кружево – вороны летели на отдых.

30 окт. 2011

Пермь

Огонь и огонь, и нельзя остыть

1.

В средние вёсны – не ранние и не поздние, а вот в средние – да, в средние вёсны, когда деревья дают своим листьям волю распуститься, бывала я в болотистой области. Да не одна, а с братьями, с братьями. Мы бывали там, верно, вместе, и готовили на огне, и спали в лесу, почти на земле, но лишь только в палатках, и подолгу не мылись. И так далее, далее, далее. Всё это было в болотистой области, и об этом и будет нелёгкий рассказ, почему нелёгкий?

Сразу скажу, можно сказать, что рассказ этот не из лёгких, ну, а чего ждать, и дела мы делали там непростые, довольно тяжёлые, но всё же посильные нам, слабым человекам из вполне тоже болотистой области. Конечно, иной братец и сильный, и красивый, и отважный, но и он нет-нет да и напишет кому сообщение, и отправит мобильной связью: мы маленькие и плачем. Глядишь, и он присядет отдохнуть, а иногда и ляжет спать. Нет всесильных людей, пожалуй. Не осталось.

Вот и надо приготовиться к тому, что сюжета в рассказе не будет, а будет только лес, тяжёлый труд, весна, колючая проволока, снаряды и братовья, которые дышат, и братики, которые дышат неслышно где-то в других пределах. А сюжет, наверно, когда-то и был, и кое-кто его даже мог бы повспоминать, но теперь его всё же не осталось.

Вот как начинается рассказ.

2.

Братовья сказали: поехали в тот лес, мы покажем тебе его, а ты будешь нам помогать. Я поехала. Это было впервые, но и потом мы тоже туда ездили. Добираться в тот лес так далеко, нарочно и не придумаешь, да тут и нет неправды, в рассказе. Пока доехали, сменили два поезда, потому что первый истоптал все колёса до полного уплощения, высадил нас, а тут второй подошёл, но всё равно нам довольно пришлось идти и своими ногами, но сначала ещё проехали на тяжёлой технике машине, почти вездеходе. Но и она не смогла пробраться в болоте. Рельсов нет в том лесу для поезда, вот что, и для машины там нет дороги. Мы не несли с собой подушек, нет, не было у нас и оружия, тоже нет. Мы несли хлеб. По земляной дороге с лягушками в лужах, по лесной болотистой тропе мы несли хлеб. Хлеб был в сумках, сумки в руках, а за спиной, в рюкзаке, конечно, была тушёнка, одежда, спальники (спальные мешки), то есть, полностью укомплектовано.

На ногах болотные сапоги, а ноги внутри – в портянках.

В этом что-то есть – нести хлеб через весь лес, а ноги в портянках. Один братец так и сказал: в этом что-то есть. Хлеб промок, буханка, но мы съели её быстро, в тот же день, а назавтра ели уже следующий, не подмоченный, а простой.

Так начинается рассказ.

3.

Тот хлеб мы съели быстро, раз – и всё. Утомились и хотели есть. Но у нас оставался ещё. Каждую весну мы ели подмоченный хлеб, очень голодные, очень быстро, но у нас всегда оставался ещё. У нас, у братцев, которые дышат здесь. Каждую весну. Тот, который оставался, мы доедали

Мария Ботева родилась в 1980 году, окончила факультет журналистики Уральского государственного университета (Екатеринбург) и Екатеринбургский государственный театральный институт (семинар Н. Коляды). Стихи и проза печатались в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Урал», «Воздух». Автор книги прозы «Световая азбука. Две сестры, два ветра» и поэзии «Завтра к семи утра». Лауреат молодежной премии «Триумф». Живет в Кирове.

в другие дни. Впереди было три недели, и хорошо, что он не промокал весь сразу. Есть хочется каждый день.

Каждый день мы работали. Выходные – только Пасха, и то она выпадала в это время не каждый год. Когда-то мы приезжали и после Пасхи. Каждый день надо было раскапывать землю. Это не шутка, так оно всё и было. Мы раскапывали и смотрели, кто там.

Там были брат-солдаты. Их ещё очень много. Они братья ваши и наши, твои и мои. Земля большая. Места в ней без счёту, похоже. Война была длинная. Солдат воевало много. Так много, что кружится голова. Так много, что когда все воскреснут, встанут и пойдут, то остальным станет страшно, страшно. Кто-то подумает, что начинается снова война. Но нет. Это идут всем нам родственники.

4.

Каждую весну мы копали землю. Днём копали, ночью ложились спать. Утром вставали с опухшими руками. Они опухали от работы. У всех от работы так. Ночью руки отдыхают, спокойно лежат вдоль тела, всё тело отдыхает. Руки лежат, их не поднять, даже если захочешь – так тяжело. Надо дать им отдохнуть. У всех есть руки. Давайте им отдохнуть.

По утрам глаза радуются. Смотришь и видишь берёзы. Никаких ёлок, никаких сосен, ничего хвойного, только белые стволы с чёрным. Разве только осина иногда. Одна на тысячу берёз. В средние вёсны в болотистой области мы брали сок из этих берёз. Надрезали немного дерево, подходили, вставали рядом, совсем близко, трогали кору губами, на них оставался сок. А может быть, дерево было слегка надломлено, какая-нибудь из веток, ставили кружку, в неё набирался сок, его и пили. Вот и весна, поглядите. Вот и весна, повторяли мы и отхлёбывали понемногу. Каждому доставалось чуть-чуть. Мы набирали по кружке в день. Это же надо следить, менять посуду, куда-то переливать. Искать подходящую берёзу, чтобы надрезать ещё и ещё набрать. А нам некогда.

Можно подумать, что и сны в таком лесу тоже берёзовые, тоже пахнут соком и средней весной. Но это не так. Сны тут тяжёлые. В лесу ночами было темно, на душе тяжело. Руки болели, спина тоже. Вот и сны плохие. Не будем их пока вспоминать. Как-нибудь потом. В рассказе пока полно места. Он только начался.

Если там и было что-то берёзовое, то сам лес. Не смотреть под ноги – и покажется, что живёшь в сплошной благодати. Но смотреть надо – можно наступить на гранату, сапёрку, осколок снаряда, колючку, противогаз и на много чего ещё.

Война была большая. Боеприпасов требовалось много. Вот и остались следы. А эти берёзы тогда тут не росли. Были другие. Это же разное время. Прошло даже больше шестидесяти лет, почти что семьдесят. Тогда ещё были солдаты, теперь их нет. Не осталось.

5.

Сейчас мы с братьями едим сахар, соль, булочки и другое, но тогда, в лесу, мы этого не ели, потому что всё это быстро кончалось, заканчивалось, тратилось. Мы так и жили там без сахара и почти без соли, так. Соль как-то раз замочили, и она стала камень. Этот твёрдый камень можно разбить, и тогда получится снова соль. Соль снова станет. Если же человек, то его нельзя вернуть.

Кроме того, по дороге мы можем промочить хлеб, чаще всего мы так и делаем. О, эта нескладность – промоченный хлеб. Вот кто-то оступается в болоте или нога случайно опускается не на тропинку, а мимо – и половина братца уже в воронке, и руки с хлебом в воде – стоят средние вёсны, и любое углубление полно водой, конечно. Вода всюду в земле, земля вся мокрая, чёрная от сырости, она сама родит воду.

Мы спим дома под спальниками (спальными мешками), мы с братьями, чтобы не отвыкать, не забывать те наши лесные ночи. Может быть, из-за этого продолжаем видеть лесные сны, мы расскажем ещё про них. Я и братцы. Летом нам жарко, мы сбрасываем спальники и живём ночью так.

Можно подумать и решить, что этот берёзовый лес – это резервация, но нужно точно знать, нужно представлять, что значит это слово, и тогда уже говорить и решать. (Словарь Ожегова:

резервация – в некоторых странах: территория, сохранившаяся для проживания сохранившихся в стране аборигенов). В лесу у нас нет с собой словаря, и мы не используем резервации (всё равно не подходит). Это другое. Это всё случайно. Это из-за войны. Огонь, огонь и огонь. Поэтому солдаты до сих пор там, никто не знает. И братовья ездят туда средними вёснами, а у кого получается, тот ездит ещё ранней осенью, а может быть, живёт половину лета.

Мы покажем тебе что-то в лесу, сказали мне братовья, поедem с нами, и я поехала с ними. И увидела лес, белый берёзовый лес, весенние нежные цветы подснежники, лягушек, майских жуков, чернику, бруснику, ягоды клюквы, сухую траву, солнце, воронки, остатки артиллерийских снарядов, гранаты, патроны, гильзы, миномётные мины, противопехотные мины, взрыватели, детонаторы, старые противогазы, старые котелки, старые сапёрные лопаты, ржавые каски, шинели, ещё годные винтовки Мосина без приклада, ботинки, остатки звёзд с пилоток красных бойцов, офицерские кубики, пуговицы от шинели, от гимнастёрки, рыжую ржавую землю, совки, шупы, лопаты, металлоискатель, резиновые и текстильные перчатки, каждый день видела братиков. Братьев-братовьев и братьев-солдат.

6.

Это слово пришло из других языков, зачем нам тут ещё резервация? В лесу нет словарей, мы не будем о ней, стоит лучше поговорить о декабристах. Средняя весна, костёр и уже темно – самое время вспомнить о декабристах. Мы могли бы побеседовать о них, хоть немного. Для лесного костра, для компании у лесного костра этот разговор очень подходящий. Ещё нет комаров, безоблачное небо в звёздах, тишина, темнота. Кто это? – говорит один братец. И другой говорит: кто это? Мало братьев помнят историю о декабристах, разговор не получится. Они много знают о братиках, лежащих тут, в берёзовом весеннем лесу. Но почему? Разве не такие же нам братики декабристы?

Братовьям много, да, многое известно про эту область, про войну, про то, что тут было больше шестидесяти лет назад, почти семьдесят. Они могут рассказать всё, показать на карте (в одном сантиметре пятьсот метров). Но не знают ничего про декабристов, про ссылку, про их голубушек жён. И про глубину руд. И у них тоже, у декабристов, уставали руки и опухали. Так уставали, просто невозможно опустить, если они подняты вверх и закинута на подушку, лежат рядом с головой.

Подушек не было у нас, спали на свёрнутой одежде. Можно было принести надувную, например, и надуть, и спать. Но в рюкзаках было так много всего, что уж подушки точно выкладывали. И спали на одежде, если не пригодились её надеть. В этой болотистой области в средние вёсны выпадают такие морозные дни, что вечером не хочешь ложиться спать в этом холоде, а утром не хочешь вылезать из палатки на улицу, под кроссовками хрустит иней. Правда, холодно. Если бы была зима, то холод сочетался бы с красотой. А тут он с красотой не сочетается. Весенняя красота и зимний холод, только и радости по утрам – свежий воздух.

7.

Мы вспоминаем зимний холод, зимнюю красоту, когда всё белое. Так было непривычно приехать сюда, в болотистую область, где нет снега. Кажется, только вчера он лежал у нас под ногами, только вчера ещё не было листьев на деревьях, мать-и-мачехи на земле. И вот – ни снега, ни льда, только холод, нежные зелёные листья, майские жуки (хоть ещё не май), берёзы задеты зелёной листвой, скоро она пойдёт в рост, цветут белые подснежники, в некоторых местах их столько – как веснушек на носу, целые футбольные поля, на дорогах радуются жизни лягушки, но рядом с нами их мало, странно, болото, а их нет. Птица дергач кричит каждый вечер, хочет помешать нам спать. От этой красоты вокруг какое-то безумие может охватить нас, в голове вертится слово «прекрасно», однако, надо быть серьёзными. Нельзя забывать и об опасностях.

Если смотреть на весенний берёзовый лес, когда живёшь в нём, то есть, через него, сквозь, в него – то в сердце возникает чувство, а в голове слова: нельзя остыть. Что это значит, кто его

знает, ни один брат не скажет, никто-никто. Глаза хотят сохранить эту красоту, надолго. Очень надолго. Смотришь на берёзы, сквозь них, так, будто в глаза что-то попало, может быть, дым. Но такой, не едкий, а маскирующий. Может быть, из-за этого даже успокаивающий. Это только одна опасность, потому что красоту можно сохранить в глазах, только глядя вверх, на берёзы. А надо смотреть вниз, в землю.

А вторая опасность – мины и взрывучие вещи.

8.

Снова язык. Мина синоним опасности и смерти. И граната, и колючая проволока бывает таким синонимом, и газы, и много чего, а война тем более. Это самое главное тут слово, оно дирижирует всеми синонимами смерти. Но смерти нет, это надо сразу же сказать. Запомните, а то больше ничего не вынести. Есть братики, которых уже нет, то есть, другие думают, что их нет, их дети и внуки так думают, их родственники. А на самом деле они есть, просто в других пределах, там они дышат. А тут лежат, в нашей земле. И надо их как-то найти. Один братовой искал кого-то, может быть, свою любимую, в то же самое время, когда искал братиков. И их, и кого-то ещё, каждый день искал, копал, каждый день куда-то звонил, когда выходил в место, где есть связь. Потом возвращался в лес, приходил грустный, забирался глубже в лес и снова искал, повторял: вы соль земли, чем же ещё сделаешь её солёной. Ну, нет, говорите вы, нет, только не надо солить землю, нет, кидать в неё эту самую соль. Но это всё же продолжается и продолжается. Некоторые думают, что ничего особенного, и что соль снова станет – и начинается война. Значит, не всякая соль. Если же человек, то его нельзя вернуть, повторим это снова. Язык это говорит, и мы можем всегда повторять.

9.

Эти братики, брат-солдаты, которых нет, они в других пределах. Но они доподлинно здесь. Правда. Их можно найти. Если не смотреть попусту по сторонам, не терять время, а взять щуп – железную вицу, втыкать его в землю и слушать звук, мы услышим их.

Услышим солдат. Услышим, как говорят их кости. Их потревожили, и они говорят гулко. Больно ли кости, когда через землю её касается железо? Жалко их. Камни под щупом звучат звонко, железо скрежещет. И кости звонко-глухо. И звонко, и глухо, но чаще глухо. Некоторые корни, некоторые несуразности деревьев вводят нас в заблуждение. Если задеть их, будет тот же звук, что у костей. Начнёшь копать, думаешь: вот сейчас покажется под землёй солдат, сейчас его можно будет достать, заплакать над ним, сказать – вот он, он здесь, а смерти всё-таки нет. Но это оказывается шишковатость, сучок, который когда-то впился в дерево, дерево потом истлело, а он остался, упал в землю и звучит. И сбивает с толку братьевъёв. Скоро весна станет поздней, вылезет много зелёной сочной травы, не продрагаться в землю через неё, скоро нам уезжать, а он отвлекает, путает, вводит нас в заблуждение.

10.

Все слова толкаются в голове, особенно много их, если часто смотришь на берёзы. Правда, не выговариваются, не выходят наружу, не вылетают. Пожалуйста, можно и помолчать, пусть толкаются себе дальше, пусть бродят себе, только бы не отвлекали – нам так некогда, у нас так мало времени. Эта область такая болотистая, приходится вычерпывать воду из некоторых мест, некоторых воронок. Берёшь котелок и черпаешь воду, выливаешь рядом, быстро, быстрее, отдохнём после обеда. Если будет обед, потому что он бывает не всегда – так некогда, надо точить щупы, лопаты, менять порванные перчатки, и так далее, далее, далее. Мы вернулись к началу рассказа, там тоже были слова – и так далее, далее, далее. Что же это получается – всё ходит по кругу, и слова ходят по кругу, всё повторяется без усталости слово «война». Оно ходит за нами повсюду. В городе, на собраниях, на улицах города – особенно перед праздником Победы, за праздничными столами – как пожелание, чтобы её не было, в поезде, на школьных уроках, во многих и многих

книгах, в обещаниях политиков – прекратить хоть какую-нибудь войну, в бытовых разговорах, в песнях, а нынче и в телефонной трубке. Всё повторяется слово «война». Но это не только слово, надо запомнить.

II.

Самое сложное – каждый день смотреть на берёзы. Некоторые думают, что у нас растут одни только берёзы, кто-то ещё помнит про ёлки, про большие леса. Может быть, они бы и хотели каждый день ходить меж берёз, тонуть в снегах, смазывать лыжи и пересекать на них белое пространство, вёснами пить берёзовый сок, говорить – идёт активное сокодвижение. Может быть, кто знает. Но это сложно – каждый день смотреть на берёзы, надо бы им понимать. В глазах рябит и слезится от этого. Сразу же понимаешь, где ты живёшь – ты находишься теперь в лесу. Конечно, в городе есть разные деревья, и без берёз тут тоже не обошлось, но не в таком же количестве. Ладно, мы – мы бываем в болотистой области, в этих деревьях средними вёснами только по три недели. А как же тут были братики, как были тут солдаты? Этого мы не знаем. Каждый день они смотрели на берёзы, если появлялось время отвлечься от сражений. Бои были большие, и времени не оставалось. Каждый день огонь, огонь и огонь. Берёзам тоже доставалось, но они выросли новые. Если же человек, то его не вернуть.

Теперь каждый день они в земле, всегда. Что увидим, если будем смотреть в землю? Вот, например: саму землю, грунт, корни травы, самой обычной, как в поле сорняк – белые, длинные, спутанные. Потом ещё – корни деревьев: красные тонкие, толстые тёмные – у берёз. Какие-то красные точки, спутанные клубки – это папоротник, корни и само растение. Кроме этого видим, как портится в земле дерево, скоро закончится его срок, не отличим от грунта. И гильзы от патронов, и сами патроны, железные детали от оружия, например, рожок пулемёта, алюминиевые ложки, противогазы, камни, маленькие круглые железки – окалину, кости.

И запах будет, если начнём копать. Пахнет землёй, весной, травой. Если стукнешь сильнее совком по патрону, он зашипит, станет пениться, а в нос шибанёт тебя запах пороха. Только запах – это не страшно. Бывает, что пахнет шоколадом. Это не объяснить, этот шоколад. Копали, искали одного братика, и вдруг – как будто рядом тут шоколад. Проверили у себя – нет ничего ни у кого. Может, он был сладёной? Может, хотел в войну конфет? Ни у кого в кармане не было и сухаря, а ему бы конфету, варенья, нет, хоть кусочек сахара.

II.

Маленькие братовья смотрят фильмы о войне, говорят: мы так делать не будем. Не говорить же войне спасибо за это. За то, что она съёжилась до песен, книг, фильмов и фотографий. А больше её как будто и нет, а может быть, даже не было. Что же, почитайте пока и вы сказку про войну.

Её рассказал один брат-солдат, который слышал сказку от другого, а тот тоже от кого-то, это была длинная цепочка, и кто рассказал первый, установить, пожалуй, не удастся. Говорят, это сказка от одного из тех, кто когда-то лежал под корнями берёз. С ним рядом лежал другой солдат, не наш, он всё бормотал что-то на своём языке. Их нашли в земле совсем недавно, за долгие годы наш братик выучил чужой язык, давно понял, о чём эта сказка. Так она и попала ко всем остальным. А кто ещё не слышал, когда-нибудь всё равно узнает её. Вот она.

Сказка про Гитлера

Войны долго не было. Гитлер всё хотел её устроить, но никак не мог. Вызывает однажды к себе солдата, говорит: «Я начинаю войну, давай, иди на фронт». А солдат отвечает: «А я не буду воевать». А Гитлер: «Я тогда тебя убью». Что ж делать, снял солдат фуражку, и Гитлер его убил. Вызывает другого солдата, тоже велит собираться на войну. И этот солдат отказывается, и его тоже убивают. Третьего вызывает Гитлер, четвёртого, пятого... Целый день разговаривал с солдатами, ни один не послушался его приказа. Устал главнокомандующий. И толку мало. Пере-

дохнул маленько, и на следующий день снова начал вызывать солдат. То же самое. Что делать? Крикнул он очередного солдата, говорит: «Видишь, сколько воинов уже погибло?» «Вижу», – отвечает солдат. «Хочешь и ты умереть?» «Да нет, – говорит солдат, – умирать я не хочу, но на войну не хочу ещё больше. Убивай!» – и снимает фуражку. Но Гитлер не стал его убивать, выдал сухой паёк и отправил на крутой берег Рейна к прекрасной девице Лорелее, спросить совета, что ему, главнокомандующему, делать, как заставить солдат воевать, уже июль, а война всё не начинается и не начинается. Делать нечего, пришёл солдат к Лорелее, как увидел её, тут же память всю потерял. «Что ты хочешь?» – спрашивает его девица. «Да вот, – говорит солдат, – принёс тебе тушёночки». Лорелея увидела тушёнку, рассердилась: «Что, – говорит, – я тут сижу, мясо из банок поедать, что ли? Говори, для чего пришёл, солдафон несчастный!» С вояки сон как будто спал, вытянулся он в струнку и как гаркнет: «Гитлер хочет начать войну, а мы не хотим никто, и погибнем от его вероломства. Что делать?» Лорелея взяла свою расчёску, поскребла в волосах и говорит: «Так продлится до конца июля, пока солнце значительно яркое. Потом, в августе, сопротивление ваше будет не таким крепким, и кое-кто согласится пойти на войну, а кто-то погибнет от Гитлера. Но и тот, кто попадёт на фронт, всё равно погибнет. Вам бы в августе отправить его в гости куда или в отпуск, лучше в Арктику, он там поостынет, глядишь, и вернётся другим человеком. Проживёте август-сентябрь – дальше будет лучше. Начнутся другие заботы, слякоть эта, октоберфест. В октябре пусть он ко мне придёт, я вихры его расчешу, ум-то и прибавится. И войны не будет».

Приходит солдат к Гитлеру, рассказывает: «Лорелея велела тебе ехать в Арктику. Говорит, что там есть какая-то параллель мудрости, надо встать на неё, и всё поймёшь в тот же миг». Ладно. Гитлер перестал убивать солдат, начал собирать корабли, готовить снасти. Как раз к августу управился. Сел на белый корабль, отправился в море, и того солдата, Фрица, с собой забрал – пригодится. Он не хотел с Гитлером на одном судне по морю идти, к тому же, боялся воды, но – служба... Много раз представлялся Фрицу случай утопить Гитлера, столкнуться с корабля, да и всё. «Что мне стоит, – рассуждал он временами, – душу свою сгубить, зато народ от войны спасти?» Но никак не мог – надеялся на мудрость рейнской девицы, рука не поднималась.

И вот попали они в Арктику. Кругом холодно, а они в своей военной форме. Другой бы на месте Гитлера развернул свои оглобли да и домой, домой... Но он упорный – ищет свою мудрую параллель. А в Арктике параллелей всего ничего. Ну, одна-две-три – и всё! Ходили они с Фрицем по льду, ходили, перекликались. «Эй! – позовёт Гитлер, – Не видно ли той параллели?» – «Никак нет, – ответит ему солдат (он к тому времени уже научился отвечать по-военному), – не видно». – «Ну-ну», – пробормочет Гитлер тихонько, и дальше ищет идёт. И вот однажды Фрица как будто стукнуло что – по голове, и в глаза ударило. Сначала думал – солнечный ледяной удар, который зрения лишает. Перед глазами всё белое, главнокомандующего не видно, океана за ним не видно. Постоял так с минуту, ничего не видит. «Эй! – закричал не по-уставному, – Э-эй! Где я?» Гитлер к нему подбежал, волнуется, спрашивает: «Что такое? Доложить обстановку!» От этих слов как будто белая пелена с глаз Фрица спала, зато красная настала. «Докладываю! – кричит он, – Обстановку! Стою на параллели мудрости и охраняю её по причине прямого подчинения ей же, то есть, мудрости! Она ничего не говорит, но показывает!» Гитлер так и застонал: это он должен был встать на мудрую параллель и подчиниться ей! Стал он дёргать солдата за рукав и спрашивать: «Что она показывает, что? Доложи обстановку!» – «Вижу красное, – начал Фриц, – это твоя война. Нету ей ни продыху ни вдоху. Не знает она ни жалости, одно лишь страдание. Нет в ней места ни радости, ни женщинам, ни капусте квашеной. Ни лету, ни морю, ни рейнским берегам. Ни детям, ни старикам, ни велоспорту. Ни кино, ни танцам, ни опере. И пива там тоже нет! – и повернул грозные глаза к Гитлеру, – И всё это из-за тебя! Из-за твоей войны. Что бы тебя кошки подрали!»

«А ну, молчать!» – заорал Гитлер. «Нет! – заорал ещё громче и страшнее Фриц, – Пусть дерут! Всё равно моя правда!»

Разозлился Гитлер и убил Фрица. Сел на корабль, поехал домой. Пока добирался, сто дум передумал, сто мыслей перебрал. Сначала выходило так, что война нужна, а потом он вспоминал всё, что сказал ему напоследок Фриц, и тогда получалось, что это очень плохо. Что делать?

Домой Гитлер прибыл тёмной октябрьской ночью. Лёг спать в одежде, думал начать утром войну. Вызвать всех солдат и заставить их идти на фронт. Пусть пешком добираются, топчут ноги. Но на следующий день по всей стране начался Октоберфест с песнями, танцами и пивом. На время он забыл о своих планах. Потом выпал снег, и надо было разгрести дорожки. Потом снег растаял, и на дорожки пришлось посыпать гравий, а на грядки садить цветы. Как-то забылась эта мысль о войне. Так её и не было.

Так Фриц всех спас.

13.

Самое тяжёлое – вставать. Хотя, нет, это не самое тяжёлое, потому что холодно, и хочется встать и пройтись. Легко слушать ночью птицу дергача, пусть себе кричит, мы с братцами так устали, заснём всё равно. Легко варить обед, пусть будут супы, без второго, так быстрее – и ещё легче. Просто и легко сидеть у костра, разговаривать обо всём, о мире, а ещё о войне, а потом идти спать. Легко дышать, смотреть в разные стороны, хоть на запад, хоть на восток, хоть куда – война уже кончилась, не жди ниоткуда врага. Легко нам жить.

14.

Всё-таки и на берёзы надо смотреть, не всё же на кости братиков. Каждый день одно и то же: копать и копать, думать, что когда-нибудь тоже умрёшь, попадёшь в другие пределы, класть останки в мешки из-под сахара, в сахарные мешки. Видеть на тропинке человека, всегда одного и того же – утром он идёт за клюквой, а вечером – к себе в деревню, за спиной у него рюкзак, в рюкзаке ягоды. Сейчас он отнесёт их домой, потом продаст в магазин, а может быть, отвезёт на рынок, хотя проще всего было бы сдать заготовителям, они сделают настойку или что-то ещё. Как-то мы пошли по болоту, по настоящему болоту, где мох – как облака, идёшь по нему, лишь бы пройти и не оступиться, а то упадёшь, пропадёшь, всё. Один братовой как-то смотрел и видел, как аист ходит по мокрому, не по такому болоту, но всё же мокрому. Он смотрел, и вдруг говорит: мне бы такие ноги. И мы шли по болоту и думали – нам бы такие ноги. Мы бы смелее шагали.

Попробовали клюкву – а она весной пьяная. Сладкая, не то что осенью, может быть, и не пьяная, но голову уносит. Мы копали-копали, не поднимали голову почти, только посмотреть на берёзы, и ходили всё же по твёрдому, по земле, ели тушёнку. А тут идём – как будто кто-то положил на воду надувной пляжный матрас, и мы ступаем по нему. И вдруг едим клюкву. У каждого бы в голове зашумело.

У этого ягодного человека каждый день клюква, такое уж у него дело, у нас – другое: копать. Однажды он сказал, глядя на нас, что мы как будто в пионерском лагере – совками копаемся в песке, мы поднимали тогда верхового из хорошего грунта, кости в корнях не запутались, но он всё равно был разбросан по большой площади – может быть, когда-то тут похозяйничали чёрные копатели, им нужно только железное оружие, а остальное у них – долой. Или попал снаряд. Теперь ищи долго, можешь и не найти всего. Всего брат-солдата. Посмотри на берёзы, как дымом будто опутаны. Слушай, как по деревянным стволам, по клеткам поднимается кверху сок. Клюква живая, листья на деревьях живые, живые слова ходят кругами. Весна наступила всё же.

15.

Конечно, надо быть радостными, на три недели нельзя оставаться всё время в грусти. Мы шутим друг над другом, вспоминаем смешные случаи. Почему нет.

Например, было такое, что нам тяжело, еле добрались до того места, где потом жили все эти недели, едва донесли всё, что взяли с собой – и инструменты, и шупы, и свои личные вещи, спаль-

ники (спальные мешки), и хлеб, конечно, хлеб. Нас тогда было мало, немногие братьовья смогли приехать в болотистую область, нам пришлось тяжело. А тут ещё надо нести останки в деревню. Нам вызвались помочь местные жители, такие же братьовья, они узнали мобильной связью, что нам трудно, что нас мало, нести тяжело. Решили найти. Позвонили, сказали – мы выходим. Мы ждали несколько дней, сами копали, сами доставали братиков из земли. Сами унесли в деревню. А тех всё нет и нет. И в последний день они вышли к нам, попросили чаю. Пейте. Оказалось, всё это время, все дни они ходили своей болотистой мокрой землёй, искали нас, и нашли только в конце этого весеннего труда. Как странно.

Иногда пойдёшь в деревню, купишь чай и хлеба. Хлеб принесёшь, а чая где-то нет, пропал по дороге. Был – и не стало, необъяснимо. Приходится пить бруснику, завариваешь и пьёшь. В другой раз можно бы и посмеяться, но сейчас как-то не хочется.

Хотя смешного бывает много.

16.

Не каждый заметит братика. Не у каждого есть этот дар. Кто-то пойдёт, запнётся за что-нибудь, решит поискать в этом месте, смотришь – и появляется солдат. Никто бы не нашёл, а этот вот запнулся и заметил, надо же. А если бы не запнулся, думаем мы, и ответ напрашивается сам собою. А другой, наоборот, никак не может найти. Пусть и запинается, и не запинается, и со шупом, но не получатся разгадать, где останки. Ходит с металлоискателем. Но это бесполезно – вся земля набита железом и пулями, вся земля ржавая – и прибор пищит на каждом шагу.

Некоторые братики пролежали в земле несколько десятков лет, и никто даже не думал, что они тут есть. Подмоет вода, расширит ручей – и видно солдат. Пройдут животные, потолкают землю – и вот брат-солдат. Каждую среднюю весну можно найти братика на тропе. Сколько лет ходят грибники по ней, а одного не знают – идут по костям. Ну и что? – скажет какой-нибудь грибник, – все мы из праха, и прахом станем. Вот и они лежат в прахе, вот и они прах.

Это так. И трава растёт из праха, и деревья, вот все эти берёзы – они все растут из праха. Пока прах не устанет, всё будет расти. Кому-то жалко, он говорит – я не хочу, чтобы так всё закончилось. Ему отвечают – так не заканчивается, так, может быть, начинается, что ты, не бойся. Вспомни, откуда произошёл человек, из чего его сделали, и что внутрь, в душу вдохнули, и кто сердце в руках держал. А он всё не успокаивается и не успокаивается. Ему бывает плохо, всё мутит, например. С таким тяжело в средние вёсны в болотистой местности, и самому ему тяжело. Может быть, проще на природе в другое время, в другом месте. Кто ж проверял.

Ничто не помогает от сомнений. Так и будет этот братец копать и всё думать и думать о том, как это плохо – лежать в земле, становиться землёй, из тебя будет расти трава, деревья, будут рядом возиться жуки, совсем как в стихах: теперь вам братья – корни, муравьи, травинки, вздохи, столбики из пыли.

Что делать с этим? Оказывается, не всякий согласен быть прахом, вспомнить хоть классику: и что, у Александра был вот такой же вид в земле?

Снятся братцу сны. Ворочается, когда спит в палатке, а надо помнить, что он не один, рядом лежат такие же его братья. Например, снится, как будто лежит он в земле, и надо бы повернуться с одного бока на другой, а не может, то есть, может, но с трудом. Поди-ка перевернись в земле. Трудно. А рядом с ним брат-солдаты лежат, много, и их тоже можно задеть. И так становится нехорошо, встал бы, вышел бы из палатки, но пойдти так просто вылези из земли вон. Из праха. Утром он просыпается и идёт искать солдат. Находит, а ночью снова они снятся. Может быть, когда закончится средняя весна, начнётся поздняя – он и забудет о том, что ему плохо, его мутит. А может быть, забудет раньше, а потом вспомнит.

17.

Одному человеку всё слышались голоса. Он думал, самое тяжёлое – эти голоса. Он шёл по болоту – вдруг кричат: «Эва! Эва, эва!» И так несколько дней – всё из одного места звук. В первый раз, как услышал, он вспомнил молитву одну, а может быть, сам придумал. Так испугался. Крик прекратился, к тому же брат ускорил шаги и быстро выбрался к своим, ему зачем-то нужно было уходить, может быть, из деревни с покупками возвращался, может быть, с хлебом.

Но потом он услышал «Эва!», когда лежал и спал в своей палатке. Вдруг среди ночи ему приснился лес, как будто он стоит на земле рядом с деревом – у дерева корни вывернуты из земли, оно упало, а корни вывернуты, он стоит и слышит, как кто-то говорит ему: «Братец, тут». Он смотрит, а под корнями перевернутая каска, он поднял её, а там, а под ней полно патронов. Как будто кто-то нёс их в каске, в него попала пуля, и он упал, каска с патронами перевернулась. Получается, не донёс.

И каждое утро, как встанет, слышит одно и то же, со стороны того болота. Кто-то будто зовёт всё время.

Однажды утром он проснулся, пока завтракал, в голове его что-то будто стучало. Встал, повело, упал. Все забегали, суетятся – человеку плохо! Говорят: что? Что случилось? Ты не ел пьяную клюкву? А он лежит, и лёжа заговорил: все искали меня под горой, а я у ржавой воды. А у самого глаза пустые и странные, будто бы не свои. Встал, взял инструмент и пошёл, смотрит чужими глазами. Все за ним. Пришли к болоту, вода старая, пахнет нехорошо, остановились у берёзы – она упала, лежит, корни вывернуты. Рядом на земле перевернутая каска, подняли каску, а под ней патронов полно. Стали копать рядом – подняли бойца, роста обыкновенного, никакой не великан и не богатырь, медальон нашли – пустой. Не хотел, значит, заполнять, боялся нажать смерть. Рядом ещё пять солдат лежали – ни про кого неизвестно, как зовут.

Когда всех подняли, когда откопали всех, кости сложили в пакет из-под сахара, слышат, как кто-то кричит радостно: «Это мы! Мы!»

18.

Один братец всё хотел тишины, её тут полно, как воды в земле, а ему всё было мало, всё говорил – у меня в голове звенит, и хочется пореветь. Он ходил молча по лесу, искал братиков, всё думал – как бы найти их, как бы? А наткнулся на папоротник выходящий. Клубочки папоротника сидят в земле до весны, а средними вёснами, да, средними вёснами начинают раскручиваться, выходить из-под сухих прошлогодних листьев. Они разворачиваются, как сухое прессованное полотенце в воде, они разворачиваются, становятся листьями. И вот перед нами папоротник. Братец загляделся на весну, сел на лежащее дерево и так сидел. Смотрел, как растение разворачивается, как клубки становятся полотенцами, как лапищи папоротника увеличиваются – сразу зелёные. Потом просыпаются все жуки, подснежники закрываются до следующей средней весны, приходит лето, проходит несколько лет, а он наблюдает жизнь, снег, осенние листья, жуков, солнечный свет через лес, кабанов, лосей, вот кто-то перекликается, шумит на реке моторка, то одна, то другая, спит брусника, растут деревья, стареют.

И сидел так, все проходили мимо, дорога в ста метрах, никто не мог заметить – оброс зелёным мхом, как пни во всяких лесах, не только в той болотистой области, ноги стояли на месте, через длинные болотные сапоги проросла трава сныть, белые подснежники подобрались к правой стопе. Всё видел сам, всё знал. Однажды дошли до того места брата, ходят, разговаривают между собой, ищут братиков, зовут. И вдруг он стал, братец, большой братовой, встал с дерева, сказал: тут! И сказал ещё, что нельзя остыть. И ушёл себе в лес, сам во мхе, сныть торчит из резинового сапога.

И правда, на том месте нашлось потом много братьев-солдат. И нашей страны, и не нашей. Достали всех из земли, похоронили с залпами, рядом с другими.

19.

Самое тяжёлое – это рюкзак, особенно взять и закинуть его на тяжёлую технику машину. Это делают те, кто посильнее. Все мы помогаем им – тащим рюкзаки, вместе приподнимаем.

Потом тоже испытание – ехать на этой машине, это вам не автобус, не поезд. Садимся на деревянные доски вдоль бортов, машина едет быстро, и на каждой яме сидения под нами сначала уходят вниз, а потом мы подпрыгиваем. Выходишь – будто кто-то пинал.

После этого надо нести все вещи, рюкзак и прочее, смотреть, как радуются жизни лягушки, сидят друг на друге, листья распускаются, папоротник из земли вылезает, весна, а мы идём жить в палатках – и три недели будем в лесу, тут много дела.

Обратно нести рюкзаки тоже тяжело. Выходить из леса, ехать в машине или автобусе в деревню, мыться в бане, смотреть на реку с моста, заходить в магазин, разговаривать с продавцами, спать не в палатке в лесу, а где-нибудь на полу в сельском клубе, где ещё и натоплена печка – так странно.

Это после трёх недель странно. А брат-солдаты так жили долго, гораздо дольше. Как они выходили из леса? Как шли в обычную баню, потом по деревне, потом по городу? Что думали? Что сделали, чтобы выжить? Только сражались.

20.

После захоронения, когда отгремят солдатские залпы, мы пойдём по посёлку, купим мороженое, потом поедем на вокзал, походим по городу, купим газеты, будем фотографироваться и фотографировать мир вокруг. В лесу тоже сделано много снимков, и берёзы, и окопы, и осколки снарядов, старые противогазы, раскопы, корни деревьев. Братовья за работой и на отдыхе.

21.

Самое тяжёлое – говорить с теми, кто все эти годы не знал, где его брат-солдат, солдат-отец или солдат-дед. Потом братовья находят его, пишут его сыну, дочери или племянникам, тому, кто ещё остался и помнит, пишут им письмо, говорят: приезжайте весной, мы покажем вам, где теперь похоронен братик, где он погиб и найден – там стоит памятный крест, мы проводим, не бойтесь, не заблудитесь.

И они приезжают, надевают энцефалитки, садятся на гусеничную тяжёлую технику машину, она воеет, как зверь, везёт их по лесу. К кресту подходят на своих ногах, но трудно сказать, что за ноги их привели. Твёрдые или уже не совсем, потому что у креста они подгибаются, и сыновья, дочери и так далее оказываются на коленях.

Мы прошли и видели теперь этот лес, но не знаем и сотой доли войны, – говорят эти люди на прощание. Слезы высохли, пора ехать. Может быть, в следующую весну они снова смогут тут побывать, так сразу не скажешь: как здоровье, как дорога – это же надо учитывать. Они говорят: спасибо. Теперь мы поняли. Одно дело, когда кости лежат просто в земле, в тропе, каждый ходит по ним, ничего не подозревает, а другое – когда всё по правилам. Мы уедем, а вы не бросайте вот этот лес, и этих солдат, потому что нельзя вам остыть. Огонь в глазах и огонь.

22.

Сейчас мы живём дома, и рядом с нами нет тишины, нет леса. Мы бегаем и говорим, ходим, садимся, включаем телевизор и слушаем радио. Даже если выключаем всё, на улице могут быть звуки, какая-нибудь машина вдруг да начнёт работать, заведётся, поедет, зашумит. Ночью, если живёшь на тихой улице, только ночью, когда всё выключишь, рядом с тобой может сесть тишина. Она сядет, обнимет тебя, если не будешь сопротивляться, и тогда вспомнишь.

Ночью, вечером, днём в том лесу, в той самой болотистой области всегда рядом с тобой была тишина, садилась, гладила по голове, смотрела в глаза, трогала сердце, дула на него, как на рану. Даже когда братья разговаривали, когда они смеялись, всё равно тишина была рядом, совсем близко. Стоило всем замолчать – и она показывалась снова.

К тишине мы не привыкли в таком количестве, мы из другого места, из другого времени. Поэтому в лесу включали музыку в наушниках. Звонили кому-нибудь, если была мобильная связь и если батарейки не сели. Но много ли наговоришь? Только самое важное – нет, не мёрзнем уже, ложимся спиной на мягкий туристический коврик – и нельзя так остыть, хлеб не промокает, спим регулярно. И это всё. И снова тишина. Большая тишина – говорят братики из других пределов. Они так долго ждали тишины, когда всё закончится, станет тихо. И вот дождалась, она наступила. Никто не знает, что они тут, никто не слышит.

С этим надо что-то делать, и некоторые братья пишут сообщения домой или друзьям мобильной связью: мы маленькие и плачем. А кто-то уходит подальше от лагеря, например, движется на восток в течение получаса. Заберётся куда-нибудь – и кричит. Без слов, просто вот так: а-а-а-а-а-а-а! И ещё несколько раз так же. Пугает тишину, разгоняет её. Но это бесполезно, она навсегда поселится в нём. И однажды ночью, когда все кругом будут спать, и сам он будет спать, его тишина придёт к нему, обнимет за плечи. И брат пролежит до утра без сна, что-то смутное будет его тревожить, но что? Кто знает. Можете спросить, но ответит ли он? Он и сам не всегда понимает, что это просто тишина встала вдруг рядом с ним, самая обыкновенная тишина, да и всё.

23.

Мы здесь живём и не знаем, думаем, люди мельчают. Становятся ниже, меньше, слабее. Раз солдаты такую войну победили, они были большими, великаны какие-то наверно. Это не так. То, что осталось, их кости, ничуть не больше, чем наши, мы проверяли в болотистой области, смотрели на свои ноги, руки, на их останки. Мы не меньше их. А иногда и больше.

Чтобы победить, им просто оставалось воевать, и ничего больше, просто каждый день делать одно и то же – воевать. Жить в лесу и воевать. Капля камень точит, говорят, вот они и победили. Так долго сражались. Они и сами говорят об этом. Вот что они делали, чтобы выжить.

24.

Это слово всё повторяют братья. Ночью ты ляжешь спать в палатку и услышишь его, утром пойдёшь умываться к воронке, и как будто шёпот над головой. Всё время оно лежит на плечах. О каждом солдате можно говорить это слово, о каждом, кто лежит тут, о каждом, кто отсюда смог уйти, смог выжить, о каждом, кто был на другой земле, то есть, на этой же, но в другой области, например, не в такой болотистой, например, южнее. Это слово повторяют солдаты всюду, в любой нашей стороне. Оно немного меняется, не везде звучит именно так. Но вообще – верно. Вот оно.

Слово о красных солдатах

Раньше были солдаты, и о них говорили, и писали книги, рукописные повести. Вот перед нами страницы книг, читай и смотри: идут солдаты, идут, а над ними – синее небо, хмурится небо, солнце пытается подсказать дорогу отряду, полку, целой армии. Все верят в солдат, солдаты верят, идут. Завязался бой – небо чернеет, зато солдаты могут подняться над облаками, посмотреть, как там у врагов что устроено, пробежать зверем, проползти ужом, ящерицей, над болотами пролететь росянками, напугать сарычом, раствориться чётками, синицами, пеночками, дятлом сыграть наступление, по лесам, пройти, пройти, пройти. Напасть на врага медведем, прыгнуть рысью, потоптать кабаном, смести на полном ходу лосем, и все разбегутся. Все неприятели, гады, враги. А если плен – всем известно – надо грянуться оземь, превратиться в сокола, улететь, скрыться в степи волком, уйти, уйти, потом напасть, выдрать победу, унести в пасти себе свою жизнь.

Но это умение солдаты утратили. Не быть никому теперь ни серым волком, ни холодным ужом, ни звонкой синицей, только солдатом.

И вот стали придумывать – стальные рубахи, шлемы на головы, мечи, щиты, много оружия, коней запрягли воевать. Подбирается кто с ножом – у солдат мечи. Подходит кто с большой пал-

кой – выставляют щиты. Ничем было не взять, ни огнём, ни голодом. Так продолжалось долго, но и железо истлеет, и мечи зазубрятся – прошло и это умение.

Начались новые времена, в горах нашли камень, много железа, сняли с церквей колокола, наплавили пушек, мушкетов, кортиков, всё пустили в дело, теперь у солдат было, чем воевать. Но и это истратилось.

Солдаты всё думали, думали, наделали бронированных пушек, танков, быстрых машин, только ездят, только сумей защитить. И солдаты ехали, шли, сражались, но война оказалась долгая, даже железо не выдержало, не успела доехать подмога, не смогла пробиться через огонь, снаряды, взрывалась на минных полях. В болоте остались солдаты. В чистом поле остались солдаты. В лесу остались солдаты. Ни стальных рубах, ни пушек, в руках трёхлинейки, сапёрки, наготове гранаты, а может, совсем ничего, пустые ладони, это их не спасёт, не поможет защитить мирный сон своих родных, своих жён, детей, братьев. И солдат говорил солдату: нету у нас ничего, мы не можем перебежать зверем, перескочить оленем, перенестись соколом. Птица дергач нас проводила бы в бой, но улетела, все птицы боятся выстрелов, все звери боятся нечисти.

Сапёрка твоя говорит – вот за холмами со всех сторон наша лежит земля, справа и слева, спереди, сзади. Наша земля стала красная от кровей. Красные мы солдаты, нету у нас ничего, красные мухи в глазах, красные сами глаза, мы не спали, не ели несколько дней, красные руки и ноги – они трудились, серая кожа стёрлась до красных кровей. Красные мы солдаты, красная наша душа, смозолилась этой войной, бились мы, бились, красная стала трава, красное солнце, небо, красные стоны раненых, ранены голоса, красная стала вода под землёй, красная стала земля, пресная стала земля, тишина.

25.

Самое счастливое время – утро. Свежий воздух, очень уж свежий воздух, только и радости, кажется, ну и что? Не совсем так. Встаёшь, идёшь умываться. Главное – не забывать взять с собой в лес принадлежности гигиены. Зубную пасту и щётку, мыло, шампунь. Полотенце. В нашем лагере в те вёсны не было реки, и все умывались из воронки. Готовили на воде из другой воронки. Весна, берёзы, свежий воздух и природа. Романтика, подумает кто-нибудь, жить без реки в лесу, нюхать воздух, говорить – вот и весна, пришла и идёт, говорить – какой воздух сегодня вкусный, где-то там зацвела черёмуха, ветер в нашу сторону. Вот и весна, поглядите, вот и весна. И так каждый день. Это, конечно, не романтика, но что-то в этом есть.

Одним таким утром один из братьев нашёл того человека, того, что был потерян. В то утро братьевья вышли из болота, чтобы вскоре ехать домой, проделать обратный путь.

Кто-то видел лису весной, как она бежит по лесу, рыжая и яркая среди полуголых деревьев. В это время все лисы ещё голодные, злые, можно спутать с бешеными. Кабаны порылись в земле, искали что-то. Птица дятел стучит по деревьям, ищет себе жуков, вороны свили гнёзда, но они сюда не залетают весной, среди берёз они бывают только осенью, не сейчас. Самый страшный зверь – это медведь. Братьевья рассказывают, что он иногда выходил к людям в этой болотистой местности. Где-то лают собаки, до деревни далеко, и значит, это охотники ищут кого-то.

И звёзды ночью, как посмотришь, то видны, то не видны, земля крутится, день сменяет ночь, а ночь – день, всё живёт. И даже небольшие деревья, которые достали мы из раскопа и пересадили в другое место – через день снова живут.

26.

Внимание – всё очень ясно видно, и внимание наше сосредоточенно. Мы смотрим через прозрачный воздух и видим деревья, видим вывернутые корни, белые подснежники, бутоны черники, готовые распусться – видим саму весну, это она. Мы поднимаем руки, закидываем их за голову, ложимся в подснежники – мы сдаёмся весне.

Галина ЕРМОШИНА

* * *

черепеховый рай
и двенадцатая речь,
сквозь одуванчики медленно смотрит смерть
и с расстояния в полруки и холста
чтобы смеяться потом смогла
лишь одна из ста.
лишняя, с липовой головой,
с губами во льду – в меду,
как медведицы краем поля бредут
сквозь темноту,
скованные темнотой,
в те края, что ловят их по одной,
где по дням как пух с одуванчиков он сдувал
и в лицо никого из них не узнавал,
и за руки выводил на свет
между речью и речью
и между да и нет
и от земли невидим, и от стекла вблизи,
сквозь одуванчики голос его сквозит.

* * *

жи и ши, под языком
торчат острия
и босиком
ни в первый, ни во второй, ни в третий
не встретит,
отмахиваясь от запятой,
между берегом и водой
уходила так далеко и тихо,
что горизонталь успевала
выпрямиться и стереть
себя об твердь
и твердо знала –
между руками слева и справа,
обратно к словам и рыбам
по солнечной стороне воды
и мела, очерчивающего ее следы.

Галина Ермошина родилась в с. Ивантеевка Саратовской области. Окончила Куйбышевский институт культуры, работает в самарской областной юношеской библиотеке. Многочисленные публикации в журналах «Знамя», «Дружба Народов», «Октябрь» и др. Автор книг «Окна дождя» (1990), «Круги речи» (2005), «Оклик небывшего времени» (2007). Лауреат Первого фестиваля малой прозы им. И.С.Тургенева (Москва, 1998).

* * *

ни линий ее – ни ее самой,
в песок срывается край земляной
с края песчаного,
и не объяснить
глаголу его самого
или память о нем
в слове графит,
которым и руки пробиты
и свет прибит,
а дом заколочен,
и в воздухе если висит,
то пойманный сетью и буквой ю,
как звук
вплотную подходит со всех сторон,
и сухие иголки под кожей,
и ближе кожи.
без голоса – в горле шип,
начиная с любой из тех,
где только стебель,
где пополам и смех,
и не обернись,
пока за плечо не тронет тебя пустота,
прочитав с листа
капиллярный узор
на изнанке глаз,
отсчитывая на раз,
два, три,
и внутри
задувая себе самому в зрачок,
а он ключом
высвистывал,
собирал лучом,
а песок
страницы пересыпал
по отточиям горловым,
по соломенным спинам рыб.

* * *

нет не получится – как ни своди края
как ни сквозит сквозь свет
как ни сводит [в] сон
тот упадет в песок который в глазах
выдаст тебе где небо отклеили от земли
и как снег у него отнимают –
что купишь ей на обол?
наизнанку как ни закрывай рукой

как ни затягивай волосом водоем
между зверем и тем кто зрением говорит
столбик глагольный кольчатый кровоток
нет ему дела и нет за ней никого
шел по слову и словом себя сшивал
если потом ничье подступает швом
или ничком размывая шрифт расстиляет дно

* * *

горизонталь листа
устав
становится вертикалью
чайным взглядом
и рядом
проходит пустотой
из ста
голосов бумажных
важно
себя ссыпая в глубину зрочка
и прорастает
раскачивая расстояние чая
случайного
пока молчание
оберегает
вертикаль уставшего оригами

* * *

не хватает теперь – полынь полынья
или явь
или тот кто не скажет «я»
алфавит застрянет в гортани
потом горчит
или гордится
и прячется за латынь
за латунь киноварь и медь
продевает в ушко гранит
или гранат
или это вода звенит
ударяясь о край ведра
выплескивая полынью
разбивая твердь
и только потом – пьют
зажимая в горсти
как ключи зажимают в кулак
и не оттолкнуть
и не отпустить никак

* * *

начинать без имени,
даже без местоимения,
по соломенным прописям,
оттискам
первопечатников,
того, кто и сам печать,
отвечал
за себя и за брата,
и обратно
не возвращался
ни по камешкам твердым,
ни хлебными крошками,
что осторожно
его уводят,
и за плечами
молчание
чуткими ртами.
только он изнутри
по молчанию их различает
начинать бы без имени,
спины, ладони и губы,
чтобы на убыль
тот голем,
и глина – на убыль

Сергей ПОПОВ

* * *

где чумовому чувству долга
слабо пожитки уберечь
пересекает речка волга
вовсю мелеющую речь

течёт недобрая прохлада
по тем и этим берегам
и знать кому всё это надо
дано лишь детям и богам

маячить дальними огнями
морочить сумрачным гудком
в небытие как будто в яме
кровь остужая с молоком

и слышно лучше чем в могиле
ворчанье токов земляных
молчанье звёзд в придонном иле
немую сутолоку их

и если катер полуночный
пройдёт на бакены кренясь
во тьме сырой и шлакоблочной
огнеупорно прянет грязь

лукавым светом отражённым
ответит кряжистой волне
и станут спать мужи и жёны
теплей и радостней вдвойне

и будет речь во сне невнятна
и завтра будет золотым
пока предутренние пятна
в дневной не выстелятся дым

Сергей Попов родился в 1962 году. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Арион», «Москва», «Юность», «Дети Ра», «Новая юность», «Литературная учеба» и других. Автор тринадцати книг стихов и прозы. Лауреат нескольких международных и российских литературных премий. Член Союза российских писателей. Живет в Воронеже.

* * *

Тошие пачки в ладонях мнут,
мнутся, воротят нос.
Свежая горечь ночных минут,
высверки папирос.

Бога в ночи не ночи не слабо смешить,
впитывать никотин –
прикуп узнать бы да в Сочи жить
до несмешных седин.

Ан, получается поперёк
с выходом в разгуляй –
изморось, склизь, угловой ларёк,
ржавые тополя.

На грозовой заходя вираж –
там, на небесном дне –
божий куражится карандаш,
свет громоздит вчерне.

Будто на чёрном на дне морском
высверки сна и лжи
вечным трассируются песком,
яроствы и свежи.

* * *

в саратове городе жил алексеев поэт
ни много ни мало а скоро сто лет как в обед

какими обедами он от души угощал
водил по музеям на волгу возил на причал

почти что кричал за столом что печатают муть
но будем работать а там проживём как-нибудь

качок сочинитель ревнитель идей эскулап
ему ли судьбу упускать из накаченных лап

учили купчину в лихих девяностых зазря
сполна и по чину а он не глядел за моря

крутился втирал строил планы копил капитал
какие прожекты лелеял надежды питал

и дочь далече и друг и забыто перо
проехали хватит казалось избыто старо

но бога смешить про себя рассуждать наперёд
и сбудется проза и муза эвтерпа грядёт

всё будет всё будет чтоб кончится вешней порой
обиду на бога затеять один геморрой

трамвай петербургский толстяк новый мир би би си
кому не до фени доступны и на небеси

в усах и печатке чуть под сальвадора дали
он скажет ребятки и в небе довольно земли

* * *

Знамо дело, пагуба-куга.
Где они, иные берега?
Канны, Океания, Китай.
Губы спозаранку раскатай.

Знамо дело, можно – да нельзя.
Кровная бескрайняя стезя.
Радио орёт «ку-ка-ре-ку» –
в изморось рыси по утряку.

На рясах по жизни волокно.
Ныло запотелое стекло,
пело, до сопрано доходя
на краю рассветного дождя.

Голос – волос. Лопнул – и волна
ни единой суше не равна.
Берега гремящих облаков,
обложных – и был жилец таков.

Небо, небо – тёмная вода.
Штормовое наше никогда.
Смутен запад. Пасмурен восток.
Чёрной крови полон водосток.

* * *

Она говорила «спасибо»
по делу, без дела – всегда.
И делала это красиво,
заманчиво – просто беда.

Её простодушные очи
глядели легко и с искрой.
И вся благодарность, короче,
казалась игрушкой порой.

Издёвкой, дразнилкой насмешкой,
крепчающей день ото дня –
орлом ли уляжется, решкой –
а ты не забудешь меня.

Ни денег она не просила,
ни краткого счастья взаймы –
искрилась летучая сила
на иглах ресничной каймы.

И то ль подозрение грело,
что это и впрямь не прикол?..
Но спорилось страшное дело
прилаживать к жизни глагол.

* * *

Он говорит во сне: «Кать, а Кать...»
И начинает всё наверху сверкать.

И она встаёт, вздыхает, идёт к окну.
Столько их, а видит всего одну.

Белую, голубую, сизую – не поймёшь.
Как ни зажмурится – видит опять её ж.

Ёж твою медь, лукавое серебро –
всё не торопится бес мужику в ребро.

«Коль, - окликает, - а, Коль, ты спишь?»
Блеск за стеклом, а в комнате только тишь.

Вот ведь случается, думается ей вдруг –
в прах обращается вся череда прорух.

Ночь продолжается. «Слышишь, открой глаза».
Как умножается в присверках бирюза!

И наплевать на охру, кармин и проч.
Синий, стальной, фиолетовый кажет ночь.

Странный у счастья ответ – внутри мороз –
словно холодный пламень к ребру прирос.

Опытен и нестойк - плоть плоти от –
словно немой историк огней и вод.

Не утешитель плоти, не мелкий бес –
крайний земной в комплоте со льдом небес.

* * *

А что не стало общим местом?
Бог маракует с тем же тестом –
прогоркло, сладко ли оно...
А как не выверни – одно.

И перед выпечкой развязки
ни зла не стоят, ни стыда
любые правды и побаски,
любая божья ерунда.

Ирина КОСЫХ

Нелегалы

Серее Дроганову

*«Деточка,
Все мы немножко лошади...»
В. Маяковский*

Батыр постучал по стене:

– Асланбек Ятимович! Водку будете?

– Иду-иду, – поспешно донеслось с той стороны, – а сколько времени?

– Полчетвертого. Самое время взбодриться, – крикнул Батыр и пошел на кухню. Поставил на плиту сковороду и кастрюлю. В первую бросил домашних котлет из морозилки, во вторую всыпал немного риса и залил его водой. Достал из холодильника полупустую бутылку водки и наполнил две маленькие стопки.

– Утро-то какое... доброе! – воскликнул подоспевший дед Асланбек с папиросой в зубах и тут же выпил.

Батыр налил по второй и мечтательно заметил:

– Москва... Весна... Теплынь... Водка...

– Жаль, Зухры нет. В женском обществе как-то того... мажорнее.

– Н-да, работает всё. Как лошадь.

– Зачем так грубо? – обиделся за отсутствующую Зухру Асланбек Ятимович. – Как пчелка.

Порхает, порхает... Мотылек наш... чешуекрылый...

– Нет, хорошая она все-таки баба, – Батыр налил по третьей.

Дед Асланбек, озираясь, быстро выпил.

– Очень хорошая, – охотно согласился он и застенчиво поставил на стол пустую стопку. – Такая...м-м... понимающая.

– И умная.

– Умная – жуть, круче Селина, – дед Асланбек украдкой пододвинул стопку поближе к бутылке.

– И талантливая, – подсказал Батыр.

– Не то слово... Вермеер в литературе!

– Да вообще она гений.

– Гений, конечно. Леонардо в юбке!.. Достоевский на каблуках!.. Короче, тамбовский Эйнштейн ей товарищ! Кхк-кхе... – дед Асланбек вдруг закашлялся и деликатно замолчал.

– И красивая.

– Этого не отнять, – с грустью подтвердил Асланбек Ятимович. – Такая вся... в черном пальти-шеч-ке...

– Да-да, черное ей идет, – закивал, улыбаясь, Батыр. – И деловая.

– Особенно в пиджаке и лосинах! Я, когда ее в пиджаке вижу, прям замуриваюсь от красоты.

Вылитый Чубайс. Ей бы какой-нибудь холдинг возглавлять.

Ирина Косых родилась в 1976 году в д. Александровка Знаменского р-на Тамбовской области. В 1999 году закончила МГУ имени М.В. Ломоносова (факультет иностранных языков) в 2009-м – Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького. Публиковалась в «Нашем современнике» (2008, № 3), «Литературной газете», в сборниках «Новые писатели» (2009), «Толстый журнал» (2008) и др. Живет в Тамбове.

- К тому же блондинка.
- Абсолютная!
- Не абсолютная, а натуральная.
- В натуре? Не знал.

Батыр встал к плите, чтобы перевернуть шкворчащие котлетки.

- Асланбек Ятимович, а почему вы не работаете?
- Я, Батырчик, дорогой мой, свое уже оттрубил. Двадцать лет отдал советской контрразведке. Помню, сбили нас над Чанчунем в 45-м. Чудом остались живы, попали в плен, подверглись пыткам...

– Да-да, вы уже рассказывали. А потом?

– Потом суп с котом. Мне вообще-то пенсия полагается. Я из принципа ее не оформляю. Это же не пенсия, а слезы... Издевательство какое-то. Я больше на домбре в переходе зарабатываю. Мне просто гордость не позволяет побираться. А вообще, у меня еще сезон не наступил. Вот летом пойдут корпоративы, тимбилдинги, тренинги, мидсаммеры... Я там стихи читаю: от Гомера до Иртенъева. В зависимости от интересов аудитории. В прошлом году Гельдерлин и Рубальская хорошо шли. А ты почему не работаешь, Батырчик? Такой молодой, здоровый... Руки у тебя такие... здоровые. Небось, такие руки везде нужны?

– Я – по идеологическим соображениям.

– Это как же?

– А так же. Ну, вот вы, наверное, знаете, что существуют определенные касты. Есть шудры: это, типа, наша Зухра, которая целыми днями вкалывает почем зря. Есть ваши: например, мой друг Умид, который гвоздями торгует, или тетя Фатима, с семечками у метро. Есть кшатрии: это вроде Хасана, который охранником в казино работает. А есть брамины: это, типа, меня с вами. Потому что мы знаем Путь. Я по рождению брамин – у меня родители инженеры. А вы – по жизненным обстоятельствам. Вас жизнь брамином сделала. Вот поэтому мы и не работаем, – заключил Батыр и налил.

Дед Асланбек озадаченно промолчал. Снова выпили.

– Хотя, – передумал Батыр, – Зухра тоже может брамином стать. Бывают у нее эти... инсайты.

– Чего-чего?

– Я один раз видел, как она прозревала, – объяснил Батыр, умело шуруя деревянной лопаткой в сковороде.

– Что прозревала? Маршрутку, что ли?

– Не прозревала, а про-зре-ва-ла! Эти... как их... Глубины!

– Что, столько выпила?

– Да нет. Бутылку коньяка всего. Дагестанского.

– Фу, дрянь какая...

– Да не, нормальный, я попробовал.

– И что?

– Смотрю на нее: глаза горят, как два фитиля, сидит в позе лотоса, повторяет «АУМ, АУМ, АУМ» и прозревает. Я, говорит, сейчас вижу, что мир – это, типа, интернет. В нем все взаимосвязано: повсюду IP-адреса, ссылки, баннеры, торренты...

– Глубоко, – кратко прокомментировал дед Асланбек.

Батыр выключил плиту и разложил еду по не слишком чистым тарелкам.

– А «живой журнал», говорит, это такой литературный прием – «ирония» называется. А на самом деле, там, типа, все давно померли.

– Не, ну это она загнула.

– Согласен, – Батыр налил по новой. – Но что-то в этом есть. Ну, потом, понятное дело, собрали вещи: зубную щетку, пижаму, тапочки, пластиковую кружку, самоучитель по китайскому, кофе из цикория. Повезли. А она по дороге все спрашивает: правда, я не умру? А сама улыбается так странно, смотрит в окно и на солнышко шурится – просветленная – прям как Ошо.

- А куда повезли-то?
- К Римскому-Корсакову, на Россолимо. Ее сам Константин Сергеевич Станиславский принимал.
- А Россолимо это кто?
- Друг Чехова. Там вообще – литературная среда. У них и Есенин в гостях бывал, а Толстой так вообще рядом поселился, чтоб далеко не ходить.
- Неплохая компания, – пробормотал дед Асланбек, запихивая в рот ложку с рисом.
- На приеме у нее Станиславский первым делом спрашивает: у вас долги есть? Мы все хором отвечаем: нет! А она вдруг: есть! Помолчала и добавила: моральные, нравственные. Ну, он как услышал такое, тут же без разговоров направление выписал. Ее в беспокойное отделение определили (знают уже, что она петь любит). Попрощались, значит, вышли в коридор, а из-за двери ее голос (ну вы себе представляете) раздаётся: «Пусть мы далеки, как да и нет, и ramпы свет нас разлучает...» Ну, сунули Станиславскому, чтобы не привязывали ее, и ушли.
- А мне нравится, как она поет! – с вызовом заявил дед Асланбек. – Вот нравится, и все тут!
- Да пусть поет, если хочется. Жалко, что ли? – миролюбиво согласился Батыр.
- Она душой поет! Страдающей... Нет! Страждущей душой!

В дверь позвонили. Батыр пошел открывать, и спустя несколько секунд на пороге возникла довольно упитанная фигура в шубе под выдру, в пуховом платке, на полных кривых ногах и с пакетами в руках.

Зухра ввалилась в прихожую, и тут же с какой-то ненавистью бросила сумки прямо на пол. Освободив кривые руки, она принялась остервенело стаскивать с себя сапоги.

- Зухра, ты водки принесла? – радостно спросил ее Батыр.
- «На березовых бруньках» устроит отца русской демократии? – злобно рывкнула Зухра.
- А закусь? – жалобно поинтересовался дед Асланбек.
- Гречка, котлеты «Клинические», лук, сальце, капуста. Все дай бог каждому, – попыталась она пошутить, но вышло все равно недобро.
- Молодец! Хозяйственная ты у нас! Кормилица! Мать родная! – стали заискивать перед ней соседи по коммуналке.

Зухра прошла на кухню и с размаху плюхнулась на стул, который тут же покосился и заскрипел. Батыр засуетился: достал еще одну стопку, вскрыл свежую бутылку и быстро налил всем водки. Все молча и не чокаясь выпили. У Зухры потептели глаза. Она тяжело вздохнула и вдруг пожаловалась:

- Ой, мальчишки... Как же на работу ходить не хочется...
- Ты это брось, Зухра! – строго сказал Батыр.
- Работа – это... – дед Асланбек воровато огляделся, – это свет!
- Ага... Газ, горячая вода, вывоз мусора и кодовый замок, – язвительно добавила Зухра.
- Без труда, – наставительно сказал Батыр, – не вытянешь и рыбку из пруда.
- Сил моих больше нет тянуть это все, – всхлипнула Зухра, налила одной себе и сразу выпила.
- А кому сейчас легко? – терпеливо, по-отечески начал уговаривать ее Батыр. – Без работы денег не будет. Деньги, они завсегда пригодятся. Ты откладывая в кубышечку, откладывая. Потом мне спасибо скажешь.
- Зухра, а может, тебе замуж выйти? – внезапно расчувствовался дед Асланбек.
- За кого? – усмехнулась Зухра.
- За бизнесмена, – встрял Батыр. – У тебя же на работе есть бизнесмены?
- Они все женаты давно, детей вагон и маленькая тележка, да еще и любовницы телефон обрывают...
- Н-да, – задумчиво протянул Батыр, – И ты не фотомодель. Да еще и просроченная. Раньше надо было думать.
- Раньше я работала.

- Вот: как жизнь начнешь, так ее всю и проживешь, – назидательно заметил Батыр.
- Мальчики, а может, вы работать пойдете?
- Кто ж нас возьмет без регистрации? – резонно возразил ей Батыр.
- Слушайте, у нас в соседнем офисе менеджеров ищут. Ни регистрации, ни образования не требуется – только амбиции!
- Это что же, на целый день? – робко поинтересовался дед Асланбек.
- С десяти до семи.
- Ты смотри!.. – всплеснул тот руками. – Прямо стахановцы...
- Ну, какие из нас менеджеры, Зухра? – возмутился Батыр, – Сейчас в менеджеры одни гопники идут.
- И лохи, – вставил дед Асланбек.
- Но надо же вам как-то деньги зарабатывать? – заняла Зухра. – Что ж вы у меня-то все время берете? На метро – и то нет... Неужели самим не унижительно?
- Еще как унижительно, Зухра, – вздохнул Батыр. – Каждый раз через себя переступаю, когда беру. Ты пойми, что брать, оно куда тяжелее, чем давать.
- Прямо сердце кровью обливается! – подтвердил дед Асланбек.
- Измучились, бедные! – гневно скривилась Зухра. – Я свой хлеб в поте лица добываю! А вы последнюю рубашку с меня снимите и не подавитесь!
- Между прочим, Цветаева говорила, что давать, Зухра, надо на коленях – как нищие просят, – немного обиделся дед Асланбек и налил водки.
- Вот это правильно! На коленях перед вами уже стою: пожалейте меня, дармоеды несчастные!
- Да я, может, от другого кого в жизни ни копейки бы не взял, – вдруг запальчиво воскликнул Батыр, – но ты-то, ты-то другое дело!.. Не чужая, чай...
- Родная ты нам – вот и берем! – со слезами на глазах сказал дед Асланбек.
- А унижения, Зухра, они каждому человеку полезны. Через самоуничижение, самоумаление мы ведь осьмью отроковицу – гордость свою – побеждаем, очищаемся, добрее становимся, понимаешь?
- Ну не могу я больше за троих работать! – опять всплакнула Зухра. – Я ж не прошу вас миллионы зарабатывать. Хоть тысяч по десять – все мне легче. Вон в интернете вакансий пруд пруди... Было б желание...
- Опять в интернете зависаешь? – грозно рявкнул на нее Батыр, – Все твое мракобесие от этого интернета. Вместо того, чтоб реальной жизнью (обведя рукой закоптившуюся кухню с развешанным над газовыми плитами бельем), реальными проблемами (слегка пристукнув по столу пустой стопкой), реальными чувствами (кивнув на забившегося в угол деда Асланбека) жить, ты в виртуальном мире пытаешься спрятаться! А жизнь-то – вот она где! (Он с трепетом взял бутылку водки и разлил.) Кроме того, сама знаешь, чем это все кончается...
- Чем? – полюбопытствовал дед Асланбек.
- Оперой и театром, вот чем, – пробурчал с досадой Батыр. – По Станиславскому соскучилась?! Вся жизнь с Римским-Корсаковым проведешь! На себя потом пеняй.
- Зухра зарыдала в голос. Батыр с осуждением, дед Асланбек с сочувствием выпили. На некоторое время воцарилась тишина, нарушаемая только всхлипами Зухры. Дед Асланбек закурил папиросу и глубокомысленно уставился на почти пустую бутылку водки. Потом, как в забытьи, вдруг тихо продекламировал:
- «Мой день беспутен и нелеп: у нищего прошу на хлеб, богатому даю на бедность, в иглолку продаваю – луч, грабителю вручаю – ключ, белилами румяню бледность. Мне нищий хлеба не дает, богатый денег не берет, луч не вдевается в иглолку, грабитель входит без ключа, а дура плачет в три ручья – над днем без славы и без толку...»
- Зухра вытерла слезы полной неухоженной рукой, выпила свою рюмку водки и твердо сказала:
- Как хотите, так и выкручивайтесь. Никому денег больше не дам.

– Что ж ты меркантильная такая: все о деньгах да о деньгах?! Не хлебом единым, как говорится! Разве для этого мы рождены?! – вспылил Батыр.

– «Всё выше, выше и выше стремим мы полёт наших птиц...» – запел вдруг дед Асланбек вполголоса.

– Погодите, Асланбек Ятимович, со своими птицами! – огрызнулся Батыр, – Ты вообще задумываешься, зачем ты живешь, а?

– Налейте водки! – потребовала Зухра и икнула.

Батыр, не прекослова, подчинился. Все сосредоточенно выпили остатки водки.

– Я живу, чтобы заработать денег ...ик... и иммигрировать в Канаду. Замуж там выйти, ребеночка ...ик... родить, зажить по-чело... ик... вечноски...

– Примитивные у тебя мечты, Зухра, – прервал ее Батыр. – Узко мыслишь. Сейчас актуален новый тренд – дауншифтинг.

– Это как? – заинтересовался дед Алсанбек.

– Возьмем для примера Зухру. Если ты, Зухра, уйдешь с работы, продашь все, что есть, и раздашь нуждающимся (например, нам с Асланбеком Ятимовичем), а сама пойдешь работать уборщицей, то ты в этом случае будешь заниматься дауншифтингом.

– А почему обязательно уборщицей? – Зухра снова икнула.

– Ну, или рабочей на завод, или дворником, или кочегаром, как Виктор Цой...

– Так за это платят кот наплакал – мне за комнату и то не хватит! Где же я жить тогда буду?

– Опять ты за свое, Зухра? Вот посмотри на Асланбека Ятимовича: не сеет, не пашет, в житницы не собирает, живет, как птица небесная. И ничего, по миру пока не пошел!

– Не хочу я уборщицей...

– Это в тебе, Зухра, гордыня говорит. А ты ее ломай, ломай, гордыню-то. Тебе не хочется, а ты себя пересиливай, развивай силу воли.

– Да не хочу я быть этим... дауном! Зачем мне это нужно?

– Дура ты все-таки, Зухра... Для духовного роста. Для очищения кармы. Для пробуждения кундалини.

– Нет у меня никаких миндали. Еще в третьем классе вырезали. Я дома хочу жить, а не на вокзале. А Асланбек Ятимович по миру не пошел только потому, что я вас, тунеццев, кормлю и пою...

– Давайте выпьем за Зухру! – миролюбиво встрял дед Асланбек, и все выразительно посмотрели на пустую бутылку.

– Что делать будем? – усмехнулась Зухра.

– Асланбек Ятимович, ваша очередь бежать, – хмуро заметил Батыр.

– Улажу любую проблему, – поспешил его заверить дед Асланбек, – за семьдесят два рубля тридцать копеек.

Зухра с тоской посмотрела на своих собутыльников, вздохнула и полезла за кошельком. Вытащив сотенную купюру, она отдала ее деду Асланабеку со словами:

– Только не читайте никому стихов, Асланбек Ятимович, я вас умоляю. А то опять побьют.

– Не буду! – с готовностью пообещал он. – Я теперь понял, что это не мой формат, не моя аудитория. Поэзия, философия – это все-таки музыка высших сфер, только для избранных. Это, в общем-то, элитарная форма культуры, искусство для интеллектуалов и маргиналов, недоступное пониманию гопоты и быдла...

– Ой, Асланбек Ятимович... Знаете, вы там лучше вообще ничего не говорите: купите водки и сразу обратно.

– Зухра, не волнуйся: обернусь мигом – подобно японскому богу ветра Сусаноо!..

– Идите уже, Асланбек Ятимович, идите...

Когда дверь за ним захлопнулась, Батыр по-хозяйски положил локти на стол, и лицо его вдруг осветила обворожительная белозубая улыбка. Зухра встревожилась не на шутку:

– Ну, что еще случилось? Соседи опять милицию вызывали?

– Да нет, целый день никого нет. Гюльчехра Абдурахмановна на дежурстве в поликлинике, Юсуф Каримович в Тулу к родственникам уехал, а Фарид с Чинарой на курсах живописи и скульптуры до позднего вечера.

– И то хорошо. Хоть один вечер без эксцессов...

– Зухра... – Батыр снова улыбнулся и мечтательно загляделся на потолок, – а давай, правда, все бросим, купим мотоцикл с коляской и уедем втроем к морю? Ты только представь: ночь, пустая автострада, небо, звезды, ветер в лицо... Свобода... Счастье...

– Знаешь, Батырчик, а ведь нам, действительно, придется уехать. И как можно скорей.

Зухра озабоченно огляделась.

– Взять придется только самое необходимое: одежду, туалетные принадлежности, деньги...

– А что такое? – без особого интереса спросил Батыр.

– За мной следят, – трагически выдохнула Зухра и с напряжением взглянула на него.

– Давно? – Батыр помрачнел.

– Уже вторую неделю. Видно, нарвалась я на страшного человека. Язык мой – враг мой. Теперь и мне, и вам достанется...

– Кто следит-то? Опять Гринпис, что ли? Говорил я тебе: зря ты шубу купила.

– Ой, не знаю, Батыр. Все время вижу одну и ту же машину. У метро встречает и провожает.

Я уже и номер записала...

Зухра полезла в сумку и вытащила совсем уже ветхий и измятый клочок серой бумаги.

– Вот: тридцать один ноль восемь двенадцать т-т.

– Да разве бывают такие номера? Абракадабра какая-то...

– Да при чем тут «бывает–не бывает»?! Это же ясно, как день! Тридцать один ноль восемь двенадцать – это дата следующего ядерного взрыва.

– А-а, – Батыр устало кивнул. – А «т-т» – что за хрень?

– Что-что... Ну, пораскинь мозгами-то!

– Пистолет?

– При чем здесь пистолет? Это место, где будет взрыв. Сокращенно.

– Сокращенно от чего?

Зухра встала, нагнулась к Батыру и что-то прошептала ему на ухо. Батыр хлопнул себя по лбу:

– Как же я сам не догадался! Теперь все ясно...

Неожиданно в кухне зазвучала скрябинская мазурка – это звонил телефон Зухры. В трубке сначала послышалось какое-то мычание, а потом раздался хриловатый голос Асланбека Ятимовича:

– Зухра! Зухра! Это я! Звоню с телефона профессора. Мы познакомились в Ясенево, у магазина «Любава». Чудный человек, выдающийся философ, светоч мысли...

– Боже мой, да как же вы туда попали? Каким вас ветром... – растерялась Зухра.

– Не знаю, Зухраюшка, ноги сами принесли. Так вот, мы тут с профессором вместе, нас забрала милиция, куда везут, не знаем. Кажется, за город. Уже час едем.

– Асланбек Ятимович, узнайте, в какое отделение вас везут, я туда сейчас же позвоню.

– Зухра, боюсь, что до отделения нас не доvezут...

– Как?..

– По дороге в расход пустят...

– Что вы несете? Вы еще выпивали?

– Ни капли! И ментам позорным сказал: трезв, как стеклышко, как слезинка ребенка... Но эти козлы воночие ни черта не понимают по-узбекски: под белы ручки и в «воронки»...

– Асланбек Ятимович, умоляю вас, молчите там во что бы то ни стало, ничего не говорите! Как партизан, как Федора Капустина, помните?! Мы вас найдем и обязательно освободим. Главное: ни слова всуе! Ну, притворитесь немым, что ли! Ведь поьют, как пить дать, поьют...

– Хорошо, Зухра! Буду нем, как рыба!

В трубке послышалось отдаленное надрывное пение Асланбека Ятимовича: «Ой, Россия, ты Россия, каторжанская ты Русь! Что тебе страданья сына, да что тебе цыганки грусть...»

– Батыр, Асланбека Ятимовича в милицию замели, – пропищала Зухра.

– Не в милицию, а в вытрезвитель, – совершенно спокойно поправил ее Батыр, – Сегодня все равно не отпустят. Завтра заберем.

– Но ведь его там избыют до полусмерти... – запричитала она.

– Непременно побьют. А он за это подарит миру пару-тройку гениальных стихотворений.

Таков закон творчества, и не нам ему препятствовать.

Зухра всхлинула пару раз, вытерла набежавшие слезы, убрала со лба отросшую челку и снова присела за стол, обхватив лицо ладонями. Потом вдруг вздрогнула и потрясенно взглянула на Батыра. Из-за расширенных и ненатурально блестящих зрачков в этот момент нельзя было определить цвет ее глаз:

– Послушай, Батыр, до меня только что дошло... Это не милиция... Его взяли бандиты... Он сказал: в расход... Это все из-за меня... Будет много крови... Послушай, они, наверное, уже близко...

– Н-да, херовый из меня психотерапевт... Кто они? – скорее устало, чем удивленно спросил Батыр.

– Эти головорезы... Я слышала об одном местном авторитете по кличке Профессор... Скоро они будут здесь... Надо уходить...

Зухра резко встала и, охая, побежала в свою комнату. Там она вытащила из-за шкафа большой тканевый чемодан и стала судорожно бросать в него все, что попадалось под руку. Батыр несколько секунд задумчиво наблюдал за ней, потом не спеша вернулся в кухню, взял оставленный на столе мобильный и набрал какой-то номер:

– Добрый вечер, – очень вежливо произнес он. – Будьте добры, пришлите бригаду, у моей соседки приступ начался. Батыр назвал адрес и положил трубку.

Когда в квартиру вошли два рослых санитара, Зухра была уже полностью собрана и сидела в своей комнате прямо на полу, сложив руки в молитве. Она словно окаменела и обводила присутствующих широко раскрытыми, горящими помешательством глазами.

– Зухра, – дружелюбно тронул ее за плечо Батыр, – тебя сейчас отвезут в безопасное место, а я завтра приду тебя проведать. Что тебе принести? Хочешь гранат? Или альбом для рисования?

Пока Батыр произносил это, складывалось впечатление, что Зухра все более ужасается каждому его слову и впадает в какой-то немислимый транс. Ни с того ни с сего она вдруг выкрикнула неизвестно кому:

– Лицемерие! Гнев! Хамство!

Батыр рассмеялся:

– Не могу себе представить себя без лицемерия, гнева и хамства. Поврежденность полнейшая, но чувствую руку врачующую. Я так понимаю, что есть промысел нас исправить. Так что давай не роптать. Быть нам богаты.

Один санитар придержал Зухру сзади за руки, другой забрал ее чемодан, и размеренным шагом эта короткая процессия прошествовала по нескончаемому темному коридору коммуналки.

Батыр, оставшись совсем один, посидел на кухне, загадочно улыбаясь непроницаемой тенью за окном. Звезд в эту ночь совсем не было видно. Из дворов доносились звуки чьих-то шагов и чьей-то приглушенной речи. Батыр нашел в буфете записку Асланбека Ятимовича и впервые за последние полгода закурил. Потом порылся в карманах куртки и насчитал мелочью на чекушку водки. Он оделся и вышел на улицу, прошел два квартала до круглосуточного магазина, купил водку и выпил ее тут же, на пороге ларька, едва выйдя за дверь, прямо из горла.

Он гулял часа два по пустым и безмолвным улицам, когда, наконец, начало понемногу светать. Город спал: не было ни машин, ни людей. Батыр шел, шатаясь и улыбаясь. Наконец, он увидел знакомую вывеску, усмехнулся и присел на бордюр перед пятиэтажным желто-серым зданием. Закурил. В этот предутренний час в огромном чужом городе, где он никому не был нужен и кото-

рый, тем не менее, он считал родным, ему в голову пришла какая-то важная, необыкновенно ясная мысль, и он, по-прежнему улыбаясь, принялся что-то бормотать себе под нос: «...эти весенние белесые ночи... мигающие светофоры... запах пробуждающейся природы... и уже тепло вылететь на улицу... в свет фонарей с музыкой в ушах... пьяно-трезвый мозг лихорадочно ищет следующую цель... ее нет а есть лишь еще одна сигарета... и слезы душат ком в горле и нет сил... а я так хочу взорвать все одной красивой бомбой... и ничего не нужно кроме как пронзить это все скоростью... дороги освещены фонарями и ветер в ушах... кричать и стрелять непрерывными пока не кончится лента... вставить другую и ее засадить в эти любимые окна легкие занавески лампочки елки новый год упасть в снег лицом и есть легкий белый снег и плакать от счастья что ты наконец вырвал из сердца страх и любить всех стало просто и молодость и сила и губы целуют твои мокрые замерзшие щеки она тебя нашла...»

Его обнаружили утром на газоне наркологической больницы номер пятнадцать. Он лежал, раскинув руки, а в застывших раскрытых глазах отражались бегущие облака и прозрачное высокое небо.

Михаил ОКУНЬ

Два коротких рассказа

Дурашка

Он так и не узнал, как назывался ее недуг. Как-то раз она глухо обмолвилась, что произошла какая-то беда при ее рождении – что-то пережали по недосмотру, перекрыли кислород новому человеку. Последствия остались на всю жизнь: говорила она с трудом, короткими фразами, механическим голосом. С еще большим трудом сообщала. Слабоумие отразилось и на ее лице. Сложилось оно таким, что одного взгляда на него было достаточно, чтобы всё понять...

При этом она обладала отличной спортивной фигурой, особенно красивы были ноги. Гибко и упруго двигалась, будто движениями управлял совсем другой мозг, а не этот, приглушённый. В детстве и ранней юности она несколько лет всерьёз занималась художественной гимнастикой, учась при этом (вот парадокс!) в специнтернате для умственно отсталых детей.

Он нагнал ее на бульваре – «эти ноги от нас не уйдут!» – и начал типовую болтовню еще до того, как она обернулась. Дальнейшее нетрудно представить: пытаюсь сохранить хорошую мину при явно не задававшейся игре, он поспешил ретироваться. Но поскольку был, по обыкновению, подшофе, оставил ей свой номер телефона. И через некоторое время, успев позабыть об этом проходном эпизоде, с удивлением услышал в трубке ее характерный голос, который нельзя было спутать ни с каким другим. Ему вспомнилось из Паустовского: «Есть голоса – как обещание счастья», – так, кажется. «Только не этот, – усмехнулся он, повесив трубку. – Только не этот!»

Она стала звонить ему довольно часто. Раза три-четыре угадывала минуты его отчаянного одиночества, и тогда он назначал ей свидания где-нибудь неподалёку от своего дома – а жил он в «спальном районе». Свидания эти не состоялись – она не приезжала в назначенное место. Что-то не стыковалось в ее голове, подпорченной отечественными акушерами, и какой-либо промежуточный пункт из его объяснений, куда и на каком транспорте ехать, вырастал для нее в окончательный. И она ждала его совсем не там, где надо. Потом он раздражался, кричал на нее, посылал подальше. Но тем не менее она звонила вновь.

В конце концов, когда он понял, что всё должно быть предельно просто: «Спустись вниз и стой у своего подъезда» – очередная попытка удалась.

Ему понравилось, что с первой же их постельной встречи она стала повиноваться ему беспрекословно, выполняя любые – не просьбы – приказы. У них возникла своя система игр: «Кем ты сегодня будешь – мальчиком или девочкой?», своя градация наказаний за ее «провинности».

Эти лёгкие экзекуции она принимала с терпеливой готовностью, тихонько постанывая под слабыми шлепками ремня. Но мазохисткой, конечно же, не была: ему эти игры нравились – она ему подыгрывала.

«Ну же, моя дурашка, ну!..» – задыхался он в самые острые моменты. Так и закрепилось за нею прозвище – «Дурашка». Она не обижалась. Впрочем, она не обижалась никогда и ни на что.

Иногда он здравомысляще спохватывался: «Что же я морочу голову дебильному населению?! Бог меня покарает...» А подчас будто прозревал: это только кажется, что в их паре ведущий – он,

---

Михаил Окунь родился в 1951 году в Ленинграде. Окончил ЛЭТИ им. В.И.Ульянова (Ленина). Работал радиоинженером, литературным консультантом в ленинградской писательской организации СП СССР, редактором. Автор семи сборников стихов и двух книг прозы, а также публикаций в журналах, альманахах, антологиях в России, Германии, США, Финляндии. Шорт-листы литературных премий «Честь и свобода» Санкт-Петербургского русского Пен-клуба (1999) и Бунинской премии (2007). Лауреат премии журнала «Урал» (2006) в номинации «Поэзия». Золотая медаль конкурса «Лучшая книга года – 2010» (Берлин, 2011) в номинации «Малая проза». С 2002 года живет в Германии.

всё совсем не так... Но от этой мысли он отмахивался, как от абсурдной. Хотя с какого-то момента начал догадываться, что ее межеумье с лихвой компенсируется инстинктом и чутьём. И если поначалу он считал, что мужчины по понятным причинам сторонятся ее, то позже убедился, что ошибается. Она обладала большим и разнообразным сексуальным опытом – и, вероятно, не только общения с противоположным полом.

На людях он с нею не бывал нигде, ни разу. Кем были ее родители, как она оказалась в девятиметровой комнатухе питерской коммуналки на одной из Советских улиц? Работала ли, на что существовала? – этим он так и не поинтересовался.

Расставание их произошло как-то само собой. Да он и не воспринял его как расставание, при котором если уж не терзаешься, то хотя бы сожалеешь. Для него – ничего не было, а для неё... Он об этом так и не задумался.

Через год он уже не мог вспомнить ее имени. Просто Дурашка.

Кусаник

Всё небо в блеске рыбьей чешуи...
Джозеп Висенс Фош

Марина живет в общежитии, на последнем этаже девятиэтажного дома. Дом новый, лифт не работает, вода в водопроводе до верхних этажей доходит не всегда. Но это, в общем-то, мелочи.

На стене ее комнаты висит макраме, в углу около телевизора на газете сушится мята. Абжур самодельный – в виде кокона из толстых джутовых нитей, естественного бурого цвета и краше-ных зеленых.

Из окна видны водохранилище, окаймленное темной зеленью, макушка старой полуразрушенной церкви невдалеке от него, канал с покатыми бетонированными берегами, берущий начало из водохранилища. Справа – зубцы новостроек, каменистое русло реки, кирпичная прямоугольная башня с белым циферблатом, вдавленным в нее, словно новенький гривенник в брусок красного пластилина.

Необычные закаты наблюдал он из этого окна. Садящееся солнце странным образом преломлялось в слоях воздуха, и становилось то вытянутым сверху, как оранжевое гигантское яйцо, то сплюснутым, то снова круглым. В какой-то момент оно тревожно подсвечивало снизу темные облака, проходило еще несколько минут, и вот уже хорда горизонта отхватывала первый сегмент остывающего диска.

В шестнадцать лет Марина по объявлению в газете приехала в этот старинный городок с Брянщины – работать на льно-джутовой фабрике. Приехала, чтобы жить отдельно от матери и отчима. Что-то не заладилось в их отношениях, внешне, вроде бы, благополучных.

Работа была нелегкой. Нужно было обслуживать десяток ткацких станков, ни один не должен был простаивать. И всё-таки у Марины хватало сил и желания танцевать по вечерам в художественной самодеятельности – небольших ансамблях, переживавших то взлёты популярности (местной, естественно), то распадавшихся и прекращавших свое существование.

Через три года Марина решила поступить в культпросветучилище, находящееся в областном центре. Как сложились несколько лет ее жизни в большом городе, поначалу оглушившем ее, показавшемся враждебным? Он этого так и не узнал. Окончив училище, она распределилась в клуб своей фабрики и вернулась в тот же городок с его пыльными выцветшими топольками, извивом реки, щербатым серо-жёлтым доломитом старых домов, красно-белыми новостройками.

У Марины большие зеленые глаза, черные волосы, смуглая кожа. Когда она улыбается, то как-то по-особенному приподнимаются уголки ее губ, и при виде этой улыбки мужчинам становится беспокойно.

Марина стройна, даже хрупка. Преподаватель училища говорил ей, что народные танцы в ее исполнении выглядят немного комично. И действительно, «народница» она нетипичная, слишком уж балеринистая.

В жизни Марины было два случая, подобные которым, вероятно, происходят со многими женщинами. Каждый из них мог закончиться трагически.

Первый произошел, когда Марине было двенадцать лет, в ее родном городке. Поздно вечером она возвращалась домой через парк. Мужчина подошел сзади, ударил, стиснул горло, потащил в темноту дальних аллей. Она подумала, что он хочет ее убить, она задыхалась, сердце ее сжало клешня страха, ей хотелось, чтобы всё произошло поскорее, без боли. Когда он немного ослабил хватку, Марина прохрипела, что пойдет сама, он отпустил ее шею, крепко взял за руку, и они пошли рядом, будто уже объединенные общей целью.

Спас ее случай – из боковой аллеи появилась весёлая компания, в которой была и ее мать. Маньяк ринулся в кусты, настичь его не удалось...

Во второй раз, когда Марина уже работала на фабрике и шла домой с середины ночной смены, часа в четыре утра, к ней подошел обритый наголо, бледный («как из погреба» – вспоминала она), неопределенного возраста человек с татуированными кистями рук, в ватнике. Он сказал, что ему нужна баба и блеснул «пером».

В глазах его стояла одинокая тоска волка, загнанного, не крупного и не сильного. Когда он понял, что угрозами ничего не добьется и надо на что-то решаться, стал выкручивать ей руки, легонько ткнул ножом в рёбра. Появилась кровь, и Марина поняла, что сейчас он одурееет от вида крови и ткнет еще, потом еще...

Общезитие было совсем рядом. Она вырвалась, побежала, забарабанила в дверь. Старушка-дежурная не открывала. Ожидая удара, Марина оглянулась и увидела, что он стоит там же, где стоял, и смотрит на нее, и вот уже медленно приближается, и этот предутренний кошмар – наяву.

Он остановился возле нее и сиплым сдавленным голосом сочувственно спросил: «Страшно тебе?..» И грохнул кулаком в фанеру, приколоченную к двери вместо разбитого стекла, матерно выругался на недовольное ворчание разбуженной дежурной и растворился в бледном свете раннего июньского утра.

Однажды, когда Марине было уже восемнадцать, на улице с нею познакомился мужчина лет сорока. Звали его Павел. У него были «Жигули», вторая жена, дочь от первого брака. Человек этот сыграл «роковую роль» в судьбе Марины. Она родила от него ребенка. Бросить ради нее жену он всё решался, да так и не решился. Как-то раз Марина сказала, что любит его до сих пор и будет любить всегда.

Случилось так, что рожать Марина начала в палате, а закончила в операционной. Было воскресенье, персонала в роддоме находилось не густо, каталки не нашлось, и она кое-как добралась до операционной сама, придерживая руками своего полупоявившегося ребенка. Вспоминать об этом она не хочет. Через восемь дней ее девочка умерла.

Клуб, где работает Марина, представляет собой небольшой железобетонный параллелепипед почти без окон, лежащий на боку.

На него приходится четырнадцать штатных единиц, есть даже мастер по свету, которого никто никогда не видел, даже в дни зарплаты.

У Марины три группы, она занята и в субботу, и в воскресенье. Танцы ставить нелегко – девушки есть, нет парней. Проще с малышами – там природа еще не развела оба пола по интересам.

В то лето 1986-го года он читал переводной сборник каталонской поэзии. Лежал на пляже у реки и читал. Ему нравился этот городок, в который он приехал на несколько дней, никого в нем не зная. Иногда, поднимая взгляд от книги, он смотрел на вросшие в прибрежный скальный кряж стены средневекового замка ливонских рыцарей – местной достопримечательности, его белую башню с черной деревянной галереей поверху и двумя подъемными кранами реставраторов рядом, на норовистую реку, новый мост через нее, старинную русскую крепость на другом берегу. А однажды, подняв голову, он увидел Марину...

Как-то раз, когда они вместе вышли из кино, Марина посмотрела вверх и задумчиво сказала: «Всё небо чешуйчатое, как рыба». И показалось ему странным, что увидела она небо таким же, каким увидел его каталонский поэт, живший почти за сто лет до нее. А множество небольших плоских облаков, подсвеченных солнцем, и впрямь делали небо над ними чешуйчатым.

Они сидят с Мариной вечером в ее комнате и пьют чай. Назавтра ему уезжать. Хлеба купить не успели, и последний его квадратик, оставшийся один на двоих, она протягивает ему. Он откусывает и передает ей. Она не хочет брать, говорит: «Кусаник не давай, погрызёмся» и улыбается, и становится ему беспокойно...

Ольга АБАКУМОВА

Мелодии вечного сна

* * *

Старуха родилась в День Победы, но этим вовсе не гордилась – наоборот, свою слабость и немощ она объясняла рождением в этот день. «Нашли время, – ворчала Старуха, – ребенка заделывать», – имея в виду своих родителей.

Старуха мечтала об инвалидности, в целесообразности которой убеждали ее и другие старухи, как родственного, так и соседского плана. Однако Старуха ссылалась на лень-матушку, поскольку для получения инвалидности следовало совершить обход врачей районной поликлиники, ну, или бег по кругу, с «бегунком», который выдавала потенциальным инвалидам районная врачиха. Существовал и другой способ – через диспансер, однако Старуха не состояла на учете ни в одном диспансере. Таким образом, она оставалась без инвалидности. Пока не случилась эта болезнь.

На самом деле, болезнь не случилась, а проявилась в один прекрасный, замечательно солнечный, зеленый и цветущий, июльский день, когда Старуха вышла прогуляться в общественном парке, ибо еще могла ходить в то время, и любила ходить по солнцепеку – плевать, что вредно, и врачи не рекомендуют! – Старуха на все имела свое мнение и для всего – свои законы, порой противоречащие законам природы.

Вернувшись из парка, Старуха обнаружила сильнейшее кровотечение в икроножной области, в том самом месте, где имелось у нее подозрительное родимое пятно, неоднородного, черно-бурого, цвета, размытое по краям. Старуха следила за ним много лет – не то чтобы слишком внимательно, а, скорее – демонстративно. Бывало, сядет в лесной глуши в компании дочери, выставит ногу перед ней и говорит:

– Гляди-ка, гляди: родинка-то моя растёт-о-о-от, – делая упор на слове "растёт", ударяя и растягивая букву «ё», для большего впечатления.

– К врачу надо сходить, – всякий раз отвечала ей дочь.

– Да ну! – поспешно отмахивалась от ее слов Старуха и мгновенно убирала ногу подальше от дочкиного зоркого взора.

* * *

– Я же тебе говорила! – кричала дочь на Старуху, в панике метавшуюся по их маленькой двухкомнатной квартирке в панельном доме на окраине Москвы. – Иди к врачу!

– Ничего ты мне не говорила! – огрызалась Старуха. – Неужели я бы не послушалась, если б говорила? Ты вот скажи лучше, что мне сейчас делать...

– Подожди, – отвечала дочь и уселась за компьютер.

Собрав на скорую руку первую попавшуюся информацию из Всемирной Паутины, дочь авторитетно заявила Старухе, ходившей с окровавленной ногой:

– Пластырь приложи и перекисью водорода надо попробовать прижечь, но все это, конечно, только скорая помощь. Немедленно отправляйся к врачу!

Ольга Абакумова родилась в 1971 году, закончила филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и аспирантуру ВИНТИ РАН (Всероссийский институт научной и технической информации Российской академии наук), работает переводчиком и занимается научными исследованиями в области лингвистики. Живет в Москве. Сетевые публикации: «Топос», «Точка Зрения» и др.

А Старуха чрезвычайно обрадовалась такому методу лечения. Накупив в аптеке склянок с перекисью водорода, пластырей и бинтов, она лихо прижигала то место на родинке, из которого лилась кровь, накладывала пластырь и перебинтовывала.

– Мне помогает, – твердо заявляла Старуха в ответ на уговоры дочери обратиться за квалифицированной помощью.

* * *

День за днем, месяц за месяцем Старуха жила со своей раной, меняя пластыри и бинты – последние из экономии стирала, так что ванная теперь походила на лазарет. Сходство усиливалось множеством лекарств, которые Старуха хранила в ванной, несмотря на предписания их этикеток «Хранить в сухом, прохладном месте» или «Хранить при температуре до +25°C».

Временами казалось, что нога прошла, Старуха веселела, оживлялась, суежилась и совершала в сопровождении дочери недалекие прогулки в общественный парк. Однако кровотечение возобновлялось, Старуха мрачнела, замыкалась в себе, бросала домашние дела и с утра до ночи лежала в своей комнате на старом раздолбанном и продавленном диване в полумраке, словно баба Яга в своей избе, размышляя, что бы еще предпринять для лечения Ноги.

Время от времени она консультировалась с продавцами в аптеках, и те из них, кто не в железных доспехах надменности, проникались сочувствием к «бабушке» и советовали, дешево и сердито, то одну БАД, то другую, а то и сочетание БАДов. Старуха хваталась за эти бесплатные консультации, как утопающий – за соломинку, верила всем и всему, что читала, слышала, видела, а читала она теперь преимущественно газеты и журналы бесплатного распространения, слушала радио и смотрела телевизор.

– Ты бы хоть книжку почитала хорошую, хочешь, дам? – предлагала ей дочь.

– Да ну! – отмахивалась Старуха, однако, спустя какое-то время, когда дочь погружалась в свои дела и заботы, Старуха звонила ей и просила одну-единственную книгу – «Сон Бруно».

– Но почему именно эту? – недоумевала дочь. – Ты ведь ее уже читала!

– Я – Бруно, – заявляла Старуха.

– С какой стати?

– Я, как и он, в ожидании смерти, и вспоминаю, вспоминаю...

– Ты что, сдурела что ли?! – орала на нее дочь. – Немедленно отправляйся к врачу!

– Не хочу, – отвечала Старуха, – раньше надо было, а сейчас... Да я вообще не представляю...

Операция же мне грозит. Нет, уж это, видно, смерть моя пришла... Уж мне дома лучше спокойно помереть.

Для утешения Старухи дочь принесла ей «Сон Бруно», и та прочла книгу за несколько дней.

– А нет ли у тебя чего-нибудь типа? – спрашивала она потом дочь.

– Типа нет, есть другое.

– Нет, мне типа надо.

* * *

Как-то постепенно Старуха перестала гулять, и если дочь приглашала ее, то ссылалась на слабость. Затем Старуха перестала стирать белье, готовить еду, убираться в своей комнате. Все хозяйство теперь вела дочь. Старуха же лежала в своей комнате, запустив на полную катушку радиоприемник. Она умирала.

Она умирала день за днем, месяц за месяцем целый год.

– Тебе не надоело? – время от времени спрашивала ее дочь. – Сходила бы к врачу, прошлась бы хоть по воздуху.

– Не могу я, – слабым голосом отвечала Старуха, – мне и до поликлиники-то теперь не дойти. Раньше надо было, а теперь...

– Да выключи ты радио! – не выдерживала дочь. – Сколько можно!

– А я – как Зверева, – возражала на то Старуха.

Зверева была соседкой Старухи по коммунальной квартире в далекие годы Старухиной молодости, ибо Старуха когда-то была и не старухой вовсе, а молодой, и даже юной, и даже ребенком. И жила Старуха среди старух и со старухой, а именно – со своей бабушкой, которую рано разбил паралич. Но даже до паралича бабушка была для Старухи «бабушкой», то есть матерью Старухиной матери, с которой Старуха, надо сказать, не ладила, отчего рано покинула отчий дом – не для самостоятельной жизни и не ради мужчины или женщины, а для бабушки и для жизни с бабушкой, к которой Старуха с детства влеклась и тянулась, в ее старом, царской еще архитектуры, коммунальном доме в переулке, прямым выходившем к скверу, разбитому вокруг бассейна «Москва». В бассейн Старуха не ходила ни разу, а вот сквер, с его голубыми асфальтированными дорожками, роскошно цветущими весной вишнями, яблонями и сиренью, белыми длинными скамейками, фонтанами и клумбами производства времен развитого социализма, просто обожала.

Да-да! Время Кристалинской, Великановой, Миансаровой, Ведищевой, Мулермана, Ободзинского, Магомаева, а позднее – Толкуновой, Лещенко, Анциферовой, Пугачевой, Ротару, Леонтьева... и еще массы и массы других пластинок, складировавшихся Старухой в специально отведенном для таких сокровищ отделении серванта «Хельги», ибо Старуха слыла меломанкой, что и говорить, песни порой, какие-нибудь «Миллион алых роз», крутились у нее в голове с раннего утра и до позднего вечера, помогая и жить, и работать, и любить, и звать, и ведая... Или вот, к примеру:

«Я завтра уйду опять
В туманную даль,
А ты снова будешь ждать,
Скрывая печаль.
Будет светить прибор,
Словно слеза,
Я сохраню в душе
Твои глаза».

Старуха обожала эту песню и частенько, долгими летними вечерами, сидя в тени вишен, цветущих или плодоносящих, на своем собственном участке в шесть заветных соток в окружении домашних – послушной дочери, незлобиво, хоть и немного пьющего мужа, норовистой, но отходчивой свекрови, душики свекра, кошки Муськи, пары соседок – старух и, конечно, бабушки – наслаждалась.

Старуха наслаждалась своей молодостью, красотой, сильным любовником, с которым изредка встречалась в городе, богатыми, хотя и жадноватыми, родителями мужа, мужем – интеллектуалом и «американо» (любовник был «итальяно»), дочерью – красавицей и умницей. Все было по ней и под ней. Все было для нее и под нее. И этот голос... Ах, какой у этого певца был обалденный голос! И внешность, видимо, тоже – она не знала. Она не посещала концертов, да и вообще, как вышла замуж, родила ребенка, как-то постепенно потеряла интерес к событиям культурной жизни, к культуре вообще.

Коммуналка, где жила Старуха, населялась стариками старых времен и разного классового происхождения. Например, Зверева принадлежала к некоему аристократическому роду, а муж ее – к разночинной интеллигенции. Рядом же с их комнатой, как раз через, довольно тонкую, стенку, помещалась Старухина бабушка с дедушкой, но в годы диктатуры пролетариата и развивающегося социализма они были, конечно же, молодыми или, по крайней мере, зрелыми. Дедушка – типографский рабочий, бабушка – курьер, а позднее – прачка и повариха. Оба – крестьянской закваски, приехали в двадцатые годы из глубокой деревни покорять Москву. В детстве Старуха была свидетельницей многочисленных застолий с народными песнями вроде «Окрасился месяц багрянцем...» или «По Дону гуляет...», громкой хмельной бранью, кулаками по столу и ссорами до поножовщины. Воспитанная, таким образом, в простых, фольклорных традициях, Старуха впоследствии тяготела ко всему простому, упрощенному и попросту примитивному. Любила упрощать сложное и усложнять простое. Верх путала с низом, а низ – с верхом, в силу чего низменному придавала возвышенный характер, а возвышенное частенько норовила опустить и опозилить. С рождением же дочери и вовсе озверела. Как взбесившаяся собака, бросалась она с руганью и матерщиной на всякую старуху, в прошлом горячо любимую, которая делала ей замечание по поводу частых стирок пеленок младенца. Однажды, скооперировавшись, старухи дружно сняли пеленки с веревок, протянутых под потолком огромной, четырнадцатиметровой, кухни, и торжественно вынесли их на «черный ход» – грязный второй выход из квартиры, через который обычно выносили помой на близлежащую помойку, а, если было не дойти, то и вовсе выбрасывали или выливали прямо туда, вниз, в его зловещую черную глубину, всегда наводившую ужас на маленькую дочь Старухи.

– Сволочи и мрази! – неистовствовала Старуха, обнаружив пеленки на черном ходу. – Чтоб вас черти забрали! – и вылила на старушек ушат словесного дерьма, обложив при этом десятизатажным матом.

– Вот ты какая стала! – только и удивлялись старушки, включая Звереву.

Найдя же любовника, однако, Старуха угомонилась, да и дочь подросла, да и в Зверевой нужда появилась, когда умерла бабушка. А случилось это вот как.

Много лет парализованная на одну руку и одну ногу, бабушка еще могла кое-как передвигаться. Передвигалась она крайне медленно, опираясь на деревянную палку, едва переставляя ноги, подавшись всем телом вперед, как падающее дерево или Пизанская башня, с вечно всклокоченной седой головой, в красном байковом халате, надетом поверх ночной рубахи в зеленый горошек. В таком состоянии бабушка пребывала долгих двадцать лет. За эти годы внучка из юной девы на выданье превратилась сначала в замужнюю женщину, потом – в мать, а потом – просто в женщину, женщину для мужчин, точнее, для мужчины, коим ее муж не являлся. Вообще-то брак этих двоих, в школьные и студенческие годы – круглых отличников, активистов и спортсменов, был по-настоящему марксистско-ленинским браком, основанным не на союзе двух сердец, а на союзе двух интересов – к московской прописке, со стороны мужчины, и – к замужеству, со стороны женщины.. Мужчине была крайне необходима московская прописка, которой у него не было, а женщина крайне нуждалась в муже – не в мужчине, а именно в муже, чтобы не остаться «в девках» и не отстать от своих институтских подруг, которых было три, и каждая из которых завела на первых трех курсах института сие домашнее животное, объект неустанных забот, хлопот и озабоченности, благо профессора подгоняли каверзными вопросами о замужестве: «Ну-с, такая-то, когда замуж собираетесь?» – «Не откладывайте в долгий ящик, а то недолго и в ящик сыграть с тоски по мужу». Старуха смерть как боялась подобных вопросов и обсуждений, года подпирала, родители подгоняли, подруги подсмеивались. Между тем, Старуха, в отличие от подруг-троечниц, училась на «отлично», так что могла претендовать на поступление в аспирантуру, но претендовать она не стала, по-

сколько нельзя же претендовать сразу на несколько несовместимых между собой должностей – жены и ученой, то есть бывают, конечно, ученые жены и жены ученых, но это уже отдельные специализации в рамках все той же должности жены, но Старуха стремилась стать просто женой, не ученой женой и уж точно – не женой ученого, ей самой страсть как хотелось кого-нибудь учить и нянчить.

* * *

После замужества Старуха сделалась няней. Оказалось, что множество людей, совершенно взрослых и, так сказать, самостоятельных, на самом деле, нуждаются в няне, и, таким образом, помимо маленькой дочки, у которой, в общем-то, не было выбора, в силу малолетства и несмышленности, к ее услугам охотно прибегали: ее собственный муж, ее бабушка, частично обездвиженная и, в общем-то, также ограниченная в возможностях выбора, а также – родители мужа, брат мужа и жена брата мужа. К этой веселой и до крайности безответственной компании время от времени присоединялись разнообразные близкие и дальние родственники мужа, подруги Старухи, коллеги по работе, а позднее плотно примкнул любовник. Все они, скованные одной цепью, представляли чрезвычайно сложный и, вместе с тем, необычайно простой по своей сути, механизм, да что там механизм – целую фабрику, работающую автоматизировано, как будто уже наступил коммунизм.

Все крутилось-вертелось, кипело-парилось-жарилось. Приезды-отъезды, обеды-ужины-завтраки, приходы-уходы, горы грязного белья и очереди в магазины за колбасой и прочим дефицитом... Фабрикой заведовала Старуха, вертевшаяся, как белка в колесе, или заводной апельсин.

Этот круговорот Старухи в народном хозяйстве не обходился без срывов, во время которых та носилась по любому пространству, как бесноватая, выпучив бельма, лупя дочь, если та оказывалась под рукой, дерясь с мужем, если тот сидел пьяным (ибо муж только и делал, что сидел у телевизора), выставляя из квартиры свекровь, если та принималась учить ее, Старуху, бросая в любовника бутылки с молоком, ибо Старуха работала на вредном производстве, где работникам бесплатно выдавалось молоко.

Кроме таких незначительных сбоев, Старухино производство, в целом, функционировало неплохо – отлажено, слажено, налажено. Все у нее было схвачено, за все, как говорится, заплачено – где рублем, а где нервами, да какая, в сущности, разница! – главное, Старуха единолично правила в своем маленьком царстве-государстве. Но однажды случилась авария – бабушка упала и вовсе обездвижила.

И так, и эдак пыталась Старуха, вместе с мужем, поднять бабушку – та лишь истошно вопила, оглушая вконец обессилевшую и пришедшую в отчаяние Старуху. Так и осталась бабушка лежать на голом деревянном полу комнаты, превратившейся затем в мертвецкую.

Скорая помощь, приехавшая по вызову Старухи, обнаружив забытые в комнате игрушки дочери, отказалась забрать бабушку в дом инвалидов, сделав правильный вывод, что «есть, кому ухаживать». Напрасно Старуха бегала по разным инстанциям, собирая какие-то справки и выбивая бабушке койку то в доме инвалидов, то в доме престарелых – бабушка никого не интересовала, равно как и сама Старуха, хоть та и пыталась привлечь внимание Государства к своей персоне. Бесполезно. Государственный механизм безответно крутился-вертелся, не обращая на Старуху и бабушку ни малейшего внимания.

Между тем, бабушка начала гнить, оставаясь при этом живой. День за днем она истошно вопила, то звала на помощь, то просила пить. Старуха, боясь сойти с ума, то есть потерять все бразды правления, перестала заходить к ней. Но вот однажды крики прекратились, в комнате наступила долгожданная мертвецкая тишина. Бабушка умерла, поглощенная червями.

Маленькая дочь Старухи перешла в ведение старой аристократки Зверевой, доживавшей свой век в соседней комнате, но пришел и ее черед. Зверева умирала от старости, постепенно слабея. Сначала время от времени, а потом все чаще и чаще, прикладывалась она к дивану, что алкоголик – к бутылке, пока, в конце концов, не слегла окончательно и бесповоротно.

Радио начинало свою звуковую деятельность с шести утра гимновой песней «Союз нерушимый...», а заканчивало – в полночь, тоже гимновой песней «Союз нерушимый...». В промежутке между исполнением гимна радио сообщало «вести с полей», «пионерскую зорьку», работало няней, в рабочий полдень горланило что есть мочи «Позвони мне, позвони...» или, высоко и тоненько, «Нас утро встречает прохладой...», словно комару-мутанту приставили гигантский микрофон, достойный занесения в Книгу рекордов Гиннеса, а не то озобоченно вопрошало «Как тебе сейчас живется, вешняя моя?» – таким книжным прилежником, не заботясь об ответах «вешней» или «вечной» – Старуха порой не различала – выговаривавшим четко каждое слово русского языка, выдавая тем самым элегантно иностранца – не шпиона ли? Вот и дочери в школе время от времени напоминали о «шпионах», которые особенно расплодились и «внедрились» во время Олимпиады – будь-то начеку, дети, не верьте даже неграм!

Но радио шепило дальше и развлекало умирающую Звереву каким-нибудь радиоспектаклем из жизни гнивающего Запада или дружественного, польского, к примеру, соседа – «Проснись и пой, Проснись и пой, Попробуй в жизни хоть раз – Не выпускать улыбку из открытых глаз, Пускай капризен успех, Он выбирает из тех, Кто может первым посмеяться над собой, Пой засыпая, Пой во сне, Проснись и пой». Но радио не останавливалось и на этом, и вдруг впадало в тоску-печаль и ностальгию, раздражаясь «Ямщик, не гони лошадей...» или «Гори, гори, моя звезда...». При звуках этого романа у Старухи, готовой растерзаться, то есть добить, умирающую Звереву, на глаза неожиданно наворачивались слезы или, что равносильно, комок подступал к горлу – она устало опускалась на деревянный «венский» стул, доставшийся «по наследству» при дележе имущества между соседями по коммуналке после смерти бесхозной старой девы, до революции служившей горничной в аристократическом семействе, а после оной, наряду с другими горничными и кухарками, сделавшейся полновластной хозяйкой имущества, равно как тел и душ, своих хозяев.

Старуха опускалась на стул, хозяйкой которого теперь была она, и начинала всхлипать, словно дитя, напрасно ища носовой платок – она попросту не видела его, и ничего, и никого не видела за пеленой слез и воспоминаний, за косящим на бок, точно Пизанская башня, силуэтом бабушки, которая частенько, вечерами, сидя у окна, выходявшего на оживленную, освещенную навесными фонарями улицу со скрежещущими машинами и торопливыми пешеходами, тихонько напевала «Гори, гори, моя звезда, Звезда любви, приветная, Ты у меня одна заветная, Другой не будет никогда...». О чем думала бабушка, напевая этот романс, помимо слов романса? Не о своей ли заветной «звезде» – внучке? Теперь же внучка, всякий раз слыша эти слова и, особенно, от обрусевшей полячки Герман, думала о бабушке, урбанизированной православной крестьянке, свидетельнице, очевидице, оплакивательнице взрыва Храма Христа Спасителя, рывшей противотанковые окопы и дежурившей на крышах во время бомбежек города в период Великой Отечественной войны, отчего и парализованной впоследствии. «Заслужила ли бабушка такой кошмарный конец?» – печально, сентиментально, меланхолично размышляла внучка.

Наконец, Зверева умерла, и коммунальная обитель вздохнула с облегчением, поскольку, хоть и учила задорная песенка Пъехи про соседа, игравшего день и ночь на кларнете и трубе, веселиться вместе с веселыми соседями и, видимо, сходить с ума, вместе с сумасшедшими, но песня – песней, а жизнь – жизнью, и, если не жить, то выживать-то как-то надо – и выживал кто как мог, затыкая уши, стараясь не слушать, пробегая мимо, убегая из дома, как муж Старухи в приступе белой горячки.

Надо сказать, что, как Зверева не расставалась ни на секунду с радио, так муж Старухи вот уже несколько лет не расставался с бутылкой, и чем дальше, тем хлеще, белая горячка навешала этого высокого, мускулистого советского интеллигента все чаще и чаще. Он уверенно катился в ЛТП, и новые соседи, принявшие «по лимиту» из жековских рук ключи от комнаты, освободившейся от Зверевой, форсировали процесс, точнее, довели дело до процесса, мужа Старухи – до скамьи подсудимых, а Старуху – до положения жены лтпешника, что, в общем-то, равнялось – супруги зека.

И полетели с зоны письма, серой и мутной тональности. Муж писал о нелегкой своей доле и тяжелом лтпешном труде, в каждом письме находя местечко и повод пройтись по «очкастой соседке», сдавшей его милиции, когда в очередной раз он выходил прогуляться в компании Мао

Цзэдуна или зеленой обезьянки. Да дело даже не в прогулках, а в моче. Да-да, именно в моче, которую соседка после таких его прогулок всякий раз обнаруживала на своей картошке, хранившейся у черного хода.

Нет, Венька, так звали мужа Старухи, выходил на прогулки не с черного, конечно, а только с белого, то есть, парадного входа-выхода. У черного же он оказывался по чистой случайности, думая, что там продолжение разговоров или переговоров с Мао, проводимых не на самом высшем уровне, конечно, и не в самой лучшей форме, но все-таки. Венька считал, что в его переговорах с Мао всегда присутствует некая недосказанность, невысказанность, одним словом, недоговоренность. Возможно, невыразимость, вряд ли – невыразительность, ведь Венька всегда выкладывался на них по полной программе, но Мао... Ах, китайская хитрость! Не мудрость – а именно, хитрость. Таким образом, выходило, что Мао, увлекая, завлекал его, завлек, и повлекся наш Венечка по этапу.

Письма походили одно на другое, серые и неинтересные, как ноябрьские дни, в один из которых и увезли Веньку, исполненные тоски, мрачных описаний зековской жизни, промозглого дома, где жили зеки, где Венька вечно простужался от сквозняков и плохого питания, собственно зоны, которую несколько раз меняли, постепенно отдавая от Москвы-матушки.

Старуха терпеливо читала и плакала над каждым посланием, как до того плакала над плаксивыми письмами дочери из пионерских лагерей, куда Старуха каждое лето, чтобы не иметь дело со свекровью, сбавривала дитятко свое ненаглядное, чувствуя затем некоторую свободу и определенные возможности самостоятельной жизни, то есть жизни вне семьи, для нее заключавшейся в ребенке. Заклячая ребенка, таким образом, в рамки режимных учреждений, а затем и мужа – в исправительно-трудовые будни, Старуха полагала, что всегда права, и пусть те не качают свои права, а исправляются. Сама же Старуха пускалась во все тяжкие – до осени, в случаях с дочерью, и на целых два года, в случае с мужем. Впрочем, срок мужу скостили до полутора лет, за примерное поведение, и вот уж Венька появился в доме с драным чемоданчиком в одной руке и поношенным пиджачишкой в другой, и перво-наперво принялся допрашивать дочь, не ходили ли к маме «дяди», но мама, не будь дурой, наказала дочери – про «дядей» ни гу-гу, а то по мозгам дам. Мозгов детке вовсе не хотелось лишаться, а посему – молчала, как партизан, то есть попросту врала, что «дядей» в глаза не видала никаких, и мать вела себя примерно, как и подобает жене зека.

Венька мало изменился, разве что поправился и даже помолодел на свежем воздухе вдаль от душного и пыльного города. Да вот только – лексикон... И то не сразу. Сперва – вполне приличный тип такой, вроде бластного или, на худой конец, пацана. Ну уж мужиком-то он точно был, ни в каком крысятничестве не замешался, а посему масти – только высокие имел. А случилось это, лексикон то есть, после уж как он «снова начал», причем начал по черной, начал так, как его там, на зоне, научили мужики. Согреться-то надо было, особенно зимой, вот и научили одеколон бухать, в разведении, конечно, водкой-то не всегда удавалось разжиться. Оказалось – кайфово, то есть под одеколон и прочую парфюмерно-косметическую продукцию кайф ловить не менее приятно, чем под чистотел, ну а ежели пунш получался, тут уж прям тебе ресторация. Потом так и тянет на всякий базар, но в обход – прихериться спящим, милое дело. Такой вот – перевод. Ясно, что – пуфель, но мы-то – не пуфики, а просто – мужики. Конечно, пару раз рога намочил, а как без этого, мутилы и мудилы, редиски всякие, едрена мать... Где мои рамы, профура?!

– Венька, да ты что... очнись, сынок, – мать, важная дама академического, в натуре, склада, в ужасе и полушоке склонилась над мертвецки пьяным сыном, ботавшим по фене.

– Туфта! – выкрикнул Венька.

Мать отпрянула и, закрыв лицо руками, вышла из комнаты. Сын отрубился.

* * *

Они шли и шли, молча и долго. Поселок, уцелевший от затопления в эпоху диктатуры пролетариата и всевозможной лагерной индустриализации, остался далеко позади, а они все шли,

словно зомби, ведомые неведомым им гипнотизером. Постепенно темнело, в редких теперь домах зажигались огни. На бледно-сиреневом небе появилась луна – огромный, желтый, улыбающийся диск. Что луна улыбается, Старуха заметила еще в юности, когда, прямоком с танцплощадки с фокстротом и чарльстоном, неторопливо тянулась с очередным кавалером к кладбищу – не имея ни единой дурной мысли в чернокудрой голове с огромным, ленинским, лбом мыслителя и длинным, гоголевским, или римским, или натальгончаровским – это уж, кто в чем силен для сравнения – носом, или Носом.

Дело в том, что Старухе страсть как хотелось быть оригинальной, неизбитой, так сказать, наверно, потому что в детстве, да и немного в юности, ее лупили, как сидорову козу, и не только родители. Одноклассники в школе недолюбливали Старуху, дразнили «копой» за долгое копание в сумках, или «попкой» за высококий рост, зоркий глаз и склонность к слепопытству.

Так они шли и шли, как вдруг на их пути выросла заброшенная церковь. Все трое, Старуха, дочь и муж, остановились, как вкопанные. Вокруг не было ни души. Церковь, совсем небольшая, скорее, часовня, молча, заколочено глядела на всех троих, не моргая, без улыбки и гнева. На двери, частично сорванной с петель, неясно значилась какая-то надпись.

О чем они говорили тогда, стоя у церкви, а затем обходя ее, словно Крестным ходом, делая остановки для каких-то размышлений – о чем? О чем думала она во время этих остановок? О чем думал он? Старуха силилась вспомнить или хотя бы представить, но слезы, наворачивавшиеся на утомленные жизнью глаза с покрасневшими веками, застилали туманом не только комнату, в которой она умирала, перечитывая «Сон Бруно», но и прошлое, во всяком случае, основные его постулаты, как то – встреча с церковью или прощание на вокзале, когда Старуха со свекровью столь опрометчиво отпустили Вениамина одного в Москву.

«Не забудь... станция Луговая», – только это она и помнила, но это было название фильма, который они впервые посмотрели вместе по телевизору после полуторагодовой разлуки, в первый же вечер по возвращении Веньки из ЛТП. И помнила она также свою собственную фразу, подводящую итог просмотра:

– Да-а-а... как мужчины всё же легкомысленны... – меланхолично вздохнув, произнесла она, покосившись на трезвого Веньку, полагая, что косящий взгляд ее тот поймет.

Собственно, и понимать-то было нечего: муж вернулся домой, в семью, и жена, естественно, хотела удостовериться, во-первых, что он, действительно, вернулся, во-вторых, что он, действительно, муж – может быть, и не Муж, но муж, хотя бы.

– Фуфло! – фыркнул Венька.

С того вечера и пошел этот невыносимый жаргонный язык, эта фея, это дурацкое аргю. Венька с гордостью называл себя «химиком» и в поселке не преминул почтить память своей лтпешнозековской жизни сидением на лавке под окнами местной тюряги.

– Мои друзья – хоть не в болонии, а гадость пьют из экономии, и на свои, – рычал он затем на Старуху всякий раз, как та заставляла его с бутылкой «пивка».

– Слушай, Зин, пошла б сходила в магазин... Не хочешь, Зин? Ну я один... – восторженно цитировал Венька Вовку, явно стараясь ему подражать, и с этим Старуха уже не справлялась.

Куда там! Высоцкий пер из Низянского, как дым – из отчаливающего «Титаника». Хоть и звучит банально, но бытие его неуклонно стремилось к фатуму, то есть – к Фатуму. И вот – закровило наружу из полукоткрытого рта, на пол той самой вонючей комнаты, «мертвецкой», где мученически умерла до него бабушка Старухи. Нет, он особо не мучился. Он просто выплюнул жизнь, обжегши ею внутренности. Поздно выплюнул. Спихватившись во сне. Амба.

Дальше, собственно, и рассказывать-то нечего, ибо дальше начинаются пустоты, маскирующие, пока еще, Пустоту, пустоту, надвигавшуюся на все Старухино существование. Время словно постепенно замедляло бег, обманывая Старуху своей стремительностью: десять лет, что – пять

минут, двадцать лет – что вчерашний день, – так ей казалось, в раме телевизора, обрамленной и облученной.

Сериалы и сонники, мужеподобные любовники, из которых почему-то помнился очкарик, с которым и вовсе ничего не было, кроме пары чашек несвежего чая. Не ее тип, так сказать.

* * *

– Бе-е-едненько... – разочарованно протянул, или проблеял, Вениамин, обводя взглядом Старухину комнату.

Вообще-то, он и сам не знал, на что рассчитывал, принимая Старухино приглашение – на богатство? одиночество? душевность? духовность? – да нет. Он знал, что Старуха живет скромно вдвоем с подрастающей дочерью, а порой едва сводит концы с концами, что она одинока... экзистенциально одинока, так сказать... не слишком-то душевна – какая душа у ущербного, как и он, человека?! – а дух... духовность... Старуха коллекционировала вырезки из журналов, обклеивала ими стены комнаты. Русские пейзажи, портрет Пушкина, Ахматовой, собственного отца, иконы Божьей Матери, вперемежку с кричащими рок-певцами и попсовыми силуэтами... Что тут скажешь про дух? Что он протух? Или потух?

По гороскопу Старуха – Петух, а он – Заяц, так что – неплохая компания, на это исключительное он и рассчитывал после десятилетия в «соловьях» и еще пятерочки – в «белых столбах» или на канатчиковой даче... он уже не помнил... где-то...

За чаем, и вправду, несвежим, разговорились. Почему – Соловьи? а потом – Леви? Ступор по вине супруги. Ругань, ругань, мат-канат... да вот и остановка, штопор, то есть. Думал, хана! Полечился немного. А там и вторая свадьба нагринула.

Одному мужчине в России не прожить, обязательно найдется сердобольная да самоотверженная. Потому что на десять девчонок по статистике девять ребят. Нашлась и на его долю. Ругать, обстирывать, мыть, ну и обмывать, конечно, выгуливать, драться, кусаться... Не выдержал. Сбежал. Снимал углы у старух. Между прочим, художник, и деньги водились, да все перевелись. И девки вешались, да так и обломались все. Это уже Старуха размышляла, задумчиво расставляя чашки по местам в серванте.

Последняя новость от Веньки – дворник убогий. А она-то думала, может, на работу устроит.

* * *

Старуха старательно пыталась задом, неумело орудуя тряпкой. Вахтер Венька с интересом наблюдал, как аппетитная попка в яркой цветастой юбке медленно, но верно, приближалась к его вахте. В прошлом – главный инженер-конструктор, Венька и на посту все что-то изобретал да конструировал, мысленно, правда.

Схемы, конструкции, инструкции... Мимо мелькали чьи-то лица, силуэты, анкеты, паспорта... Он смотрел на них мельком. Эта сторона человеческой жизни интересовала его меньше всего. Он зрел в корень, улавливал суть в сумятице и всевозможных спектаклях. Старуха причалила к его столу, на котором до рассвета горела белым пламенем писательская лампа.

Нет, он не писал – он читал, а лампа – так, для понту, и для свету. На вахте Венька перечел всю свою домашнюю библиотеку и взялся осваивать книжные лотки, благо под рукой, и справа, и слева от вахты, томилась Кафка и Набоков, Битов и Пригов, Мозем и Пастернак, Камю и Сартр. Последним двум оказывал особый респект. За неприглядность и невыносимость. Со Старухой ходил на прогулки в близлежащий парк.

Старуха бесилась – маленький и хромой, а шагал так, что она, высокая и прямоходящая, едва попевала. А в постели пугалась – уж больно большой... не по зубам... не по каким вообще... параметрам... Да и вообще – скандал за скандалом.

– Ну, у тебя и гордыня! – Венька, наконец-то, схватил Старухину суть, чем был весьма доволен. Так и есть. Старухой правит гордыня. Гордыня... Гордая дыня... Ха-ха... Труха...

В ответ на эти слова Старуха собрала свои вещички и была такова. Остался Венька с носом, то бишь с книгой...

* * *

- Вень, не бросай, – тоненько ныла Старуха в телефонную трубку.
- Я – в панцирь залез, – пробурчал Вениамин, – Вылезу, позвоню. Может быть.
- Отбой. Старуха заревела.
- Чувствуешь уязвление и тя-а-а-а-гу-у-у... – провыла она в ответ на дочино «что случилось?».

Больше не случалось ничего. Время текло не сквозь-насквозь, а мимо. Время шло и шло, торжественно и необратимо, неощутимо и божественно. Старуха долго не старела, в силу такого вот договора со временем. Постепенно, однако, теряя силы и статус: из редакторов – в корректора, из корректоров – в архивисты, из архива – на множительную технику, от размножения – к уборке уборных и прочих нечистых мест, из уборщиц – в копировальщицы. Зато – отдельная комната, что же что без окон, а копир воняет, как навоз, зато дверь есть – всегда можно открыть, правда, заходят разные непрошенные гости, вроде друга-врага Вальки, длинноволосого, склизкого блондина, которому, ежели вздумается «поболтать», у Старухи стоял наготове стул.

Валька садился на стул, нога на ногу и молчал. Старуха тоже молчала. Так они молчали какое-то время, потом Старуха начинала разговор, не молчать же до бесконечности, так и врага нажить недолго.

- Как дела, Валь?
  - Да ниче, – лениво отзывался слизняк, наблюдая за процессом копирования, – работу вот всю переделал, делать нечего. Отдыхаю теперь.
  - Ну, отдыхай-отдыхай, – терпеливо поддерживала беседу выносливая Старуха, высасывая разговор из пальца.
  - Жена-то как?
  - Да ниче, – хмыкал Валька, начиная ерзать на стуле, – гороскопы пишет.
  - Ну пусть пишет, – назидательно откликнулась Старуха.
  - А дети как? – снова спрашивала она Вальку.
  - Да ниче, – вяло отзывался тот, – учатся плохо.
  - Это плохо, – делала вывод Старуха.
  - Чего ж хорошего? – вторил ей Валька.
- Так, слово за слово, отводил Валька душу со Старухой, а потом – вымещал на ней зло.

* * *

На пенсию Старуха вышла случайно, хотя втайне с рождения мечтала «отдохнуть», но всегда трудилась, как лошадь и папа Карло. Какой уж там отдых! Ей не снился он никогда. Снились лишь покойники, деды да бабки, иногда мать, уже старая, порой отец, тоже старый и больной. Но на покой она не собиралась – ее отправил Валька, который за болтовней дослужился до замдиректора типографии, где пахала Старуха. И отправил хитростью, нагрянув как-то домой и заявив:

– Никому ты, мать, не нужна.

Тогда впервые прозвучало, персонально ей адресованное, слово «мать». И Старуха впервые оскорбилась. Как?! Из девушек – сразу в матери?!
– Ты чой-то меня материшь? – сердито спросила она Вальку.

Тот в первое мгновение ошеломлен от удивления и справедливого негодования.

– Дура! – рыкнул он затем на Старуху, – О тебе же забочусь! А загнешься у станка – че нам делать-то?

И Старуха сникла. Старуха сдалась. И напрасно сам директор издательства уговаривал ее остаться просто так. Старуха ушла с гордо поднятой головой. Ушла в лес.

* * *

Поначалу Лес принял Старуху. Лес шелестел листвой, ликуя и множась. Лес обдавал тишиной и свежестью. Лес ломился в окна Старухиной квартиры на окраине Москвы. Лес радостно махал издали миллионами древесных рук. Лес аплодировал. Лес пел и шумел под дождем летними вечерами. Лес благоухал июльским полднем и желтел на глазах октябрьским утром. Лес... Как много в этом слове сконцентрировалось смыслов! А поле...

Лес открывался на поле, поросшее дикой рожью. Настоящее русское поле, широченное, сногшибательное... Старуха падала в дикую рожь и долго-долго лежала недвижно, будто мертвая. С вопросами никто не подходил к ней. Проходим, в общем-то, было все равно.

Равнина располагала к равенству и к безразличию. Старуха спала, и снились ей дальние страны, незнакомые прекрасные города и дивные ландшафты. Однажды Старуха проснулась от собачьего лая.

Поле обносилось строительным забором. Поле захламлялось, застраивалось, а следом урбанизировался и лес. Словно саранчой, наполнился он рыжими гастарбайтерами, и вот извилистые тропки распрямились, тенистые аллеи заасфальтировались, поубавилось птичьего пения, появились странные, круговые, площадки, образованные вырубкой. На них по кругу стояли скамейки, которые прочно оккупировали пьяницы, наркоманы и всякая люмпенствующая сбродь.

Так проявляло себя ее время, ее странная эпоха – быть может, эпоха круговой поруки. И попалась ей под руку рыночная торговка, златозубая цыганка, раскинувшая на своем лотке покрывала, одеяла, ковры, подушки и пуфики. У Старухи глаза разбегались. Чего только не было у цыганки. А чего не было, она добывала для эксклюзивного покупателя, каким в скором времени стала у нее Старуха.

И понесла Старуха в дом все что ни попадя, покрывала, одеяла, ковры и коврики, подушки и матрацы, думочки да пуфики. Обкладывалась ими со всех сторон, завешивалась и занавешивалась от мира, полагая, что жизнь ее, наконец-то, начинается.

– Бабка! Ей, бабулька! – кричала ей вслед молодежь.

– Бабушка, – звали люди среднего возраста.

– Бабусь, – обращались свои же, ровесники и ровесницы.

– Какая я вам бабка, бабулька, бабушка, бабуся! – ругалась Старуха, – Я – дама! Я – женщина!

Женщина!

Да кто ж это слышал?

* * *

Старуха умирала под Штоколова и Шаляпина, умирала самозабвенно, самоотверженно, с яростным пафосом, положив на пуфик виновницу предстоящей смерти – ногу, на которой грибом красовалась бывшая родинка.

– Ребенка вырастила и нянчусь с ней, как с ребенком, – Старуха радовалась, как дитя, когда говорила о самолечении родимого пятна.

Внезапно из гриба, упитанного, мясистого, черно-коричнево-красного, хлынула кровь. Старуха не на шутку струхнула. Не до смерти-матушки уже стало. Докостыляв кое-как до районного хирурга, осмотренная им и осмеянная, Старуха атаковала заведующего онкологической клиникой, куда получила направление.

– Нет мест, я же сказал вам! – орал с утра пораньше в телефонную трубку неврастеничный заведующий.

– Как это нет?! – вопила Старуха, – У меня кровотечение. Когда заезд?

– Какой еще заезд?! Вы в своем уме?! – рывкал заведующий и с ненавистью швырял трубку на рычаг.

Однако Старуха добила своего, а, вернее, добила заведующего и всю регистратуру, и ей нашлось местечко в палате на четверых старух. Въехала Старуха со своим скарбом в палату, и уже через день легла под хирургический нож.

* * *

Старуха выходила из наркоза в четырехместной палате под рев телевизора, который и не думал никто выключать. Другие старухи о Старухе особо не пеклись, наоборот, всячески ее третируют, а больше других старалась старуха-дед, то есть старуха, прибывшая в палату раньше прочих старух.

Старухе не разрешалось спать – храпит, не разрешалось также и бодрствовать – шуршит, не разрешалось ходить – теснит, не разрешалось сидеть – лентяйка, не разрешалось и стоять – не столб же, в самом деле. Старуха запиралась в уборной и ревела. Наревевшись, выходила в узкий больничный коридор, где, теньями по углам, вернее, по кабинетам, палатам и процедурным, жалась больные, и где за огромными широкими окнами расстиралось желтое море осеннего леса. Старуха смотрела на лес и вспоминала...

Между тем, у врачей не нашлось оснований задерживать ее в больнице дольше пяти дней.

– Нет, вы только подумайте! – возмущалась Старуха, – Меня выпихивают!

– Выписывают? – уточняла ее собеседница по больничному коридору.

– Выпихивают! Я, видите ли, вполне здорова.

– Так это же хорошо, – ободряюще улыбалась собеседница, – дешево отделались.

– Чего ж хорошего? – злилась Старуха, – Я-то рассчитывала пробыть здесь не меньше месяца...

* * *

Вернувшись домой, Старуха принялась вспоминать. Она вспоминала старуху-деда, устроившую ей палатную обструкцию. Дело в том, что Старуха признала над собой власть сильного, точнее, сильной бабки, хоть и не жутко стильной, и признание это выразилось в отказе Старухи от книг, журналов, газет и радио, равно как и от прогулок. Все внимание Старухи сосредоточилось на телевизоре, но может быть и так, что это телепатическая власть телеэкрана повергла Старуху в «телосложение», так что все дни напролет сидела она у теле-, сложа руки, сидела, сложившись тряпичной куклой, изъеденной молью и пропитанной нафталином, в сундуке – комнате, набитой всякой всячиной, как то: старыми холодильниками, радиоприемниками, шкафами без дверей, дверьми без шкафов, полками без книг и книгами без полок, беспольными куклами, половиками и коробами, а также – пакетами, банками, бутылками и лекарствами.

Надо сказать, что Старуха обожала лекарства, с детства приученная к ним, напичканная самими раскрученными из них, но порой начиненная и редкими, рецептурными, распространяемыми по закрытой подписке, так сказать. Лекарства составляли, собственно, часть Старухи, а, возможно, и всю Старуху. Она жила на лекарствах и лекарствами, культивируя дух Лекарства. Не было только Лекаря, и лекарства распоряжались Старухой, как хотели. Она запивала их «Активией» из пластиковой бутылки.

* * *

По телевизору крутили «Субботний вечер» с новыми русскими бабками и Басковым.

– Басков – дурак, – словно попка, твердила Старуха, складно упираясь высоким, ленинским, лбом в выпуклое, черно-белое, стеклышко, волшебным фонарем крутящее карнавал, несомненно, в палитре красок, которых Старуха уже не видела, поскольку в этот день приняла свою последнюю дозу снотворного.

Алексей СЛАПОВСКИЙ

Николаев. Просто убийство пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

НИКОЛАЕВ, убийца, около 40 лет

ТАТЬЯНА, его жена, привлекательная, энергичная женщина, около 40 лет, выглядит моложе

ВИТАЛИЙ, сын Николаева, 19 лет

ЛЫТКИН, бомж, за 40

ЛЫТКИНА, за 40

ВАСИЛИЙ, ее сожитель, возраст неопределенный – между 30 и 40

МОЧАЛОВ, лейтенант полиции, около 30 лет

МАША, криминалист, красивая девушка, 25 лет

ГУЛЯЕВ, сосед, за 60 лет

ГУЛЯЕВА, соседка, за 60 лет

ЖУРОВ, следователь, примерно 35 лет

ЗЕМЦОВ, адвокат, за 30 лет

ТЮРЕМЩИК

Квартира Николаева. Прихожая, кухня, комната, дверь в спальню.

Николаев входит в квартиру, снимает с плеча сумку, раздевается и разувается, всовывает ноги в шлепанцы. Берет сумку, идет в кухню, достает из сумки бутылку водки, хлеб, кусок колбасы. Сумку относит в прихожую. Идет в ванную. Слышен шум воды. Выходит из ванной. Идет в кухню. Открывает холодильник, достает яйца, масло. Ставит на плиту сковородку, режет колбасу, бросает на сковородку кусок масла, потом колбасу. Пока она поджаривается, разбивает яйца. Смешивает их в миске. Выливает смесь на сковородку. Поджаривает яичницу на большом огне, помешивая ножом. Словхатившись, берет солонку, солит, опять помешивает. Ставит сковородку на стол, на деревянную разделочную доску. Отрезает хлеб. Наливает в стопку водку. Открывает холодильник, долго смотрит. Закрывает. Садится за стол. Выпивает стопку. Начинает есть. Наливает вторую стопку. Встает, открывает холодильник, достает кетчуп. Трясет бутылку над яичницей. Выпивает вторую стопку. Ест. Наливает еще. Выпивает. Ест. Доедает. Несет тарелку к мойке, ставит ее туда. Возвращается к столу. Но тут же идет опять к мойке, моет тарелку. Идет к столу. Достает сигареты, зажигалку. Включает электрический чайник. Закуривает. Чайник шумит. Вскипел. Николаев берет упаковку с одноразовыми пакетиками чая. Но там пусто. Он сминает упаковку, кидает на стол. Берет скомканную упаковку, относит в мусорное ведро под мойкой. Докурив, тушит сигарету в пепельнице. Наливает стопку, выпивает. Нюхает хлеб. Встает, открывает холодильник, долго смотрит. Закрывает. Возвращается к столу, наливает стопку, пьет. Закуривает. Курит, сидя неподвижно, глядя перед собой. Наливает еще стопку. Пьет. Докуривает. Сидит. Наливает последнюю порцию, пьет. Закуривает. Курит. Докурив, идет в прихожую, обувается, надевает куртку, берет сумку. Выходит. Отсутствует максимально долго.

Входит с довольно грязным мужчиной, бородатым, в черной вязаной шапке. Это Лыткин. Они снимают куртки, разуваются. Лыткин бросает куртку в угол.

ЛЫТКИН (*протирая руки*). Тепло, хорошо!
НИКОЛАЕВ. Проходи.

Они проходят в кухню, Николаев достает из сумки две бутылки водки, относит сумку в прихожую. Возвращается, режет остатки колбасы и хлеб, открывает одну бутылку, наливает себе и Лыткину.

ЛЫТКИН. Твое здоровье! За знакомство!

Выпивают. Закуривают.

ЛЫТКИН (*протягивает руку*). Сергей.

НИКОЛАЕВ (*не подавая руки*). Олег.

ЛЫТКИН. Один живешь?

НИКОЛАЕВ. Жена у матери. Гостит.

ЛЫТКИН. Празднуешь, значит? А я развелся, у меня теперь вечный праздник. Все ей оставил. Квартиру, вещи. Квартира – окна на южную сторону. Все оставил, ушел. На, подавись. Квартиру, деньги. Ничего не взял. Пусть подавится, правильно? Мы мужчины, мы не пропадем!

Лыткин разливает, они пьют.

ЛЫТКИН. Роскошная квартира, две огромные комнаты – и все на южную сторону! Вот так войдешь – кухня, а потом еще одна. У тебя однокомнатная?

НИКОЛАЕВ. Две.

ЛЫТКИН. Дети есть?

НИКОЛАЕВ. Сын отдельно живет.

ЛЫТКИН. Квартиру снимает? Это правильно. Я тоже сейчас на квартире живу. Отличная квартира. Сам себе хозяин. Семнадцатый дом, у остановки, девятиэтажный. Кирпичный. Видел? Ну, балконы синие такие.

Николаев разливает. Они выпивают.

ЛЫТКИН. Водка все хуже каждый день. Не замечал? Потому что контроля нет. А хлеб, ты посмотри, какой? (*Мнет кусок хлеба.*) Он же не пропеченный! (*Берет кусок колбасы, жует.*) Резина! Контроля нет совсем. Если власть дура, то и народ дурак. Правильно?

Лыткин разливает. Выпивают.

ЛЫТКИН. Ничего не умеют. В футбол – и то. Ты понимаешь, что происходит? Никто ничего не умеет! Но главное что? Свобода! Я ей все оставил, но получил больше. Я получил свободу! А ей – все. Сбережения, в смысле деньги. Квартиру – на, подавись. Детей оставил. Две дочки. Подавись, жри! Мне от тебя ничего не надо! Зато я теперь человек. Правильно? Это главное – чувствовать себя человеком!

Николаев разливает. Выпивают. Закуривают. Молчат. Долго.

ЛЫТКИН. Ты скажи хоть чего-нибудь. А то я в одного. На самом деле я тоже такой. Я молчу сутками. Неделю могу молчать. Мне говорят: Сергей, почему ты молчишь? Я говорю: это мой выбор. Не понимают! Я говорю: это мой выбор. Ты понял? Говорят: Сергей, ты все время молчишь, почему? Я говорю: это мой выбор! И все. Ты согласен?

Затемнение.

В кухне – Николаев в наручниках, перед ним лейтенант полиции Мочалов. Тут же работает девушка-криминалист Маша, осматривает убитого Лыткина. В прихожей, переминаясь, стоят супруги Гуляевы. Николаев время от времени посматривает на Машу.

МОЧАЛОВ. Он что, полез драться?

НИКОЛАЕВ. Нет. Он просто не уходил.

МОЧАЛОВ (*рассматривает паспорт Николаева*). И за это надо было убить?

НИКОЛАЕВ. Нет. Так получилось.

Маша подает Мочалову паспорт убитого.

МОЧАЛОВ. Кем вам приходится (*смотрит паспорт*) Лыткин Сергей Ильич?

НИКОЛАЕВ. Никем.

МАША. Удар затылком об косяк, а потом об пол. А пол жесткий, плитка. Классика, короче.

МОЧАЛОВ. Он не хотел уходить, вы его стали выгонять, так? Он сопротивлялся, так?

НИКОЛАЕВ. Нет. Он просто не уходил. Я ему говорю: уходи. А он: когда захочу, тогда и уйду.

Потом он встал воды попить из-под крана. Я вскочил, оттащил, тряхнул... Он ударился затылком об косяк... и упал.

МАША. Точно. Кровь на косяке на уровне головы. Хорошо стукнули. А потом полом добавил – в том же месте. Мозги наружу фактически.

МОЧАЛОВ. То есть убийство по неосторожности в ходе пьяной ссоры. Так?

Николаев не отвечает.

МОЧАЛОВ. Вы говорите, он вам никто. А как он тут оказался, если никто?

НИКОЛАЕВ. В магазине встретились. Я водку покупал, он тоже. Я его позвал.

МОЧАЛОВ. Позвал в гости и убил? (*Маше*) Маша, слышишь, как интересно? Позвал, выпили, убил.

НИКОЛАЕВ. Не сразу. Сначала прогонял. А он не хотел. Что было делать?

МОЧАЛОВ. Могли бы полицию вызвать, если по закону. Почему не вызвали?

Николаев молчит.

МОЧАЛОВ (*Маше*). Что там еще?

МАША. Да ничего. По виду – бомж.

МОЧАЛОВ. С паспортом – уже не бомж. Соседей позови.

МАША. Гуляевы, проходите!

Гуляевы проходят в кухню. Увидев тело, Гуляева беретса рукой за сердце.

ГУЛЯЕВ. Добрый вечер.

МОЧАЛОВ. Это вы удачно сказали.

ГУЛЯЕВ. Извините.

МОЧАЛОВ. Николаева Олега Валентиновича давно знаете?

ГУЛЯЕВ. Это кто?

МОЧАЛОВ. Это вот он.

ГУЛЯЕВА. Мы его совсем не знаем. У меня давление и аритмия, мне лечь надо. Зачем вы нас позвали?

МОЧАЛОВ. Вы соседи, через стенку живете. Произошло убийство гражданином Николаевым Олегом Валентиновичем гражданина, судя по паспорту, Лыткина Сергея Ильича (*смотрит в паспорт*), проживает Перспективный проезд, семнадцать, квартира шесть.

ГУЛЯЕВА. Мы такого не знаем.

МОЧАЛОВ. Но Николаева-то знаете?

ГУЛЯЕВ. Видели, встречались. В лифте. Не познакомились.

МОЧАЛОВ. Давно здесь живете?

ГУЛЯЕВ. С основания дома, шестьдесят два года. То есть я тут родился у родителей, потом они умерли, квартира на меня осталась. А он не знаю.

МОЧАЛОВ. Он тут живет, судя по прописке, уже девять лет.

ГУЛЯЕВА. Мало ли. Тут вообще всех новых полно, мы никого не знаем.

МОЧАЛОВ. Но видели же, как человек живет? Пьет, хулиганит?

ГУЛЯЕВ. Не замечал. Они тихо жили. Он с женой, сын у них был, лет тринадцать, вроде. Потом куда-то делся.

НИКОЛАЕВ. Ему девятнадцать. Живет отдельно. Снимает квартиру.

МОЧАЛОВ. А жена где?

НИКОЛАЕВ. У матери в Пензе. В гостях.

МОЧАЛОВ. Вот так вот. Жена в Пензе, а он тут людей убивает. (*Гуляевым*) Имеете еще что сообщить?

ГУЛЯЕВА. Мы вообще ничего не имеем сообщить.

МОЧАЛОВ. Понадобится, вызовем.

ГУЛЯЕВА. Я не могу, у меня давление. Я в больницу скоро лягу.

МОЧАЛОВ. И в больницу придут, если надо.

Гуляевы уходят.

МОЧАЛОВ (*Николаеву*). Ну? Молчать будем или как?

МАША. Да все ясно, везти его в отдел, оформлять.

МОЧАЛОВ. Машина едет уже. А я должен по горячим следам. Протокол первичного осмотра и опроса. (*Николаеву*) Значит, пишем: убийство по неосторожности в ходе ссоры на почве употребления спиртных напитков. Так?

НИКОЛАЕВ. Не по неосторожности. Я просил его уйти. Он не уходил. Ссоры тоже не было.

МОЧАЛОВ. А что было?

НИКОЛАЕВ. Ненависть.

МОЧАЛОВ. Не понял?

НИКОЛАЕВ. Я его стал ненавидеть. И понял, что если он сейчас не уйдет, я могу его убить.

МОЧАЛОВ. Ага. И вы его убили, чтобы не убить?

МАША. Надо же столько выпить, чтобы такое сказать!

НИКОЛАЕВ. Я трезвый сейчас.

МОЧАЛОВ. Хорошо. За что вы его стали ненавидеть?

НИКОЛАЕВ. Не знаю.

МОЧАЛОВ. Ладно. А убили за то, что не уходил?

НИКОЛАЕВ. Нет.

МОЧАЛОВ. А за что?

НИКОЛАЕВ. Не знаю.

МОЧАЛОВ. Чего вы мне голову морочите? Ни за что ничего не бывает. Он обзывал, оскорблял?

НИКОЛАЕВ. Нет. Просто не уходил.

МОЧАЛОВ. Слава богу, выяснили. Убил за то, что не уходил?

НИКОЛАЕВ (*после паузы*). Может быть. Я захотел его убить.

МОЧАЛОВ. Я понял, понял. За то, что он не уходил.

НИКОЛАЕВ. Нет. Я просто захотел его убить.

МОЧАЛОВ. Ни с того, ни с сего?

МАША. А что, реально. В прошлом месяце случай был: женщина с мужем тоже выпивали

по-семейному в пределах нормы, а она вдруг сковородкой его по балде бенц. И тоже – не знаю, говорит, за что. Захотелось, говорит. Говорит, прямо увидела заранее, как ему сковородка по голове стукнет.

НИКОЛАЕВ (*глядя на Машу*). Я это понимаю.

МОЧАЛОВ. Там жена и муж, другое дело! Жене всегда есть за что мужа убить. Накопилась жаба в душе, придралась к первому поводу, и все. Там ясно. А тут чужие люди. Только что познакомились. Вопрос: причина? Олег Валентинович, вы же нормальный с виду человек, даже не очень пьяный, в самом деле!

НИКОЛАЕВ. Я мало пьянею.

МАША. Когда машина придет? Поздно уже, а у меня ребенок.

МОЧАЛОВ. Скоро должна.

НИКОЛАЕВ (*Маше*). А вы замужем?

МАША. Ничего себе. Он еще вопросы задает!

НИКОЛАЕВ. Я просто спросил. Вы красивая.

МАША. Знаю, что дальше?

НИКОЛАЕВ. Ничего.

МОЧАЛОВ. Олег Валентинович, не отвлекаемся. Еще раз спрашиваю, за что вы убили человека? То есть уже ясно, что вы захотели его убить, повторять не надо, но за что?

Николаев молчит. Затемнение.

Кабинет следователя в следственном изоляторе. Стол, два стула, зарешеченное окно. Следователь Журов допрашивает Николаева.

ЖУРОВ. Вы подробней можете рассказать?

НИКОЛАЕВ. Я уже рассказывал.

ЖУРОВ. Вы рассказывали человеку из полиции, а я следователь. Итак?

НИКОЛАЕВ. Выпил. Пригласил в гости человека. Ударил его об косяк.

ЖУРОВ. За что?

НИКОЛАЕВ. Не знаю.

ЖУРОВ. Не помните?

НИКОЛАЕВ. Помню.

ЖУРОВ. Что помните?

НИКОЛАЕВ. Он встал попить воды. Я вскочил, набросился, схватил, ударил.

ЖУРОВ. Потому что он не уходил?

НИКОЛАЕВ. Да. Нет. Я бы все равно это сделал.

ЖУРОВ. Почему?

НИКОЛАЕВ. Я его возненавидел.

ЖУРОВ. За что?

НИКОЛАЕВ. За все.

ЖУРОВ. Но побуждение какое-то было?

НИКОЛАЕВ. Ну... Подумал: если ударю – что будет? Примерно так. Я убивать его не хотел.

ЖУРОВ. А что хотели?

НИКОЛАЕВ. Ударить.

ЖУРОВ. Он вас раздражал?

НИКОЛАЕВ. Да не особенно.

ЖУРОВ. То есть вы хотите, Николаев, сказать, что ударили человека для того, чтобы посмотреть, что будет? И хотите, чтобы я вам поверил?

НИКОЛАЕВ. Дело ваше.

ЖУРОВ. Вы кем работаете?

НИКОЛАЕВ. Старший диспетчер в отделе перевозок. В типографии.

ЖУРОВ. Ну вот, видите, старший диспетчер. Работа ответственная. Психов держать не будут, так?

НИКОЛАЕВ. Я не псих.

ЖУРОВ. И я к тому же: не псих. Но прикидываетесь психом. Я ведь понимаю, чего вы добиваетесь – чтобы я экспертизу вам назначил. Надеетесь, что вас признают сумасшедшим?

НИКОЛАЕВ. Нет.

ЖУРОВ. Вы намного умней, чем кажется. Другой бы на моем месте вам поверил. Вы все продумали. Ссора, неприязненные отношения, драка – по любому, когда есть причина, вас будут судить, как нормального. На полную катушку. Даже состояние аффекта не поможет, потому что это не аффект, а полторы бутылки водки, что вы тоже сообразили. Нет, вы придумали версию: ни за что. А ни за что, это только у психов бывает. У каждого нормального человека есть причина.

НИКОЛАЕВ. Я нормальный.

ЖУРОВ. Отлично! Все делаете правильно! Какой же псих скажет, что он псих? Ладно, я назначу вам экспертизу. А потом поговорим.

Затемнение

Квартира Гуляевых. Главная деталь – ковер на стене. Гуляевы сидят под ним на диване, смотрят телевизор. Гуляев равномерно нажимает на кнопку переключения каналов.

ГУЛЯЕВА. Ты уж выбери чего-нибудь.

ГУЛЯЕВ. Все равно смотреть нечего.

ГУЛЯЕВА. Не нравится, давай я посмотрю, что хочу.

ГУЛЯЕВ. Иди на кухню и смотри.

ГУЛЯЕВА. Там маленький. Я буду глаза портить, а ты, как барин, тут валяться будешь?

Гуляев переключает каналы.

ГУЛЯЕВА. Ты нарочно, что ли? (*Встает, идет в сторону кухни.*) Чаю хочешь?

ГУЛЯЕВ. Налей. Лимон есть?

ГУЛЯЕВА. Есть.

ГУЛЯЕВ. С лимоном.

Гуляева уходит, Гуляев переключает каналы. Гуляева возвращается с двумя чашками.

ГУЛЯЕВ (*указывает на журнальный столик*). Туда поставь.

ГУЛЯЕВА. Командир тоже. Подай, принеси, поставь. Сам поставь. На. (*Сует ему чашку.*)

ГУЛЯЕВ (*вскакивает*). Обварить меня хочешь?

ГУЛЯЕВА. Дурак ты, что ли?

ГУЛЯЕВ. Как раз не дурак. Слышала, как эта рассказывала про эту? Которая мужа сковородкой по голове? Ты тоже вот возьмешь, подкрадешься...

ГУЛЯЕВА. Виктор, ты рехнулся?

ГУЛЯЕВ. А что? Бабах по голове – и смотри по телевизору, что хочешь. Свобода. Детей у нас нет, стесняться тебе некого. А на суде придумаешь, что я сам упал.

ГУЛЯЕВА. Идиот.

Ставит чашку Гуляева на журнальный столик, садится на диван, пьет чай. Посматривает на мужа.

ГУЛЯЕВА. Может, ты меня сам хочешь сковородкой? Вот и придумываешь заранее. Вроде того, она меня хотела сковородкой, а я выхватил для защиты и ударил. Готовишься, да?

ГУЛЯЕВ. Охота руки марать. Захочу, я тебя так убью, что никто не подкопается.

Гуляева отсаживается на край дивана, ставит чашку на колени, берется рукой за грудь.

ГУЛЯЕВА. Аж сердце перевернулось. Виктор, ты брось такие вещи говорить. Я прямо боюсь уже тебя. Ты меня нарочно дразнишь? Хочешь меня до инсульта довести?

ГУЛЯЕВ. Ты лучше думай, что будем говорить, когда вызовут. Чтобы одно и то же говорить. Лжесвидетельство – это статья, между прочим.

ГУЛЯЕВА. Нечего мне говорить. Я с ними не здоровалась даже. Потому что они со мной никогда сами.

ГУЛЯЕВ. Это подозрительно. Они скажут – укрывательство. Давай так: мы видели, что он пил.

ГУЛЯЕВА. Я не видела.

ГУЛЯЕВ. Тьфу, дура! Он же пьяный был, когда мы там были. Значит, пил. А если мы скажем, что не пил, скажут: врут, скрывают. Почему, по какой причине? Подумают, что нам он заплатил.

ГУЛЯЕВА. Как он заплатит, он уже в тюрьме!

ГУЛЯЕВ. Ну, жена, другие родственники. Короче, он пил. Запомнила?

ГУЛЯЕВА. А кто не пьет?

ГУЛЯЕВА. Я тебя не спрашиваю, кто не пьет, я тебе говорю, корова, что он пил! Пил он, поняла? И с женой ругался! Мы слышали! Лично я точно слышал!

ГУЛЯЕВА. Виктор, не пугай меня, ты чего так нервничаешь? Ты себя заводишь, что ли? Чтобы потом за сковородку схватиться? Господи, аж проваливается сердце, сейчас «Скорую» вызову.

ГУЛЯЕВ. Сто раз вызывала, опять скажут: нервы.

ГУЛЯЕВА. А ты думаешь, от нервов не помирают? И из-за кого у меня нервы, догадайся с трех раз?

ГУЛЯЕВ. Опять я во всем виноват. Ей по делу говорят, а она тут. Повторяю два пункта. Он пил и они ругались. Ума хватит запомнить?

ГУЛЯЕВА. Может, и ругались... Я не слышала.

ГУЛЯЕВ. Я слышал! Ты что, мне не веришь? Я слышал, своими ушами, вон оттуда – ругались! Что ж за идиотка такая, понять не может! Нас вызовут, я скажу – ругались, а ты скажешь – не слышала. И что подумаю? Что мы запутываем следствие! Скажут: ага, их подкупили! И статья! Тебя не тронут, ты insult начнешь симулировать, а меня посадят. Ты этого хочешь?

ГУЛЯЕВ. Виктор, помолчи! Все скажу, как скажешь. Пили и ругались.

ГУЛЯЕВ. Не пили, а пил! Он пил! Мозги куриные! Ты хоть дважды два помнишь, что четыре? Или сомневаешься? Он пил! Повтори!

ГУЛЯЕВА. Он пил. Они ругались.

ГУЛЯЕВ. Наконец-то.

Встает, идет к столику, огибая диван сзади. Гуляева поворачивает голову, смотрит.

ГУЛЯЕВ. Ты чего?

ГУЛЯЕВА. А чего ты сзади пошел, если тут ближе?

ГУЛЯЕВ. Совсем с ума сошла? Как захотел, так и пошел!

ГУЛЯЕВА. Витя, я тебя прошу. У меня сердце лопнет сейчас. Не ходи сзади, пойми мое состояние.

ГУЛЯЕВ. Сама ходишь, а мне нельзя?

Берет чашку, отпивает, выплевывает.

ГУЛЯЕВ. Тьфу, помои!

Комната свиданий. Стол, два стула, зарешеченное окно. К Николаеву пришла жена Татьяна.

ТАТЬЯНА (*с горечью и недоумением*). Как это могло случиться, Олег? Говорила я тебе, когда уезжала, не пей!

НИКОЛАЕВ. Я не пил почти. Как обычно. Ты же знаешь, меня и с двух бутылок не берет.

ТАТЬЯНА. Нашел чем хвастаться! Ты зачем позвал этого мужика?

НИКОЛАЕВ. Так... Для компании.

ТАТЬЯНА. И что вышло?

НИКОЛАЕВ. То и вышло.

ТАТЬЯНА. Ладно, у нас полчаса всего, слушай. Я уже наняла адвоката, человек опытный и недешевый. Этот Лыткин, которого ты... Он бомж практически, дома не живет, выгнали за алкоголизм. Это хорошо, понимаешь? Это асоциальная личность.

НИКОЛАЕВ. Неважно.

ТАТЬЯНА. Важно! Все важно! Слушай внимательно. Адвокат говорит: это самооборона. Ты приличный человек, интеллигентный, ответственный, он обманом проник к тебе в гости по поводу своей нищеты, ты его по-человечески пожалел, а он напился и стал лезть на тебя в драку. Ты его оттолкнул. Вот и все. Адвокат говорит, что при таком раскладе можно самое большое условный срок получить. Или на крайний случай поселение. А это не тюрьма, Олег, там люди просто работают, только уезжать нельзя. Но лучше, конечно, условно. Ты представишь, каково Виталику будет, если отец в тюрьме? Это же пятно на нем! А выйдешь – где будешь работать? Мы же почти на квартиру Виталику скопили, правда, придется платить сейчас много – адвокату и другим, но мы это восполним. Если работать. А если тюрьма, то все крахом пропадет, Олег, понимаешь? Тебе могут инкриминировать просто убийство, а так будет убийство по неосторожности или превышение меры самообороны, огромная разница!

НИКОЛАЕВ. Я уже следователю сказал, что он не нападал. Что... Ну, что так вышло.

ТАТЬЯНА. Адвокат говорит: ты в состоянии ступора, у тебя чувство вины, поэтому ты сам не понимаешь, что говоришь. Изменить показания никогда не поздно. Он говорит: у тебя временная потеря памяти, ты же все-таки выпивал, а теперь все вспомнил. И дашь показания заново: что он нападал и что ты защищался. Обычная практика.

НИКОЛАЕВ. Не знаю...

ТАТЬЯНА. Олег, я же даже сама вижу, у тебя до сих пор ступор полный. Ты хоть понимаешь, что я говорю?

НИКОЛАЕВ. Понимаю. Как ты съездила?

ТАТЬЯНА. Нормально съездила. Значит, ты понял, да? Говоришь, что самозащита.

НИКОЛАЕВ. Попробую. А чего это ты так?

ТАТЬЯНА. Как?

НИКОЛАЕВ. Заботишься. Уезжала, сказала: надоел.

ТАТЬЯНА. Мало что я сказала. Любой человек иногда устает от другого человека.

НИКОЛАЕВ. Это правда. Кстати, это правда. Я тоже устал. От себя. И убил. От усталости. Вот это точная версия.

ТАТЬЯНА. Ты заговариваешься, Олег. Это тоже хорошо. Адвокат будет требовать судебно-психиатрическую экспертизу.

НИКОЛАЕВ. Следователь уже назначил.

ТАТЬЯНА. Отлично. Вот и скажи психиатру, что ты устал. Это звучит странно. Дополнительно к самозащите будет еще заключение, что ты странный. Это плюс, понимаешь?

НИКОЛАЕВ. Я нормальный.

ТАТЬЯНА. Вот когда дома окажешься, будешь нормальным, а тут нельзя! Кормят здесь как? Плохо?

НИКОЛАЕВ. Не ресторан. Но есть можно.

ТАТЬЯНА. Да я уже вижу, ты за три дня похудел весь. Или от нервов? Переживаешь, да?

НИКОЛАЕВ. Кстати, это тоже вопрос. (*Почему-то оглядывается, шепотом.*) Таня, я не переживаю. Будто не человека убил, а... Таракана или мышь. Да нет, мышь и то жалко, помнишь, у нас мыши завелись, я поставил мышеловку, мышонок попался маленький, ему только хвост прищемило. Ты сказала в унитаз его спустить, а я пожалел, потихоньку в подъезд вынес. Мне жалко его было. А человека почему-то нет. Я вообще не чувствую, что убил. До меня не доходит.

ТАТЬЯНА. А ты что хотел? Это шок, все правильно. Только следователю этого не говори. Адвокат говорит: обязательно раскаяние.

НИКОЛАЕВ. Нет раскаяния, Таня. Это ведь страшно, что нет, да?

ТАТЬЯНА. Есть, нет, это твое личное дело. Сейчас показания правильные нужны, а что ты там думаешь, это потом.

НИКОЛАЕВ. А ты разве не хочешь узнать, почему я убил?

ТАТЬЯНА. Мало ли спьяну...

НИКОЛАЕВ. Да не был я пьяным.

ТАТЬЯНА. Ну, почему?

НИКОЛАЕВ. Не знаю. И это главная загадка.

ТАТЬЯНА. Олег, ты нарочно издеваешься? Я не сплю, я деньги собираю, неизвестно, сколько еще платить придется, я тебе все объяснила, как адвокат объяснил, а ты – не знаю! (*Смотрит на часы.*) Я с Виталиком пришла, нам на двоих время дали. Ты всё меня понял?

НИКОЛАЕВ. Да.

ТАТЬЯНА. Тогда я Виталика на пять минут впушу. (*Встает, гладит Николаева по голове.*) Господи, какой же ты...

Идет к двери.

НИКОЛАЕВ. Таня!

ТАТЬЯНА. Чего?

НИКОЛАЕВ. Еще погладь. Ты никогда не гладила.

Татьяна подходит, гладит. Для нее это непривычно.

НИКОЛАЕВ. Ладно, иди, зови Виталика.

Татьяна выходит, входит Виталий.

ВИТАЛИЙ. Привет. (*Садится на стул напротив отца.*) Как ты?

НИКОЛАЕВ. Нормально.

Длинная пауза.

НИКОЛАЕВ. Как учеба?

ВИТАЛИЙ. Понемногу.

НИКОЛАЕВ. Ты все с Ниной дружишь?

ВИТАЛИЙ. С Никой.

НИКОЛАЕВ. Да, извини.

ВИТАЛИЙ. Дружим.

НИКОЛАЕВ. Наверно, удивляешься, что отец такую штуку сотворил?

ВИТАЛИЙ. В жизни все бывает.

НИКОЛАЕВ. Не удивляешься?

ВИТАЛИЙ. Ты же не нарочно.

НИКОЛАЕВ. А если нарочно?

ВИТАЛИЙ. Значит, за дело.

НИКОЛАЕВ. А если не за дело?

ВИТАЛИЙ. Ты маньяк, что ли?

НИКОЛАЕВ. Нет. Я читал: маньяки получают удовольствие от убийства. А я убил – и никакого удовольствия. Ничего вообще. Странно, да?

ВИТАЛИЙ. Почему? Чужой человек. Если бы кто-то свой. Ну, или знакомый. Это как в кино. Ну, боевик. Там, допустим, главный герой и так, мелочь. Мелочь убивают пачками – и не жалко. А главного убьют – переживаешь. Потому что ты его уже как бы знаешь. Он свой как бы.

НИКОЛАЕВ. То есть ты меня не осуждаешь?

ВИТАЛИЙ. Ты же не убийца.

НИКОЛАЕВ. А если убийца? Если всю жизнь хотел кого-то убить, но терпел. И вот не вытерпел и убил.

ВИТАЛИЙ. Прикалываешься?

Входит Тюремщик.

ТЮРЕМЩИК. Заканчиваем, свидание кончилось!

ВИТАЛИЙ (*встает*). Ты держись.

НИКОЛАЕВ. За что?

ВИТАЛИЙ. В смысле?

НИКОЛАЕВ. За что держаться, сынок? Скажи, пожалуйста, ты меня любил когда-нибудь? Уважал?

ВИТАЛИЙ. Само собой.

ТЮРЕМЩИК. Выходим!

НИКОЛАЕВ. Ладно, иди. (*Встает, пожимает руку Виталию, хлопает его по плечу.*) Давай я тебя обниму. Смешно, я тебя никогда не обнимал. Даже маленького. Стеснялся почему-то.

*Неловкое объятие. Виталий выходит.
Затемнение.*

Квартира Лыткиной. Грязь, хлам. На кровати полулежит сожигатель Лыткиной Василий. С Лыткиной пришел побеседовать адвокат Земцов.

ЛЫТКИНА (*агрессивно плачет*). Это что же делается уже? Среди бела дня человека! Это же какой был человек! Он был же человек же! Всем для людей всегда старался! Двоих детей воспитал, как они теперь будут без него?

ЗЕМЦОВ. Дети в детдоме, насколько я знаю.

ЛЫТКИНА. А вы меня на слове не ловите, товарищ следователь!

ВАСИЛИЙ. Вот именно!

ЗЕМЦОВ. А вы кто?

ЛЫТКИНА. Он родственник. Временно проживает.

ЗЕМЦОВ. Я не следователь, я адвокат.

ЛЫТКИНА. Тем более! Должны знать закон, что власть не имеет права! Детей материнства лишили ни за что, это как называется? Были ухоженные, накормленные, все у них было, а они их взяли и увезли! Анжелочке пять лет всего, они ее от матери отучат, она меня знать не будет!

ЗЕМЦОВ. Шесть.

ЛЫТКИНА. Чего?

ЗЕМЦОВ. Ей на прошлой неделе шесть лет исполнилось.

ЛЫТКИНА. Вы чего пришли? В глаза мне детьми тыкать? Натыкали уже, все глаза мне протыкали! А если я сама сирота и мать с отцом схоронила в раннем возрасте? Если мне власть на работе не платит ничего, в смысле швейная наша фабрика, чтоб она сгорела!

ЗЕМЦОВ. Вы уже три года не работаете.

ЛЫТКИНА. Так а на хрена работать, если не платят? Я и дома тогда посижу, дома мне тоже не платят, но я хоть дома. Хозяйство могу вести, детей собиралась воспитать, а они взяли и отобрали.

ЗЕМЦОВ. Давайте по делу. Вас должны вызвать для дачи показаний по поводу смерти мужа...

ЛЫТКИНА. Пусть вызывают! Я на них в суд подам на компенсацию за то, что кормильца нет в семье!

ЗЕМЦОВ. Вам нужны деньги?

ВАСИЛИЙ. А вам нет?

ЗЕМЦОВ. Анна Романовна, никто вам компенсацию выплачивать не будет. Муж ваш кормильцем не был, около года назад вы его выгнали, он скитался по подвалам и помойкам.

ЛЫТКИНА. Ничего не значит! Один человек и на помойке человек, а другой и в театре свинья!

ЗЕМЦОВ. Выслушайте, пожалуйста. Повторяю, никто вам никакой компенсации не выдаст. Если только я.

ЛЫТКИНА. Это за что?

ЗЕМЦОВ. За то, чтобы вы сказали правду. Правда ведь простая: муж был бродяга, бездельник. Только это и скажите. И получите двадцать тысяч рублей.

ЛЫТКИНА. Когда?

ЗЕМЦОВ. Половину сейчас, половину после суда.

ВАСИЛИЙ. Не пойдет!

ЛЫТКИНА. А ты не вмешивайся! *(Земцову.)* Не пойдет! Все сразу!

ЗЕМЦОВ. Нет. Половину сейчас, половину после. *(Достаёт бумажник, отсчитывает десять тысяч.)* Вот. Берете?

ВАСИЛИЙ. Надо брать, Аня. А то вообще ничего не дадут.

ЛЫТКИНА. Ну да, а если он обманет и потом ничего не даст?

ЗЕМЦОВ. Я тоже рискую, даю вам деньги без расписки.

ЛЫТКИНА. Могу написать!

ЗЕМЦОВ. Не надо. Берете или нет?

ЛЫТКИНА. Между прочим, он меня бил. Каждый божий день. Оскорблял и бил каждый день, за это я его и выгнала. Нехорошо про покойника, но гад он был, если честно! Про это сказать, когда вызовут?

ЗЕМЦОВ. Обязательно. Говорите всю правду. Но про деньги не надо.

ЛЫТКИНА. Я что, не понимаю? Ясное дело, женщина не хочет, чтобы муж в тюрьму сел, я бы тоже любые деньги отдала. Муж все-таки, не кто-нибудь.

ЗЕМЦОВ. Итак, он вас бил, скандалил, отличался неуравновешенным характером. Мог схватиться даже за нож. Ведь хватался?

ЛЫТКИНА. Хватался. *(Василию.)* Чего скалишься, правду говорю: хватался! Один раз по всей квартире за мной бегал, хорошо – пьяный был, устал и упал. А то бы тоже убил.

ЗЕМЦОВ. Обязательно про это расскажите.

ЛЫТКИНА. Как его раньше не прибили, дурака? Даже удивительно! Да я бы его сама своими руками! Так и скажу! *(Обращаясь в сторону.)* Признаюсь, граждане судьи, своими руками хотела его задушить! Таким людям не место на нашей земле! Испортил мне детей, всю он мне жизнь испортил! *(В истерике.)* Каждый день пил мою кровь! Алкоголичку из меня сделал! Душу мне изуродовал! Судите его на двадцать лет пожизненно, граждане судьи, а я бы вообще расстрел прилюдно! За меня! За моих детей! За нашу родину! *(Рвет кофту на груди.)*

ЗЕМЦОВ. Ну-ну, не увлекайтесь. И запомните: если скажете все правильно, то есть всю правду, получите дополнительно даже не десять тысяч, а пятнадцать.

ВАСИЛИЙ. Ни фига себе!

ЛЫТКИНА. А чего ты фигакаешься? Правда денег стоит, между прочим! Если за вранье платят, то почему за правду не заплатить? Правильно?

ЗЕМЦОВ. Правильно. Всего доброго.

Он уходит.

ЛЫТКИНА (*прячет деньги за пазуху*). Вот только подойди.

ВАСИЛИЙ. Ты сходила бы.

ЛЫТКИНА. Не плачь, схожу. Эх, шампанского, что ли, взять?

ВАСИЛИЙ. Не Новый год, обойдешься. Чего деньги зря швырять?

ЛЫТКИНА. Мои деньги, что хочу, то и делаю! Я, как женщина, имею право на шампанское! Или я не женщина?

ВАСИЛИЙ. Иди быстреей, горит все!

ЛЫТКИНА. Загорелось! Весь день терпел, и еще потерпишь.

ВАСИЛИЙ. Я терпел, потому что ждать нечего было. А сейчас не могу. Умираю, Аня, правда.

ЛЫТКИНА. До меня не умри! Не хватало мне еще одного мертвеца!

Николаев и психиатр Кириллов.

КИРИЛЛОВ. Приступов необоснованной агрессии не было?

НИКОЛАЕВ. Нет.

КИРИЛЛОВ. А в детстве? Неадекватная реакция на чужие поступки? Ну, например, у вас тетрадку в школе схватили, а вы сразу кулаком по лицу? Не бывало такого?

НИКОЛАЕВ. Никогда. Я вообще спокойный. Мама рассказывала, я с рождения такой был. Старшая сестра все время кричала и плакала, а я лежал молча. Целыми днями меня не было слышно.

КИРИЛЛОВ. Мама жива?

НИКОЛАЕВ. И мама, и отец. Они далеко живут, на Алтае. А меня вот сюда занесло...

КИРИЛЛОВ. На работе конфликтов не возникает?

НИКОЛАЕВ. Нет. В семье тоже. Жена даже злится, говорит, что я каменный.

КИРИЛЛОВ. Это ничего не значит. Человек может казаться хоть каменным, хоть железным, а внутри у него эмоциональная буря. Тем не менее, Олег Валентинович, мое заключение о вас будет отрицательное. То есть: вы человек вполне вменяемый. Или вы другого ожидали?

НИКОЛАЕВ. Да нет. А вас не смущает, что я ни за что убил?

КИРИЛЛОВ. Ни за что – такого не бывает. Это вашему сознанию кажется, что ни за что, а подсознание все знает. К примеру, мы все склонны винить других. За свои неприятности, вообще за все. Даже за страну. Дела в стране плохо идут, но я не виноват, другие виноваты. С точки зрения социальной психологии ваш поступок вполне расшифровывается. Допустим, вы считаете, что жизнь была бы замечательной, если бы не было всякого балласта. Наркоманы, алкоголики, воры, проститутки, взяточники. Да мало ли. Ведь так?

НИКОЛАЕВ. Само собой, без них лучше было бы.

КИРИЛЛОВ. Вот вам и объяснение. Вы приличный человек, социально адаптированный, работаете, живете честно. Встречаете бомжа. Вы сами не отдаете себе отчета, но вы его уже ненавидите. Из-за него ваша жизнь хуже, чем могла быть. И вы ведете его домой – как врага. Чтобы рассмотреть поближе.

НИКОЛАЕВ. Зачем?

КИРИЛЛОВ. Любоваться отвратительными зрелищами – свойство человека. Он ведь был грязный, вонючий, ведь так?

НИКОЛАЕВ. Вонял, это точно.

КИРИЛЛОВ. И вы даже наслаждались этой вонью, ведь правда?

НИКОЛАЕВ. Кстати, да. Это я помню. Точно. Он воняет, а мне как-то... Почти даже приятно. Это вы близко говорите.

КИРИЛЛОВ. Профессия такая – понимать побуждения людей. И вот вы наслаждаетесь общением с этим отвратительным человекоподобным существом, а потом постепенно в вас поднимается внутренняя злость. Вы вспоминаете, что он враг, он мешает обществу, то есть и вам. И вы безотчетно набрасываетесь на него и убиваете. Ваше подсознание говорит вам, что вы совершаете даже благородный поступок – избавляете землю от мусора.

НИКОЛАЕВ. Надо же... Сроду бы не подумал.

КИРИЛЛОВ (*все больше увлекается*). Есть еще более интересная версия. В психиатрии существует такая тема: убийство как самоубийство. То есть, если по этой версии, вы увидели не врага, а наоборот, самого себя.

НИКОЛАЕВ. Это вы слишком. Он бомж, а я все-таки...

КИРИЛЛОВ. Не торопитесь! Ответьте честно, вы любите свою работу?

НИКОЛАЕВ. Да так... Работа, как работа. Где-то же надо работать. Платят более или менее.

КИРИЛЛОВ. Работу вы не любите, Олег Валентинович. А жену? Сына?

НИКОЛАЕВ. Сына люблю. Он меня не очень почему-то. Не то что не любит, а как-то... Не замечает, что ли. Сроду с ним по душам не поговорить.

КИРИЛЛОВ. А вы пытались? Вряд ли. К жене, как я понял, вы равнодушны. Если честно?

НИКОЛАЕВ. Почему? Я ее ценю. А сейчас тем более. Она старается для меня.

КИРИЛЛОВ. Это сейчас. А до этого?

НИКОЛАЕВ. Не знаю. Конечно, такой любви, как когда-то...

КИРИЛЛОВ. Никакой! Это я вам говорю. И ваше подсознание говорит, но вы его не слышите. Что имеем? Вы не любите работу, жену, сына...

НИКОЛАЕВ. Сына я...

КИРИЛЛОВ. Дослушайте! Вы вообще мало что любите, ведь так?

НИКОЛАЕВ. Нет, почему? Я... С машиной люблю повозиться иногда.

КИРИЛЛОВ. Вы ничего не любите! А то, чего не любите, это существует условно, а проще говоря – практически не существует. У бомжа ничего нет, ни работы, ни денег, ни семьи, ни детей. То есть он все бросил. Но и у вас на самом деле ничего нет, потому что вы этого не цените. Вы на самом деле такой же бомж. Он живет в подвале, да, питается из мусорных баков, но и вам своя квартира кажется подвалом, а еда такой же невкусной и гнилой, как в мусорных баках. Так?

НИКОЛАЕВ. А если она такая на самом деле? И квартира у нас – две комнатки и кухня пять с половиной метров, хуже подвала.

КИРИЛЛОВ. О том и речь! Вам все опостылело, надоело, вы неинтересны сами себе, у вас зреет мысль о самоубийстве!

НИКОЛАЕВ. Откуда вы знаете?

КИРИЛЛОВ. Что, попал? Попал?

НИКОЛАЕВ. Да нет. Но был момент, один раз. Вышел на балкон покурить, стою и вдруг думаю: а если прыгнуть? Двенадцатый этаж, между прочим. Я так испугался, что даже ушел. Но это было всего один раз. Потом сто раз выходил на балкон – ничего, никаких мыслей.

КИРИЛЛОВ. Неважно! Один раз подсознание пробилось наверх – уже показательно! Мысль о самоубийстве живет в вас. Вы ее боитесь. Но вот перед вами такой же, как вы, человек. Вы убиваете его. Вам кажется – ни за что. На самом деле вы убиваете как бы себя. Убив его, вы лишаетесь назойливого желания убить себя. Вы попадаете в ситуацию, когда, наоборот, вынуждены бороться за свою жизнь! Вы даже чувствуете себя лучше в заключении, чем дома, ведь так? В моральном смысле.

НИКОЛАЕВ. Вы очень умный человек.

КИРИЛЛОВ. Это профессиональное.

НИКОЛАЕВ. Вы мне сразу две версии предложили. Что он врагом оказался – тут правда есть. И что я его – как себя. В этом тоже что-то есть. Надо обдумать.

КИРИЛЛОВ. Вот и думайте, а я пока заключение напишу.

Он пишет, Николаев смотрит на него. Кириллов поднимает голову.

КИРИЛЛОВ. Только не придумывайте лишнего. А то вы сейчас убедите себя, что вам и меня убить хочется. Подумали об этом?

НИКОЛАЕВ. Если честно – да.

КИРИЛЛОВ. Это с вами подсознание забавляется. Вы не убийца, Олег Валентинович.

НИКОЛАЕВ (*вытирает пот со лба*). Да... Нет. То есть, да, конечно...

Квартира Гуляевых. Гуляева собирает вещи в сумку на колесиках. Прислушивается. Торопливо застегивает сумку на молнию, катит к шкафу, открывает дверцу, запикивает сумку, она не влезает. Входит Гуляев, наблюдает за действиями жены.

ГУЛЯЕВ. Что это ты делаешь?

ГУЛЯЕВА. О, господи, напугал!.. Да так, вещи перебирала. Летние уже не понадобятся, вот я их... Чтобы места не занимали. Да что ты, не лезет..

Гуляев подходит, сумка вываливается из шкафа. Гуляева отходит в сторону.

ГУЛЯЕВА. Чего ты?

Гуляев расстегивает молнию.

ГУЛЯЕВ (*достает шерстяную кофту*). Это летняя?

ГУЛЯЕВА. Да я ее не ношу уже. Надо вообще выкинуть.

ГУЛЯЕВ (*достает шерстяные носки*). И это летнее?

ГУЛЯЕВА. По ошибке засунула.

ГУЛЯЕВ (*достает чашку, упаковку чая, печенье, копченую колбасу, другие вещи и продукты*). Колбаса у нас тоже летняя? И почему моих вещей нет? Куда собралась, Раиса?

ГУЛЯЕВА. Сестра позвонила, просит приехать. Давно не виделись, скучает. Сам знаешь, одна тоже живет.

ГУЛЯЕВ. А почему прямо не сказать?

ГУЛЯЕВА. Я хотела. Ты меня напугал, я растерялась.

ГУЛЯЕВ. Я все понял, Раиса. Я все понял.

ГУЛЯЕВА. Что ты понял?

ГУЛЯЕВ. Все. Хочешь меня одного оставить? Следовательно спросит: где жена? Сбежала! Ну, тогда, Виктор Павлович, берем вас в залог!

ГУЛЯЕВА. Не придумывай.

ГУЛЯЕВ. Предательница ты. Бросаешь меня в такой момент.

ГУЛЯЕВА. Да я на два дня всего!

Гуляев долго смотрит на нее.

ГУЛЯЕВА. Витя, не смотри так. У меня и так сердце уже почти не бьется, а только трепыхается. Боюсь я.

ГУЛЯЕВ. Чего?

ГУЛЯЕВА. Не знаю. (*Негромко.*) Тебя.

ГУЛЯЕВ. Не слышу!

ГУЛЯЕВА. Тебя боюсь, Витя. Я понимаю, что это дурь, чего мне тебя боятся, мы с тобой сколько уже живем, я от тебя плохого слова не слышала, ты добрый человек вообще. Это психоз какой-то, Витя. Дай я съезжу – и отдохну. А?

ГУЛЯЕВ. А чего ты боишься?

ГУЛЯЕВА. Даже говорить не хочу. Сама не знаю.

ГУЛЯЕВ. Ты боишься, что я тебя убью?

ГУЛЯЕВА. Нет! Я же говорю – сама не знаю.

ГУЛЯЕВ. То есть ты не веришь, что я тебя убить могу? Считаешь, что мне не хватит мужества? Вроде того – размазня? Ты ведь всю жизнь считала меня размазней. Почему же ты размазню боишься? Значит, ты врала? Считаала размазней, а на самом деле уважала? Только признаться не хотела, да? Действительно, еще чего, мужу сказать, что уважаю! Обойдется! А теперь вот – уважай. И бойся. Я тебя не трону, но ты все равно бойся. На всякий случай.

ГУЛЯЕВА. Зачем ты меня мучаешь? За что?

ГУЛЯЕВ. А ты за что меня мучила всю жизнь?

ГУЛЯЕВА. Чем я тебя мучила?

ГУЛЯЕВ. Сама знаешь! Мы обедать будем или нет?

ГУЛЯЕВА. Конечно, у меня все готово.

Идет по направлению к кухне. Останавливается.

ГУЛЯЕВА. Витя, ты иди, а я за тобой.

ГУЛЯЕВ. Совсем рехнулась? Боишься, что сзади нападу?

ГУЛЯЕВА. Боюсь.

ГУЛЯЕВ. Пусти тебя сзади, ты сама нападешь.

ГУЛЯЕВА. У меня нет ничего.

ГУЛЯЕВ. Долго, что ли? Утюг вон схватила – и все.

ГУЛЯЕВА. Я уберу утюг. Убрать?

ГУЛЯЕВ. Не трогай! Вместе пойдем.

Идут в кухню плечом к плечу.

Николаев и Журов.

ЖУРОВ. Ну что, не вышло под психа закосить?

НИКОЛАЕВ. Я ваш жаргон не понимаю.

ЖУРОВ. О, как заговорил! Ну, расскажите теперь, как что было. Без всяких этих «не знаю, не понимаю!» Все вы знаете и понимаете.

НИКОЛАЕВ (*довольно монотонно, но по мере рассказа оживляясь*). Я познакомился с этим человеком в магазине. Он попросил добавить денег, сказал, что не хватает на водку. Потом сказал, что его выгнали из дома, что он замерз и голодный. Я его пожалел. Привел, выпили, он начал говорить всякие вещи. Оскорблял. Я сказал, что выгоню его за такое поведение. А он начал угрожать. Ну, знаете, как у нас бывает: посади свинью за стол, она и ноги на стол. Я вежливо терпел. И тут он бросился на меня. Начал душить. Я уже задыхался. И оттолкнул его. А он ударился и упал. Я сразу полицию вызвал.

ЖУРОВ. Это единственная правда, что вы полицию вызвали. Все остальное – врете.

НИКОЛАЕВ. Ничего я не вру. У меня просто ступор был, поэтому... Я не понимаю, я говорил,

что не знаю, почему убил, вам не нравилось, теперь рассказал, как было. Вам опять не нравится.

ЖУРОВ. У вас Земцов адвокат?

НИКОЛАЕВ. Не знаю, я с ним не виделся.

ЖУРОВ. Зато с женой виделись. Это она вам рассказала, как все было?

НИКОЛАЕВ. Как она могла рассказать, если она не видела?

ЖУРОВ. Легко. Ей рассказал Земцов. Узнаю почерк – действует через других. А теперь, Олег Валентинович, давайте расскажем, как было на самом деле.

НИКОЛАЕВ. Мне больше нечего добавить.

ЖУРОВ. А я думаю, все было не так. Я вот когда-то в армии служил, служил на точке, нас было всего восемь человек. Лейтенант, сержант, остальные рядовые. Лейтенанта увозят с аппендицитом, он оставляет сержанта за себя. Ну, тот дембель уже, всех вот так вот держит, служба идет. И тут он ломает ногу. Как нарочно. И оставляет за себя такого Девяткина. Тихий такой был, самый незаметный. Но вы не представляете, он за три дня стал просто зверем. Рычал и рвал, по морде бил. Это я к чему? Вы – как тот Девяткин. Жена у вас командирша, я с ней беседовал, сразу понял. Она уехала, оставила вас, и вам тут же захотелось покомандовать. А кем? На работе вас никто особо не слушает, я там тоже побеседовал, там больше непосредственно на директора ориентируется, а вы так, мелкая сошка. Ловите мысль?

НИКОЛАЕВ. Пока нет.

ЖУРОВ. Я говорю же: покомандовать захотелось. А некем. Тогда вы затаскиваете больного алкоголизмом человека, безвольного, слабого. Начинаете над ним издеваться. Входите в раж. Убиваете. Логично?

НИКОЛАЕВ. Нет.

ЖУРОВ. Почему? Чем это хуже вашей версии?

НИКОЛАЕВ. У меня не версия, а правда.

ЖУРОВ. Чем докажете?

НИКОЛАЕВ. А вы чем докажете?

ЖУРОВ. Я-то докажу как раз, а вы-то вот нет. Ну?

НИКОЛАЕВ. Что?

ЖУРОВ. Рассказываем, как было на самом деле?

Долгая пауза.

НИКОЛАЕВ. Там была девушка.

ЖУРОВ. Еще и девушка была?

НИКОЛАЕВ. Нет. Не когда я... А потом. Она труп осматривала.

ЖУРОВ. Маша Дементьева, знаю, у меня протокол есть. И что?

НИКОЛАЕВ. Можно с ней встретиться?

ЖУРОВ. Зачем?

НИКОЛАЕВ. Я ей все расскажу.

ЖУРОВ. Почему ей, почему не мне?

НИКОЛАЕВ. Так можно или нет?

ЖУРОВ. Если она согласится.

НИКОЛАЕВ. А вы попросите, как следователь.

ЖУРОВ. Зачем? Я просто попрошу, по-дружески. Зачем, вот вопрос?

НИКОЛАЕВ. Я ей все скажу.

ЖУРОВ. Только неофициально. А потом повторите мне под запись. Потому что я следствие веду, а не она. Хорошо?

Затемнение.

Квартира Николаева. Адвокат Земцов общается с Татьяной.

ЗЕМЦОВ. Пока все идет, как надо.

ТАТЬЯНА. А почему вы с ним не встретились еще?

ЗЕМЦОВ. У меня свои методы. Я иду по спирали. (*Чертит рукой сужающиеся круги.*) Работа, семья, друзья и тому подобное, круг сужается, в итоге прихожу к обвиняемому во всеоружии. Я все о нем уже знаю. Мне остается объяснить ему, как вести себя на суде – и все.

ТАТЬЯНА. А со следователем почему не говорили?

ЗЕМЦОВ. Тут тоже спешить нельзя. Я сначала должен убедиться, что он зашел в тупик. Понимаете, да? Он в тупике, он понимает, что бонусов в служебном смысле он на этом деле не зарабатывает, дело не эффективное, ничего такого не придумаешь. Служебный интерес пропадает. Но остается личный.

ТАТЬЯНА. Деньги?

ЗЕМЦОВ. В том числе. Все зависит от размера. Дать мало – может обидеться, дать слишком много – может подумать, что дело все-таки серьезное, насторожится. В общем, буду смотреть по обстоятельствам.

ТАТЬЯНА. Я и так кучу денег раздала. Вам в том числе.

ЗЕМЦОВ. Жалко денег – пусть сидит. Зачем он вам вообще? Вы женщина яркая, работа у вас интересная, людей за границу отправляете и сами, наверно, ездите?

ТАТЬЯНА. Да, раз по пять в год. Осматриваю отели, договариваюсь с местными операторами.

ЗЕМЦОВ. В этот раз тоже за границей были?

ТАТЬЯНА. У матери в Пензе, я вам говорила уже, у вас что с памятью?

ЗЕМЦОВ. Гневаться изволите? Забыл, бывает. И получаете намного больше мужа?

ТАТЬЯНА. Не понимаю. Вы адвокат, а советуете что-то несурзатное вообще. Будто он не ваш подзащитный.

ЗЕМЦОВ. Я не советую, Таня, я просто интересуюсь, почему такой героизм?

ТАТЬЯНА. Странный вопрос. Он мне муж. Что сын скажет, если я для отца все, что могу, не сделаю?

ЗЕМЦОВ. А, да, сын. Сын, да. Тогда понятно. К тому же, пятно на вашей репутации. Муж в тюрьме – нехорошо звучит.

ТАТЬЯНА. Вы знаете что, вы, пожалуйста, в личные мои дела не вмешивайтесь. Я вас наняла по конкретному делу, вы по нему и работайте.

ЗЕМЦОВ. Мне нравятся такие приказные женщины. Волевые. С ними интересно. С вами интересно. Наверно, если разозлитесь, можете и накричать на мужчину?

ТАТЬЯНА. На всех могу, при чем тут на мужчину? И что?

ЗЕМЦОВ. И ударить, наверно, можете? Били когда-нибудь мужчин?

ТАТЬЯНА. Случалось. Один раз пьяный пристал, пришлось ему врезать, другой раз в Египте официант гадость сказал по-арабски про меня, а я арабский знаю. Ну, встала, как дам ему пощечину. Его уволили в тот же день.

ЗЕМЦОВ. Красиво. Есть в этом что-то сексуальное, когда красивая женщина бьет мужчину.

ТАТЬЯНА. Вы что, мазохист, что ли? Ищете, чтобы кто-то подоминировал?

ЗЕМЦОВ. С чего вы взяли? А вас эта тема не интересует?

ТАТЬЯНА. Мне мужа хватает. И учтите, я ваши выплаты все могу проверить. Так что, если вы его жене, в смысле, жене покойного, дали десять тысяч, а мне сказали двадцать, я узнаю.

ЗЕМЦОВ. За кого вы меня принимаете?! ... Так. Давайте определимся, чего мы все-таки точно хотим? Минимальный срок? Условный?

ТАТЬЯНА. А вообще без срока нельзя?

ЗЕМЦОВ. Это очень дорого.

ТАТЬЯНА. Ну, тогда условный, наверно. Человек защищался, убил для спасения своей жизни, в этом ничего такого нет.

ЗЕМЦОВ. Конечно. Вы бы сами для спасения любого мужчину убили бы. Да?

ТАТЬЯНА. Вы опять за свое?

ЗЕМЦОВ. Кстати, я все выясню насчет тупика, это я про следователя, но встречаться с ним будете, конечно, вы.

ТАТЬЯНА. Я вам плачу, и я же... А, ну да, вы все-таки адвокат.

ЗЕМЦОВ. Вот именно. Мне нельзя.

Затемнение.

Комната для свиданий. Николаев сидит за столом в наручниках. Входит Маша. Тюремщик, впустивший ее, стоит в двери. Маша садится. Молчание.

МАША. Идите, все нормально.

ТЮРЕМЩИК. Если что, позовете.

Он выходит. И опять молчание.

МАША. Между прочим, я сейчас не на службе, у меня личное время.

НИКОЛАЕВ. Здравствуйте, Маша.

МАША. Здравствуйте. Что вы хотели мне сказать?

НИКОЛАЕВ. Да. Я много думал, как вам сказать, чтобы коротко. Потому что я могу целый день говорить, но... Понимаете... Я тогда, когда вы осматривали, а я сидел, я на вас смотрел и поразился, до чего вы красивая.

МАША. Это я уже слышала.

НИКОЛАЕВ. Нет, я видел, конечно, красивых женщин, но я никогда никем так... Не любовался. Я даже удивился. И потом думал, думал. И понял, что я вас в этот момент полюбил.

МАША. Бывает.

НИКОЛАЕВ. Не верите?

МАША. Верю.

НИКОЛАЕВ. То есть что получается? Получается, я убил этого человека для того, чтобы вас увидеть?

МАША. Но вы же не знали, что я приду.

НИКОЛАЕВ. Я не знал, судьба знала. Я, знаете, в бога не верю. Я вообще ни во что не верю. А в судьбу теперь верю. И в вас верю. Иногда такие мысли бывают... Работаешь, работаешь, а потом вдруг: а зачем мне эта работа? Или живешь в семье. Живешь, все нормально. И вдруг: а зачем мне эта семья? Мне и без нее хорошо. Вернее, и без нее плохо. Вернее, как-то... Никак. Пусто. То есть это все, работа, семья, оно есть, но как-то так условно. А вы – точно есть. Навсегда. У нас в камере восемнадцать человек, теснота, люди сидят по разным делам... Разные люди. Злые есть. Идиоты. Несчастные. Уголовники. Всякие. А мне все равно. Я закрываю глаза и вижу вас. Вы сияете, как икона. И я вас люблю.

МАША. Только не надо мне эти тюремные похабности рассказывать. Очень мне приятно иконой для вас в камере быть!

НИКОЛАЕВ. Зачем вы так? Я об этом даже не думаю. Физическая сторона вопроса меня не интересует, я же говорю: мне хватает просто вас мысленно видеть. Это теперь моя жизнь. Мне теперь ничего не страшно. Вы мой бог, Маша.

МАША. Богиня уж тогда.

НИКОЛАЕВ. Неважно. И даже хорошо, что я тут. На свободе я бы мечтал, но не решился, а тут, видите, решился. То есть – сказать вам все. Хотя бы.

МАША. Зачем?

НИКОЛАЕВ. Чтобы вы знали.

МАША. Ну, знаю. Дальше? Что вы сказать-то хотели?

НИКОЛАЕВ. Я сказал.

МАША. А про убийство? Журов сказал, что вы мне почему-то про убийство хотите что-то сказать.

НИКОЛАЕВ. Я уже сказал. Или нет?

МАША. Еще нет.

НИКОЛАЕВ. Я сам не мог понять, зачем. Теперь понимаю. Не может же быть, чтобы просто так, я же не зверь, не животное. Я однажды видел по телевизору документальные кадры: женщина снималась на память в цирке рядом с медведем. Ну, все снимаются, и она. Медведь на цепи, рядом дрессировщик. Она села рядом, улыбается, даже прижалась к нему. А он вдруг повернулся и лапой ее. Просто так. Что-то ему не понравилось. Лапой – и голову набок. Насмерть сразу. Не может же быть, чтобы я тоже так. То есть субъективно так, а объективно – нет. Смысл в том, что он был страшно некрасивый. Я его убил, некрасоты стало меньше. А вы остались. Красоты стало больше. Потому что некрасоты стало меньше, понимаете? Баланс в пользу красоты. Один-ноль.

МАША. Чего вы мне пургу гоните? Вы же следователю сказали, что вы в порядке самозащиты его убили. А мне тут навели тумана какого-то. Сами-то понимаете, что говорите?

НИКОЛАЕВ (*холодно, почти неприязненно*). Я-то понимаю. А вы-то, я вижу, нет. Ладно. Не буду отнимать ваше личное время. Идите домой, к мужу и ребенку.

МАША. Опа! То весь соплями тут растекался, то грубить начинаете. Хамить, я бы сказала.

НИКОЛАЕВ. Я не растекался. Я говорил не с вами, а с вашей красотой. К которой вы не имеете никакого отношения.

МАША. Еще интереснее! Я что, сама по себе, а внешность сама по себе?

НИКОЛАЕВ. Именно так. Передайте следователю, что я убил в порядке самозащиты. Других версий не будет.

Затемнение.

Высвечивается край сцены. Встречаются Маша и Журов.

ЖУРОВ. Ну?

МАША. По-моему, он просто с ума сходит. Ничего нового мне сказал.

ЖУРОВ. А зачем просил о встрече?

МАША. В любви признался.

ЖУРОВ. Не понял.

МАША. Я сама не поняла. Я считаю, придумывать нечего. Бытовое убийство на почве пьянства, вот и все.

ЖУРОВ. Скучно. А ты что вечером делаешь?

МАША. Занимаюсь сексом. С мужем.

ЖУРОВ. Не надоело еще?

МАША. Надоест – скажу.

ЖУРОВ. Буду ждать.

Квартира Гуляевых. Гуляев говорит по телефону.

ГУЛЯЕВ. Я говорю, когда нас вызовут? Нет, но сколько времени уже прошло! Я ни поехать не могу никуда, ничего. Возьму и уеду, с меня даже подписки не взяли о невыезде. А когда? С кем я говорю вообще, у вас фамилия есть? Для фиксации, что я звонил и с вами говорил! Это что, государственная тайна? (*Записывает.*)

В комнату входит Гуляева, Гуляев резко оборачивается, следит за нею взглядом.

ГУЛЯЕВ (*в трубку*). До свидания, буду еще звонить. (*Кладет трубку.*)

Гуляева садится на диван, берет пульт, включает телевизор. Гуляев идет к телевизору, вынимает вилку из розетки.

ГУЛЯЕВА. Уже телевизор нельзя посмотреть?

ГУЛЯЕВ. Смотри на кухне.

ГУЛЯЕВА. Там маленький, я не вижу ничего.

Гуляев идет к кухне.

ГУЛЯЕВА. Ты куда?

ГУЛЯЕВ. Тоже чаю хочу. Имею право? Телевизор не включай.

ГУЛЯЕВА. Но ты же там будешь все равно.

ГУЛЯЕВ. Я из-за телевизора ничего не слышу.

ГУЛЯЕВА. А чего тебе слышать?

ГУЛЯЕВ. Мало ли.

Скрывается в кухне. И тут же высовывается. Гуляева встает с дивана.

ГУЛЯЕВ. Куда собралась?

ГУЛЯЕВА. Сахара мало положила.

ГУЛЯЕВ. Сразу не могла положить? Ну, иди. А я потом.

Идет в комнату, оглябая Гуляеву, включает шнур телевизора в розетку. Садится на диван – с краю.

ГУЛЯЕВА. Мне нельзя смотреть, а тебе можно? (*Отпивает чай.*) Да нет, нормальный.

Садится на диван – подальше от Гуляева. Гуляев потянулся к ней, она дико кричит, роняет чашку, вскакивает.

ГУЛЯЕВ. Дура, я пульт взять!

Затемнение.

Квартира Лыткиной. Василий лежит все в той же позиции. Журов прохаживается по комнате (брезгует сесть). Лыткина сидит за столом. Рядом с нею на табуретке бутылка. Как только Журов отворачивается, она отхлебывает из бутылки. Василий подает ей знаки, означающие, что он тоже хочет. Лыткина показывает ему кукиш.

ЛЫТКИНА. И поэтому, товарищ следователь, если честно, то в убийстве моего мужа есть полная закономерность в силу его образа жизни, которого он выбрал в силу его алкоголизма и бешеного характера, в силу которого я его вынуждена была выгнать из дома, чтобы спасти детей, которые временно отсутствуют. Короче говоря, хотя мне больно это говорить... (*Неожиданно плачет. Долго сморкается, утирается клочком газеты, сминает клочок, бросает на пол.*) Он мне все-таки муж... Но что делать. Не надо на людей бросаться, правильно?

ЖУРОВ. Так я и думал. Сколько вам заплатили?

ЛЫТКИНА. Никто мне ничего не платил! Вот он свидетель. Это мой родственник.

ЖУРОВ. Документы есть у родственника?

ВАСИЛИЙ. Само собой. В куртке висят. Только я встать не могу, я болею.

ЖУРОВ. Как он может быть свидетелем того, чего не было, Анна Романовна?

ЛЫТКИНА. Не поняла?

ЖУРОВ. Вы говорите, он свидетель. Чего свидетель?

ЛЫТКИНА. Всего.

ЖУРОВ. Земцов к вам приходил?

ЛЫТКИНА. Это кто?

ЖУРОВ. Адвокат.

ЛЫТКИНА. Да мало ли кто приходил. Как человек жив был, никто не приходил, а как умер, сразу и пошли, и пошли!

ЖУРОВ. Кто?

ЛЫТКИНА. Да мало ли. Соседи – им интересно узнать, как человека убили. С работы бывшей. Он же, пока работал, его уважали все. Он же замечательный человек был. Если бы его не сократили, разве бы он до такой жизни дошел? Себе ничего не купит, а детям всегда конфеты несет. Мне колготки один раз купил, не мой размер, но все равно приятно.

ЖУРОВ. Значит, он был хороший и порядочный человек? Вы сами себе противоречите, Анна Романовна!

ЛЫТКИНА. Никому я не противоречу! Он когда хороший был? Лет десять назад! А то и вообще в детстве. А потом из него дерьмо полезло. Бил меня каждый день до смерти, вот, полюбуйтесь (*задирает кофту*), какие синяки.

ЖУРОВ (*брезливо глянув*). Синяки недавние. Он после смерти вас бил?

ЛЫТКИНА. Издеваетесь? Издеваетесь над чужим горем? (*Встает.*) А ну, пошел отсюда! Мне насрать, хоть ты следователь, хоть ты прокурор, а плевать мне в душу не имеешь права! Пошел отсюда, понял?

ЖУРОВ. С удовольствием уйду, а пока сядьте и слушайте. Неважно, что он некоторое время не жил с вами. Жена и муж поссорились, бывает. Но официально вы не в разводе, это раз. Потом, он раньше работал, значит, мог опять устроиться на работу. Следовательно, налицо потеря кормильца при двух малолетних детях, которые в детдоме – в том числе по этой причине. Или по другой?

ЛЫТКИНА. Там лишение родительских прав вообще-то...

ЖУРОВ. Естественно, поскольку нет доходов. А теперь главное: убийца обязан вам по решению суда выплачивать компенсацию вплоть до совершеннолетия младшего ребенка. Ежемесячно. Вы об этом знаете?

ЛЫТКИНА. Нет. А правда?

ЖУРОВ. Правда. То есть, у вас появится ежемесячный доход, на основании этого вы можете требовать восстановления прав материнства. И ваши дети будут при вас. Младшей сколько?

ЛЫТКИНА. Пять.

ВАСИЛИЙ. Шесть.

ЛЫТКИНА. Шесть, да, шесть недавно исполнилось.

ЖУРОВ. Ну вот, двенадцать лет будете получать ни за что пособие. Каждый месяц.

ЛЫТКИНА. И сколько?

ЖУРОВ. Достаточно, уж поверьте. Вы хотите вернуть детей?

ЛЫТКИНА. Вы еще спрашиваете! Я же каждый день о них... (*Плачет.*) Сердце рвется... Они же мои... Моя кровь! Я на все пойду, чтобы отдали!

ВАСИЛИЙ. Аванс бы хорошо.

ЛЫТКИНА (*вытирает слезы*). Тоже верно. А то вы сейчас обещаете, а как оно будет, неизвестно.

ЖУРОВ. Это не в моей компетенции. Но я вам твердо обещаю...

ЛЫТКИНА. Не надо! Мне всю жизнь обещают, никто ничего не делает! Не верю я вам! Вы меня хотите обмануть, чтобы я в вашу пользу на суде говорила!

ЖУРОВ. Я не обвинитель, я следователь, я к суду имею косвенное отношение.

ЛЫТКИНА. А как же вы обещаете за суд компенсацию, если косвенно? А? Думаете, если я выпила, я дура? Да я, когда выпью, в сто раз умней становлюсь! Я и пью поэтому – чтобы меня никто не обманул! Я, когда трезвая, наивная, а выпью – всех насквозь вижу! Компенсация, детей вернут! Фантастику развел тут мне! Все, разговор окончен!

ЖУРОВ. Анна Романовна...

ЛЫТКИНА. Я сказала!

Затемнение.

Музыка. В глубине сцены за ресторанным столиком сидят Татьяна и Журов. Татьяна что-то говорит, улыбается. Она обаятельна, всем видом показывает, что Журов ей симпатичен. Журов сначала суховат, но постепенно становится мягче, тоже улыбается. В ходе разговора пару раз дотрагивается до руки Татьяны. Так довольно долго. Затем Татьяна встает и уходит, оставив на столе конверт. Журов вскакивает, догоняет ее, возвращает конверт. Татьяна не хочет брать, Журов настаивает.

Затемнение.

В глубине сцены – постель. Журов лежит в постели, Татьяна одевается. Уходит, оставив все тот же конверт на прикроватной тумбочке. Журов берет конверт, достает деньги, медленно пересчитывает. Одну купюру рассматривает на свет.

Квартира Гуляевых. Они сидят по сторонам дивана, смотрят перед собой. Звонок в дверь. Гуляев вздрагивает, Гуляева берется за сердце. Гуляев идет открывать и возвращается с Мочаловым.

ГУЛЯЕВ. Наконец-то! На допрос поедем?

МОЧАЛОВ. Нет необходимости. Мне поручили сообщить, чтобы вы не беспокоились. А то смотрите зачем-то, людей напрягаете. А они работают.

ГУЛЯЕВ. Нас должны вызывать как свидетелей.

МОЧАЛОВ. Нет необходимости. Все уже выяснилось. Вам-то чего, вы ни при чем.

ГУЛЯЕВ. Как ни при чем? У меня почти на глазах человека убили – и я ни при чем! Я обязан! Как сосед, как гражданин, извините за выражение! Я настаиваю!

МОЧАЛОВ. Минутку. Вы что-нибудь видели? Слышали?

ГУЛЯЕВ. Видели и слышали! Скандалы постоянно. Он пил. Аморально себя вел. Раиса, подтверди!

ГУЛЯЕВА. Да. Подтверждаю.

МОЧАЛОВ. Я не об этом. Вы убийство видели?

ГУЛЯЕВ. Нет. Но...

МОЧАЛОВ. Все. Вопрос исчерпан.

ГУЛЯЕВ. Но вы же сами нас позвали, как свидетелей.

МОЧАЛОВ. Как понятых.

ГУЛЯЕВ. А потом сказали, что вызовут, как свидетелей.

МОЧАЛОВ. Я сказал, потому что думал, что вы что-то видели. А раз вы ничего не видели, то вы не свидетели. До свидания. И перестаньте звонить, пока мы не расценили это как мелкое хулиганство.

Мочалов идет к двери.

ГУЛЯЕВА. Пойдите! Я с вами!

Она торопливо идет к шкафу, вытаскивает сумку, идет к двери, оглядываясь на Гуляева. Неожиданно показывает ему язык.

ГУЛЯЕВА. Что, взял? Не достанешь теперь!

Она уходит вместе с Мочаловым. Гуляев стоит некоторое время, потом идет в кухню, возвращается со шваброй и начинает ею молотить по чему попало. Швабра ломается. Гуляев садится на пол и плачет.

Комната в изоляторе: стол, два стула, зарешеченное окно. Николаев сидит за столом, Земцов стоит, собирая в портфель бумаги.

ЗЕМЦОВ. В общем, если не будет сбоев, а их не должно быть, я очень надеюсь, что будет условный срок. У вас линия простая, свидетели все фактически на нашей стороне. То есть ваши родственники само собой, жена покойного тоже. А больше никого и нет. У вас прекрасные характеристики с работы, отзывы соседей замечательные, в общем... В общем, все просто. А с женой вам отдельно повезло, Олег Валентинович.

НИКОЛАЕВ. Наверно.

ЗЕМЦОВ. Не наверно, а точно. Она, как львица, за вас боролась. Вы это должны ценить.

НИКОЛАЕВ. Я ценю.

Открывается дверь, входит Журов. Земцов идет к двери.

ЖУРОВ. Закончили?

ЗЕМЦОВ. Да, все.

Они пожимают друг другу руки.

ЖУРОВ. Какая версия?

ЗЕМЦОВ. Не версия, а единственная трактовка. Обычная история: отнесешься к кому-то по-человечески, а он на тебя бросается. Мой подзащитный спасал свою жизнь.

ЖУРОВ. Четко работаешь, Земцов.

ЗЕМЦОВ. Стараюсь.

ЖУРОВ. Хорошо вам, адвокатам. Каждое выигранное дело прибавляет гонорарную ставку. Разве нет?

ЗЕМЦОВ. Ну, не так прямолинейно.

ЖУРОВ. А у нас вообще никак. Хорошо сработал, плохо сработал, никто не оценит. Никаких повышений ставок. Будь здоров.

ЗЕМЦОВ. До свидания.

Журов садится за стол, раскрывает папку, достает оттуда листы.

ЖУРОВ. Ознакомьтесь.

Николаев читает.

НИКОЛАЕВ. Значит, самозащита?

ЖУРОВ. У меня нет оснований вам не верить.

НИКОЛАЕВ. Раньше не верили.

ЖУРОВ. Профессия такая. Сначала не веришь, а потом... А потом или подтверждается, или нет.

НИКОЛАЕВ. И какие выводы?

ЖУРОВ. Выводы суд делает, я только материалы готовлю. Обвинитель изложит, суд выслушает, ну, обычная процедура.

НИКОЛАЕВ. Адвокат сказал – условный срок будет.

ЖУРОВ. Осторожничает. В идеале вообще – освободить в зале суда за отсутствием состава преступления.

НИКОЛАЕВ. Неужели это возможно?

ЖУРОВ. Реально, так скажем.

НИКОЛАЕВ. За убийство?

ЖУРОВ. Самооборона. Вы подписывайте. С моих слов записано верно, фамилия, имя, отчество, подпись. И число.

НИКОЛАЕВ (*читает.*) Я не так говорил.

ЖУРОВ. Дело в сути. Суть правильная?

НИКОЛАЕВ. Нет. Все было не так.

ЖУРОВ. Начинается! Вы больной, что ли, в самом деле? Не так! А как?

НИКОЛАЕВ. Не знаю. Мне тут много чего придумали. И я сам себе придумал. Мне как-то надо было объяснить... Вернее, понять... Ничего не получилось. Не объяснил, не понял. Зато теперь чувствую. До меня дошло.

ЖУРОВ. Что дошло?

НИКОЛАЕВ. Что убил человека. Сына своей матери, отца своих детей, мужа своей жены...

ЖУРОВ. Там такая жена...

НИКОЛАЕВ. Человека! Такого же, как я. Мне нельзя выходить. Там я опять запутаюсь. А здесь мне хорошо думается. Я еще не понял, но начинаю догадываться. Я начинаю догадываться, почему я его убил.

ЖУРОВ. И почему?

НИКОЛАЕВ. Ни почему. Знаете, как у детей бывает? Возьмет ребенок палку и шарах папу по голове. Зачем? Ни зачем. Просто пробует окружающее. Чтобы увидеть реакцию. Нет, это слишком примитивно, я же не ребенок.

ЖУРОВ. Вот именно.

НИКОЛАЕВ. Постойте, не мешайте, уже где-то здесь (*показывает на голову*), уже совсем близко... Примерно так: я убил для того, чтобы что-то почувствовать. Я уже давно ничего не чувствую. Понимаете? Я даже не пьянею. Я не алкоголик, но выпиваю часто. А толку нет, я не пьянею. Мне в прошлом месяце зарплату в два раза повысили. А мне все равно. Жена по любому больше зарабатывает. Но это неважно. Вы понимаете, как это страшно: убить, чтобы что-то почувствовать? Но я не почувствовал, вот в чем ужас! То есть сейчас начинаю, но как-то... Как-то еще туманно, что ли... В общем, мне лучше остаться здесь.

ЖУРОВ. Вам тут нравится?

НИКОЛАЕВ. Нет. Но это даже хорошо. Это лучше, чем никак. А потом, если отправят в настоящую тюрьму, будет еще хуже.

ЖУРОВ. Наверняка.

НИКОЛАЕВ. Это тоже хорошо. В общем, извините, я не буду этого подписывать.

ЖУРОВ. Слушайте, Олег Валентинович. Я уже много убийц повидал и должен вам сказать, между нами, конечно: есть люди, редко, но есть, есть такие люди, которые согласны быть убийцами, ворами, разбойниками, кем угодно, лишь бы их не считали... как бы это сказать. Ну, дураками, если грубо. Они чего только не придумают! И вы придумываете. Потому что вам очень не хочется признаться себе, что вы совершили глупость. Элементарную пьяную дурь. Или даже пусть не совсем пьяную. Но – дурь. Это вне протокола, естественно. На самом деле я это сразу понял. Все вы сочиняете, Олег Валентинович.

НИКОЛАЕВ. Мне жаль этого человека. Это я – не сочиняю!

ЖУРОВ. Верю. Еще бы не жаль, если по глупости убили. Жаль – и хорошо. Сходите в церковь, исповедуйтесь, свечку поставьте.

НИКОЛАЕВ. Я не верующий.

ЖУРОВ. Тогда просто свечку поставьте. Хуже не будет.

НИКОЛАЕВ. Хуже не будет, да. Но если вы правы, тогда совсем плохо. Нет. Нет, это слишком... Нет, вы не правы.

ЖУРОВ. Это лирика, а пока – подпишите. В конце концов, зачем вам еще одну глупость делать? Себе навредите – это ладно, этого вы даже хотите, как я понял. Но – жене зачем? Сыну? Маме с отцом? А?

Затемнение.

Квартира Николаева. Николаев, Виталий и Татьяна сидят за столом.

ТАТЬЯНА (*поднимает бокал.*) Ну что ж, мои дорогие. Мы много пережили, испытали... Особенно ты, Олег. Я представляю, как тебе...

НИКОЛАЕВ. Не надо. (*Сыну.*) А ты что скажешь?

ВИТАЛИЙ. Я рад, конечно. От всей души. Пьем?

НИКОЛАЕВ. Я не буду, извините. В горло не идет.

ТАТЬЯНА. И мы тогда не будем.

НИКОЛАЕВ. Почему? Выпейте.

Татьяна и Виталий пьют. Николаев смотрит.

НИКОЛАЕВ. Шампанское. Праздничный напиток.

ТАТЬЯНА. Так праздник же! Ты ешь, пожалуйста, на тебя глядеть страшно!

НИКОЛАЕВ. Сейчас. Я руки не вымыл.

Уходит. Его долго нет.

ВИТАЛИЙ. Mam, а он руки уже мыл, я видел.

ТАТЬЯНА. Зачем же он... О, господи!

Виталий встает, идет к ванной, стучит в дверь.

ВИТАЛИЙ. Отец! Отец, открой! Папа!

Затемнение.

Вячеслав ЛОПАТИН

Духовность материи – икона Часть I

Саратовская губерния XIX–XX веков

материалы реставрационных паспортов 1970–2011 годов

Памяти Н. В. Гавриловой
(Непогодьевой) – хранителя
икон Радищевского музея

На руках у населения Советского Союза сорок миллионов икон. Милицейское сообщение газеты семидесятых годов XX века.

Перед Олимпиадой 1980 года самый большой поток икон в Москву идёт из Саратовской области, не разорённой войной. По пресечению вывоза икон из области в Саратове работают восемь следователей. Мой разговор со следователем – чтобы не спугнуть? – без протокола. Музейный рабочий Сережа Иванов, будущий директор Православной школы, – его шкафчик обыскан без церемоний. Я, реставратор икон, чувствую себя живцом на крупную рыбу – до поры даже свидетелем не вызывают. Один из музейных активистов привлёк внимание своим увлечением иконами: «за чужого дядю» двенадцать лет отсидел – вернули ему «бумаги», среди прочего, письма Савелия Ямщикова, Померанцева, Лопатина.

От автора: Приношу свои извинения за повторы в тексте – некоторые факты читателю знакомы по предыдущим публикациям (уж никак не только моим, уж никак не только в журнале «Волга»), ссылки на них есть в тексте. Не повторяю – пишу одно и то же, возвращаясь: оставленная «за скобками» информация исказит изложение попытки понять заявленную тему. Восприимчивость читателя поможет осмыслить то, что недоступно осмыслить мне одному. Нонна Валерьевна Огарёва, в Радищевском музее с 1949 года: XXI век – ...держись за музей! – смотри, Славка! – государства рушатся: царской России нет, Советский Союз – где? – а музей существует...

...нам разрешили говорить – Мы:

Р.А. Резник. Заметки о творчестве Н.М. Гущина // Саратовский государственный художественный музей им. А.Н. Радищева. Выпуск 1. – Саратов: Издательство Саратовского ун-та, 1966.

А. Симонова. О творчестве художника В. В. Юстицкого // Саратовский государственный художественный музей им. А.Н. Радищева. Выпуск 5. – Саратов: Издательство Саратовского ун-та, 1986.

Л. Пашкова. А. Ненашева. Р. Резник. К столетию со дня рождения Николая Гущина // Журнал «Волга». 1988. № 7. Л. Пашкова. Стремление к неведомому // Журнал «Огонек». 1988. №48

А. Симонова. Выйти из неживой жизни // Журнал «Волга». 1989. № 7.

И. Пятницына. Художники круга Гущина // СГХМ им. А. Н. Радищева. Материалы и сообщения. Выпуск 7. Саратов, 1995.

Валентин Ярыгин. Стихи разных лет // Специальный номер (5-6) журнала «Волга». 1995; Стихотворения 1950–1960-х годов // Журнал «Волга». 1999. № 3; Стихотворения // «Василиск». Литературно-художественный альманах. 2005. № 3; Поэма // Журнал «Волга». 2009. № 1-2 (418).

Ефим Водонос. Вспоминая и размышляя о Гущине. – Саратов, 2006

Маргарита Богадельщикова. О Гущине // Журнал «Волга – XXI век». 2007. № 5-6; «...Все-таки у меня живопись настоящая...» (Документальное повествование о художнике Михаиле Николаевиче Аржанове (1924–1981) // Там же. № 7-8. 2007; Вокруг Гущина // Там же. 2008. № 3-4.

В. Лопатин. Цвет – звук; свет, тьма // Журнал «Волга». 2008. № 1(414); Саратовская школа. Эволюция. Контекст. XIX–XXI века // Там же. 2009. № 11-12 (423); Борисов-Мусатов – 2010: ступенчатый колорит // Там же. 2010. № 9-10 (428).

Художник Валентин Юстицкий. Автор вступительной статьи и составитель А.Т. Симонова. – Саратов, 2009.

Счастливым стечением обстоятельств я – реставратор музея им. А. Н. Радищева с 1968 года. Иконами интересуюсь с 1956 года, времени обучения в Елецком художественном училище.

Шестидесяти километров от областного города Липецка, районный центр Елец недолго был в оккупации – не разрушен. В городе больше пятидесяти церквей – мы, студенты, считаем, себе не верим: зачем столько? Церкви кирпичные, огромные, выпотрошенные, некоторые под складгодились.

Вот и нам, первокурсникам, картошку в церковь складывать – восемнадцать километров от Ельца: сельхозработы. Председатель колхоза обещает ударникам мешок картошки – стараемся, устаем. Но и развлекаемся. Из-под купола церкви цепь свисает. С кучи картошки можно дотянуться до цепи и качаться – Тарзан на лианах. ...*во время антихриста «священные церкви яко овощное хранилище будут...»: Ипполит, «Кириллова книга», издана при патриархе Иосифе* (Зеньковский С. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. – Munchen: Wilhelm Fink Verlag, 1970. Forum Slavicum, T. 21. С. 443).

Наш курс: три группы, тридцать человек – школьники, сдавшие вступительные экзамены после седьмого класса, и взрослые, прошедшие войну, один из нас в чине капитана. Мы комсомольцы, партийные и беспартийные, сдав вступительные экзамены – члены профсоюза.

С Володей Золотаревым, моим одноклассником, на двоих снимаем квартиру: комната проходная, светло – окно большое, потолок высокий. У хозяйки двое детей – старшекласник, девочка. Умер муж хозяйки – он работал в НКВД, теперь приходится ей учить нас бдительности. Возмущается бородатый стариком соседнего двора. *Тридцать лет в тюрьме сидел – делал Елецкую республику без советской власти, а теперь говорит, ему за это поздравительную телеграмму Ленин прислал. Амнистию зачем дали? Чтобы он свою антисоветчину распространял! Кругом враги! Вот – к вам! – однокурсник приходил, Васька Полевой, – с Урала, отец маркшейдер. Сам и проговорился – из Львова они: кулаки сосланные, вот кто они. Что делается! Ни стыда, ни совести! Девки в штанах! В школе американская буги-вуги! Идет парень: длинные волосы, узкие брюки – стилиги называются. Сын говорит, их комсомольский патруль ловит.*

В художественном училище общее собрание – пять курсов, всех сто пятьдесят человек остергают: *стилиги, буги-вуги – ни-ни!*

Второй курс: осенью опять деревня – я лошадей рисую, напросился в ночное. Залезаю верхом – первый раз в жизни: без седла, без уздечки – подсажали, с забора садись! Пока возился, лошадь вдогонку пошла, я сполз набок – стала лошадь, через меня не переступает. Я ученый – с забора сажусь. Лошадь бежит тихонько, оглядывается.

Сокурснику, ровеснику моему Туманову ночное – дом родной. На коне сидит – кентавр: из Западной Украины, все детство партизанам в лес еду носил – под его рассказы заснул. Спим в стогу. Из ночного: бежит рядом с жеребёнком красная лошадь – утреннее низкое солнце. ...*на Западной Украине с момента окончания Великой Отечественной войны, с 1945 года, бандеровцы убили 55 тысяч советских граждан, в том числе 2622 активиста и партработника, 582 председателей сельсовета, 1930 учителей и врачей, более 25 тысяч военнослужащих, пограничников и милиции. Ответными мерами разным видам репрессий подверглось до 500 тысяч человек местного населения, в том числе арестовано более 134 тысяч, убито более 153 тысяч, выслано навечно из пределов УССР более 203 тысяч человек* (Юрий Мухин. Неизвестный Берия. За что его оклеветали? – М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2011. С. 307).

Возле нашего училища церковь закрытая, через колокольню ход на крышу. Внизу Сосна – река широкая, конца не видно, Ельчик – приток Сосны, пригород – Аграмача. Летняя практика второго курса: с нами на крыше руководитель практики Геллер Берта Арнольдовна – пишем этюды. Берта Арнольдовна из семьи украинского художника, ведёт в училище рисунок – *лучше всех знает голову*. У нее в кармане мягкий карандаш – наброски делает, поправляет учебную работу:

отличники не любят Берту Арнольдовну. Легенда: постановка к концу идет, студент не рисует, тушует – так аккуратно, что карандаш Берты Арнольдовны ломается – она ключом из кармана!

Сначала Берте Арнольдовне нравится мое рисование, и цвет я чувствую – среди первых десяти на курсе. К концу второго учебного года за рисунок вместо двойки четверку ставит: чтобы я со стипендии не слетел – *видно, чтобы учиться, тоже талант нужен*. Она одинокий человек, живет в училище на втором этаже; здесь же, в училище, неимущим студентам общежитие. Набросок мой с натуры: двор училища, сидит Берта Арнольдовна – своего покроя темное платье до пят, прямая спина, в профиль – Египет. После закрытия Елецкого училища жила в Орле, погибла – бросилась под поезд.

Елец: верующим две церкви. Небольшая у вокзала, громадный собор на высоком берегу Сосны в центре города. На уроке по истории искусства узнаём: собор – культовая постройка середины XIX века модного архитектора Константина Тона. Такие церкви во всех городах России – типовые постройки не имеют художественной ценности, их сносят. В Москве перед войной снесли образец поздней культовой постройки – храм Христа Спасителя архитектора Тона. Елец – драматичнее захолустье: городская общественность только теперь начинает осознавать необходимость сноса собора.

Притоком Сосны, берегом Ельчика – остатки стен белого камня. Археологам война помешала, но слух пошёл – Елец на пятьдесят лет старше Москвы. Выше по Ельчику дворянская дача – место рождения писателя Пришвина. Учитель Пришвина, писатель Розанов – реакционер: елецкое преподавание Розанова разоблачил маститый советский писатель – со страниц «Огонька» в 70-х.

В Ельце то ли родился, то ли жил художник Илья Машков – его дом в два этажа: музей – света мало, картин не разглядишь – ходить сюда не любим, нас учителя водят. Машков чужд соцреализму – это скажут, когда в 1962 году «Хрущев посетит Манеж», пока же у нас в Ельце идёт 1957 год, и директор музея Машкова Сорокин ведёт живопись в училище. Небольшого размера этюды Сорокина всем нравятся: дорога, забор, небо – несколько цветовых отношений – зима. После расформирования Елецкого училища Сорокин живёт в Липецке, там в конце XX века организовали при жизни художника его персональный музей: рассказывает Ролдугин – художник родом из Лебедяни под Ельцом. Сорокин продолжает писать зиму, теперь холсты у него большого размера, засматривается на девушек. У Ролдугина есть книга, изданная в Липецке, о причинах расформирования и восстановлении Елецкого художественного училища – обещает показать: идёт 2011 год – жду.

1956–1957 годы. В столовых города Ельца БЕСПЛАТНО: двойную порцию гарнира проси – дадут! – хлеб на столе ешь, сколько хочешь! – с собой не бери, сладкий чай.

В училище самодельные хор, струнный оркестр. Хотел на балалайке играть – такая досада! – досталась домра-альт, вторая партия: ритм отбивал два года. Руководитель, студент старшего курса, расписывал нам партии цифровой записью – нотную грамоту я не осилил.

Студенческие выставки в коридоре – этюды, рисунки, наброски. Спорят у работ старшекурсников Вальки Воробьева, Сашки Аникина: на комсомольских собраниях их перевоспитывают – они ещё и пьющие! Все любят Константина Коровина, а некоторые студенты импрессионистов видели – Москва в 1953 году восстановила экспозицию французского искусства (на её месте с 1947 года находился музей подарков товарищу Сталину). Собираем деньги в складчину – счастливцев едет в Москву за ультрамарином, кобальтом, кадмием: в Ельце продаются только тюбики тёмных красок.

Кружки студенческие – русского искусства, западного, древнерусского. На выставках кружка участвуй своими творческими работами, книги читай, с докладами выступай, потом ещё посмотрят – принимать ли в члены: кандидатский срок полгода. Иконы не рисуем – изучаем по книгам. Что такое кружок по древнерусскому искусству? Это когда Аникин Рябушкина любит – и

лошадей. У меня остались небольшого размера гуаши Аникина: терема, старинные одежды, сани, прохожие, верховые; убитые русские воины, снег, впереди – вороны, вдали несутся всадники – *ТАТАРСКОЕ ИГО*.

В художественном училище скука единогласная: политзанятия, собрания – курсовые, общеучилищные, комсомольские, профсоюзные, партийные (не допускаются посторонние).

Общее собрание единодушно – во всем Ельце проходят собрания – принимает резолюцию в поддержку начавшегося прогрессивного народного движения в социалистической Венгрии.

Другое собрание – принимаем резолюцию с осуждением империализма, начавшего агрессию против Египта (слух прошёл – Елец набирает добровольцев воевать ЗА *ЕГИПОВ*).

Собрание – опять Венгрия: не народное там движение, а антинародное, не революция у них – контрреволюция; художественное училище единодушно поддерживает венгерский народ против козней империалистов.

Без обсуждения, без резолюции – общее собрание художественного училища (предупреждение *НЕ ЗАПИСЫВАТЬ*) – зачитали доклад Хрущева на XX съезде о культе личности Сталина.

Поехал в Орёл на зимние каникулы 1956–57 годов – две недели прошло! – Елецкое художественное училище расформировано, директор училища новый. Пятый курс, выпускной – защита дипломов в Ельце, остальные студенты доучиваются в других местах. Кудахчешь про Москву и Ленинград – жилье есть? – подавай заявление!

Отчего расформировали наше училище, не сказали сокурсники-коммунисты – строга партийная дисциплина: в 1957 году партсобрания СССР изучали закрытое письмо ЦК КПСС об антисоветских настроениях в Советском Союзе. Узнал и я причину – в 1964 году приехал с женой из Саратова в Орёл родных навестить. Мила Федькина – родом из Орла, однокурсница по Ельцу, доучивалась в Ростове: партийный преподаватель сказал, отчего расформировали Елецкое художественное училище. ЦК КПСС получило письмо: студент-коммунист после армии вернулся доучиваться в училище, хотел дополнительные знания получить в кружке по древнерусскому искусству, ему говорят – *мы коммунистов не принимаем*. Посмеялись тогда мы пьяной глупости Сашки Аникина: *МЫ не ЦК КПСС*.

1957 год, ЕЛЕЦ Студент-сексот (секретный сотрудник) разгромил антисоветское гнездо – расформировано Елецкое художественное училище.

1957 год, САРАТОВ Сексот-директор опустил художественное училище до своего уровня, довершил разгром саратовской школы живописи. Студенты расформированного Елецкого художественного училища доучиваются в Саратовском художественном училище – *НА РОДИНУ БОРИСОВА-МУСАТОВА, ПЕТРА УТКИНА, ПАВЛА КУЗНЕЦОВА, ИВАНА НИКИТИЧА ЩЕГЛОВА*: **общее мнение – ПРИВНЕСЛИ ЖИВОПИСНОЕ НАЧАЛО.**

ВСЕ САРАТОВ МНЕ ОТДАЛИ! – спяну сказано: Михаил Иванович Просянкин (в 1950 году закончил троечником графическое отделение Харьковского художественного института).

Погромные партийные инструкции первыми упоминают саратовских художников – Борисов-Мусатов, Павел Кузнецов, Петров-Водкин, скульптор Александр Матвеев, добавляются новые имена – Корнеев, Юстицкий, Вебер: картины изымаются из экспозиции, списываются из государственных хранилищ.

Юстицкий – вернулся в Саратов, отсидев девять лет лагерей, Гуцин – из Франции приехал в Саратов, Щеглов – посажен на десять лет. Для укрепления партийной прослойки художественной интеллигенции идеологически неблагополучного региона Просянкин получил назначение – директор Саратовского художественного училища. *Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременяли безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных, но это не значит, что мы можем ограничиться коммуни-*

стическими выводами и заучить только коммунистические лозунги. Этим коммунизма не создашь. Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. (В.И. Ленин. Задачи Союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 года // В. И. Ленин. Избранные произведения в четырех томах. – М.: Изд. Политической литературы, 1988. Т.4. С. 183).

В качестве директора Просянкин справился с заданием – художественной общественности Саратова не представляются необходимыми авангардные идеи Борисова-Мусатова. Исключение – Виктор Чудин: освободил сознание, программируемое тоталитарно – провинциальным сектантством Союза художников СССР – спасла дистанция, не член СХ.

Сочетание анализа и интуиции позволило Чудину найти решение **ФОРМУЛЫ ЦВЕТА** – двумя словами Николай Андреевич Григорьев, автор идеи, изложил манифест, отличающийся долголетием и злободневностью. По расчетам Шмита – Прокофьева изобразительное искусство сужает витки своего развития до точки, приходящейся на 1985-2015 годы – *эстетический конец света?* Компьютерный век даёт техническую возможность живописи (живопись ли **ЭТО** будет?) реанимироваться: носитель цвета электромагнитная волна – инструмент реализации **ФОРМУЛА ЦВЕТА ЧУДИНА**.

*...сегодня... коррективы в понимании искусства, художественно-эстетического опыта, начинает вносить новейшая электроника, приведшая к созданию «виртуальной реальности»... ...в сеть придет целое поколение **нет** – артистов (первопроходцы уже активно обживают там), организуемых свои неутилитарные произведения исключительно на основе **виртуальной реальности**, то есть принципиально новой художественной среды. Её создатели и посетители (субъекты эстетического восприятия XXI века), фактически будут поставлены в равные условия внутри этой квазиреальности, реально (на уровне сенсорики) контактируя между собой и с любыми вымышленными и здесь же создаваемыми персонажами на уровне интерактивности... До бесконечности расширяются ситуативные, выразительные, креативно-изобразительные возможности бытия-творчества в этой среде. Практически их могут ограничить только пределы человеческой психики... (В.В. Бычков. Эстетика. Краткий курс. – М.: Проект, 2003. С. 379).*

XXI ВЕК. «Не члены СХ» – причина европейского уровня объединения художников **ЖЁЛТАЯ ГОРА**: саратовским обыкновением не замечено, подобно **АЛОЙ РОЗЕ** 1904 года, событие – выставки **актуального искусства (архаический принцип магического вовлечения в мистерию – элементы изобразительности, фрагменты клоунады, театра, «язык звука», «обонятельная», «тактильная» речь)**. Следа не оставили, кроме каталога, изданного самими участниками: *«ZHOLTAYA GORA». Каталог. – Саратов. 1990. Типография издательства «Коммунист». Тираж 3000. Графический дизайн Е. Солодкий, М. Лежень. Обложка Е. Солодкий.* «Желтая гора» завершает «саратовскую школу» изобразительного искусства XX века.

2011 год. «Примитив» саратовский – вечный авангард!

Яркие индивидуальности – на особищу.

Художники, в течении 23 лет работающие летом в Хвалынске, – существующая в Саратове **ШКОЛА МОШНИКОВА**: интернационального характера единение уникального учителя, теории-проповеди и завидного свойства постоять за себя участников.

Забыв Щеглов, тридцать лет учивший саратовских художников: его уроки – картины – погребены в запасниках Радищевского музея. **ДОЗВОЛЕНА СВОБОДА** – не ругают за «подражание» Борисову-Мусатову, Петру Уткину, Павлу Кузнецову, Петрову-Водкину, Юстицкому, Гушину, иконе, старым гобеленам Радищевского музея, детскому, наивному творчеству, любому «изму», профессионала-художника ведёт «идея»: **РИСОВАНИЕ ИСТОЧНИК СРЕДСТВ К СУЩЕСТВОВАНИЮ**.

ИСКУССТВО, РЕЛИГИЯ...

Искусство, религия – внеразумное познание, сознательно внеразумное; чувственное восприятие – иррациональное и «нелогичное» постижение; неутилитарная позиция – «внерациональный» опыт; осознанная невозможность формально-логического познания; неформализуемое знание (высшее знание открывается человеку не в понятиях, но в образах и символах): отцы церкви IV–VI веков; Иоанн Дамаскин (ок. 675 – ум. до 754); Никифор Влеммид, XIII век. ...особый тип принципиально непонятного, формирующего и впечатлевающего познания, в результате которого красота (а она выражает его сущность) объекта познания сама впечатляется в душе субъекта, то есть своеобразный вид эстетического познания...: Николай Кавасила, XIV век. (В. В. Бычков. Малая история Византийской эстетики. – Киев. «Путь к истине», 1991. С. 15, 29, 42, 65, 80, 163, 344, 378).

КРАСОТА ИЗОБРАЗИМАЯ, НЕИЗОБРАЖАЕМАЯ

...уровень живописи... содержал и выражал скрытый, лишь умом постигаемый смысл. ...его наличие позволяло средневековому художнику создавать... изобразительно-выразительный ряд, по самым высоким художественно-эстетическим меркам, а зрителю – открыто наслаждаться красотой храмовой живописи. ...она не противоречила... духу официальной религии, напротив, активно служила ему... (С. 35).

...существуют два способа передачи знания об истине: «Один – невысказываемый и тайный, другой – явный и легко познаваемый; первый – символический и мистериальный, второй – философский и общедоступный» (Ер. IX I). Высшая невыговариваемая истина передается только первым способом... Если философское суждение содержит формально-логическую истину, то символический образ – умонепостижимую. ...«полагая видимые красоты изображением невидимой красоты...» (СН I 3) (С. 40).

...символ служит для обозначения, изображения и тем самым выявления непостижимого... ...он является оболочкой, покровом и надёжной защитой невыговариваемой истины от глаз и слуха «первого встречного»... Что же в символе позволяет осуществить эти взаимоисключающие цели? По всей видимости, особые формы хранения в нём истины. К таким формам Ареопagit относит, в частности, «красоту, скрытую внутри» символа и приводящую к постижению сверхсущностного, духовного света (Ер. IX I; 2). Итак, непонятный смысл символа воспринимается стремящимися к его постижению прежде всего сугубо эмоционально в форме «красоты» и «света»... Красота же эта открывается только тому, кто «умеет видеть». Поэтому необходимо учить людей этому «видению» символа (С.41).

Ареопagit разрабатывает стройную иерархию образов, с помощью которых и передается истинное знание с уровня горнего мира на уровень человеческого существования. Литературные и живописные образы занимают в ней своё определённое место – на уровне таинств, то есть где-то между небесной и земной (церковной) ступенями иерархии (С.42).

Образ – это важнейший способ связи и соотнесения между принципиально несоотносимыми и несвязуемыми уровнями бытия и сверхбытия. Псевдо-Дионисий, опираясь на свою систему обозначения Бога, различал два метода изображения духовных сущностей и, соответственно, два типа образов, различавшихся по характеру и принципам изоморфизма – подобных, «сходных» и «несходных» (СН II 3). ...«сходные» образы должны представлять собой совокупность в высшей степени позитивных свойств, характеристик и качеств, присущих предметам и явлениям материального мира (С. 43).

Несходные образы необходимо строить на принципах, диаметрально противоположных античным идеалам. В них, по мнению Псевдо-Дионисия, должны полностью отсутствовать свойства, воспринимаемые людьми как благородные, красивые, световидные, гармоничные и т. п., чтобы человек, созерцая образ, не представлял себе архетип подобным грубым материальным формам (даже если среди людей они почитаются благороднейшими) и не останавливал на них свой ум. Для изображения высших духовных сущностей лучше заимствовать образы от предметов низких и пре-

зренных, таких как животные, растения, камни и даже черви (СН II 5), при этом божественным предметам, изображённым таким образом, воздаётся, по мнению Ареопагита, значительно больше славы... ..Отсюда и достаточно распространённые представления о незвучном внешнем виде Христа, характерные для первых веков христианства (С.44).

...Самой «несообразностью изображений» несходные образы поражают зрителя (или слушателя) и ориентируют его на нечто противоположное изображаемому – на абсолютную духовность... Все плотские, чувственные и даже непристойные явления, влечения и предметы могут означать в этом плане феномены самой высокой духовности. Так, в описаниях духовных существ гнев означает «сильное движение разума», возжелание – любовь к духовному, стремление к созерцанию и объединение с высшей истиной, светом, красотой и т. п. (СН II 4). Неподобные образы, в представлении Ареопагита, должны «самим несходством знаков возбудить и возвысить душу» (СН II 3). Отсюда и сами изображения называются Псевдо-Дионисием возвышающими (анагогическими). Идея возведения человеческого духа с помощью образа к Истине и Архетипу стала с этого времени одной из ведущих идей византийской культуры. Подобные представления открывали неограниченные возможности для развития христианского символично-аллегорического искусства во всех его видах и обосновывали необходимость его существования в христианской культуре (С.45).

В целом византийская теория символа объединяла собой основные сферы христианской духовной культуры – онтологию, гносеологию, религию, искусство, литературу, этику. И объединение это осуществлялось, что характерно именно для византийской культуры, на основе религиозно-эстетической значимости символа (С.46). (В.В. Бычков. Феномен иконы. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2009.)

В. Э. БОРИСОВ-МУСАТОВ. ШКОЛА

1963 год. Если бы вышла подготовленная к печати издательством Кнебеля монография о Борисове-Мусатове с текстом Тугендхольда, вся русская живопись пошла бы другим путем. С началом Первой мировой войны прошли «немецкие» погромы – типография Кнебеля была разгромлена. (Рассказал Леонтьев Виктор Владимирович – **В.Л.**)

1989 год. В особенности, Мусатов был воодушевлен заражающим идеализмом, направляемым немного туманной, но возбуждающей энергию верой в «принципы искусства»; еще утверждал, что эти принципы должны быть конкретизированы в действии, в завершённых картинах, прежде чем создан набор недостижимых идеалов, разрушающих волю художника (Peter Stuppes. «Pavel Kuznetsov». Cambridge University Press, 1989. P.12-13. Перевод: Марина Сергеевна Савенкова, Валентина Сергеевна Палькова).

2001 год. Одним из первых русских художников, семантически обогативших материал искусства, заставив заговорить собственным языком грунт, мазок, краску, был Борисов-Мусатов. Вслед за ним пошли и художники «Голубой розы». ...Особенности изобразительного языка мусатовской школы легли в основу изобразительного языка авангарда. (Флорковская А. К. Творческий метод художников «Голубой Розы». К вопросу о школе Борисова-Мусатова // Сб.: В. Э. Борисов-Мусатов и «саратовская школа». Материалы седьмых Боголюбовских чтений, посвященных 130-летию со дня рождения В. Э. Борисова-Мусатова. Саратов. 11-14 апреля 2000 года. – Саратов, 2001. С. 114, 120).

Явление, зародившееся на рубеже XIX–XX века в Саратове и назвавшееся в 1907 году «Голубой Розой»... явилось первым шагом русского искусства за пределы XIX века. Освободив живопись психологически и в большей мере пластически от задач изобразительности, оно открыло путь, по которому вслед за тем пошло развитие русского авангарда (Гофман И. М. «Голубая Роза» как воплощение понятия «Саратовская школа» в русском искусстве // Сб.: «В. Э. Борисов-Мусатов и «саратовская школа»... (С.30).

Саратовские художники. СССР

*Живём – где каждый! – чуть он с ин-
теллектуальным потенци-
алом – смотрит, сукин сын! –
как марсианин сосланный.*

Ярыгин

1919 год. *Саратовские Известия.* № 212, четверг, 25 сентября, 1919. О создании музея «Нового искусства» имени художника В. Э. Борисова-Мусатова (СГХРМ. Архив. А. и В. Леонтьевы... Часть 8. Лист 47). **Музей нового искусства:** Борисов-Мусатов (*Лирическая ветвь русского модерна.* Тугенхольд), Павел Кузнецов, Петр Уткин, Петров-Водкин, Александр Матвеев не отражают – преобразуют реальность: исток русского авангарда, ориентир устремлённой в будущее иной практики, другого значения, поиск НЕИЗОБРАЗИМОГО.

1989 год. *Авангард первых послереволюционных лет в России... от стиля, близкого к русскому народному искусству, до кубизма и футуризма.* Авангардистское искусство первых послереволюционных лет в России оценивается западными историками как одно из великих художественных движений XX в., ставшее переворотом в живописи, скульптуре, театре, кино, фотографии, литературе, оформительском искусстве и архитектуре. Хотя авангард развивался еще до 1917 г., именно революции 1917 г. дали ему новый импульс... советскому искусствоведению было дозвоительно многие десятилетия не изучать его, а только разоблачать и громить... (С. А. Козлов. Проблемы культурной революции в новейшей немарксистской историографии (1917 – начало 1930-х гг.) // Журнал «История СССР». 1989. №4. С. 189).

1918 год. Тов. Бассальго: буржуазная культура отвергнута, ряд буржуазных понятий – лично, неприлично, можно, нельзя – отвергнут. ...Буржуазная литература и искусство одряхтели, ибо по причине «всемогущия, вездесущия и всезнанія Бога» человеку не рекомендовалось дерзать к познанию света истины и правды людской. ...Марксизм – развивающее понятие о человеке, как о господине, божестве, творце. Наши задачи: из искусства прошлого давать народу только то, что ведет народ к освобождению личности, а затем создать свое собственное пролетарское искусство (Бассальго. Лекция. Газета «Известия Саратовского военного комиссариата» (дата утрачена – В.Л.). СГХРМ // Архив. А. и В. Леонтьевы. опись № 1. ед. хр. 148. Крайние даты 1918–1949 г. апрель 1. на 63 листах (газетные вырезки)).

В ноябре 1919 года была выставка под названием «Опыты живописно-пластической культуры...» В апреле 1920 года была уже четвертая выставка живописно-пластической культуры. В ней приняли участие четырнадцать художников... Среди представленных вещей на этой выставке мы встречаем такие названия: «Беспредметная живопись» П. Андреев или просто «Живопись» А. Карев, «Опыты живописной культуры» В. Прокофьев, «Цветопись» и «Движение живописных объемов» В. Юстицкий (В.Ф. Завьялова. Саратовские художники за годы Советской власти. 1947 год. Машинопись. СГХРМ. Архив. № описи 4, ед. хр. 22).

1922 год. АНЖЕЛЮС. х.м. 63х71. Пост. в 1925. Ж 887. Картина действует на зрителя мгновенно, сильно, магически. Ее форма, подобно звучанию огромного колокола, зачаровывает глубиной и силой. Женщина ставит на стол глиняный сосуд. В момент ещё не завершенного движения она застигнута первым, как бы наплывающим ударом колокола (Каталог. Юстицкий Валентин Михайлович. 1892–1951. Живопись, графика. – Саратов. 1986. Выставка 1982 года).

Новые теории, провозглашавшие «материальную самодовлеющую вещь как субстанцию творчества», возникшие в Московском институте художественной культуры, эхом отозвались в Саратове. П.П. Андреев, П.К. Еришов, К.П. Поляков, Н.И. Симон и В.М. Юстицкий создают группу так

называемых «презантистов» (от французского слова «present» – настоящий). В этом названии следует усматривать стремление художников создать новое искусство, созвучное времени, способствовать «возникновению школы настоящего» (А. Симонова. О творчестве художника В.В. Юстицкого...).

1929 год. Был арестован художник Корнеев Федор Максимович. 1 ноября, как неблагонадежный... Его обвинили в выполнении заказов для монастырей и храмов Саратова, в переписке с П. А. Стольпиным, в дружбе с графом А. Д. Нессельроде, в частых поездках за границу... Художник был осужден по статье 58, пункт 10 – за контрреволюционную агитацию. Неизвестно, где и когда художник умер... (Наталья Волкова. Осколок Атлантиды. О жизни и творчестве саратовского художника Фёдора Корнеева // Журнал «Православие и современность», 2009. № 10 (26), январь-март).

1932 год. Лагерь художников ...Постановлением ЦК ВКП(б) положен конец всем формалистическим извращениям в искусстве и все художественные силы в стране были объединены в единый лагерь союз Советских художников. ...По-прежнему в техникуме доцветал формализм. В 1934 с приходом нового директора Г.А. Кириленко положение резко изменилось... Формализм, расцветавший в училище все эти годы, был окончательно похоронен. Последний и наиболее яркий его представитель В.М. Юстицкий сошел со сцены и как преподаватель, и как художник, наглядно показав беспочвенность и гнилость основ формализма в искусстве (Г.И. Кожевников. Из истории Саратовского художественного училища (К 50-летию основания) // СГХРМ. Архив. 1946–1947 гг.).

1937 год. Юстицкий приговорён к десяти годам лишения свободы по статье 58, пункт 10.

1938 год... Яков Вебер (1870–1958), заслуженный художник автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья (АССР НП, 1924–1941) репрессирован и выслан в Казахстан. ...враг народа... ..творчество Якова Вебера...золотая середина между искусством поздних передвижников и мастеров Союза Русских Художников... Имя Якова Вебера...должно стоять в одном ряду с именами таких известных мастеров пейзажа, как А. Саврасов, И. Шишкин, В. Поленов, В. Васильев, И. Левитан, В. Серов. ... наряду с именами Баракки, Коновалова, Корнеева и других художников, которые стояли у истоков художественного образования в Саратове, обязательно должно стоять и имя Якова Вебера...(В. Г. Хорошилова. Талант от Волги. Художник Яков Вебер (1870–1958). К 135-летию со дня рождения. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2005).

Попытки всеобщего забвения истории и даже факта существования немцев Поволжья в послевоенный период привели к длительному и глубокому провалу как в изучении уникальной этнической группы, так и в комплектовании новых материалов. Целенаправленное изучение и научное описание, а также дальнейшее комплектование коллекции были продолжены лишь в 1991 году при подготовке к экспонированию выставки ИЗ ИСТОРИИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ (Е. А. Горобцова. Каталог. Хозяйство и быт немцев Поволжья (XIX–XX вв.). М.: Mass Media, 1998).

1938 год. 23 августа. Не выставлять (в экспозиции Радищевского музея) Вебера, Корнеева, Юстицкого.

14 августа. – Доклад Бурмистрова (Директор Радищевского музея – **В.Л.**). Полит просвет работа (сектор). «Голубая роза». У нас выплывает как положительное... ..а так как самое отрицательное (явление). К праздникам Революции... Люди готовятся по настоящему к этим дням. ...Музей поставлен на службу Советской власти. (а мы с таким отделом Советского искусства далеко уедем?)

1939 год – собрание коллектива Радищевского музея. Доклад Бурмистрова. ...политическая ошибка показать Врубеля, Мусатова. (Записи музейных сотрудников А. и В. Леонтьевых. СГХРМ. Архив...). (Орфография подлинника сохранена – **В.Л.**)

1940 год. Уведомление правления МТХ «Всекохудожник» о приобретении ГТГ картины Щеглова «Окраина» о передаче картины «Река Хопер» Снабторгу Всекохудожника и пересылке остальных работ в Саратов. бланк 1940, мая 22 (СГХРМ. Архив. А. В. и В. В. Леонтьевы. «Черновые рабочие и дневн. записи А. В. Леонтьева». (на отд. листах, крайние даты 1917–1958 гг.). Блокнот: 49–213. без дат, 1940, 51, 52 г. на 320 листах. Лист 4721).

О Щеглове и Белоусове – «...в его этюдах смотрит на Вас какая-то скромная и, пожалуй, даже застенчивая любовь к красоте». Так писали о Щеглове – ученике. Спустя десять лет оценка эта мало в чём изменилась: «Работы Щеглова дают хорошие, живописно представленные куски природы. В своих вещах он подходит вплотную к природе, ничего не упрощая и не отбрасывая». В эти же годы подобную оценку получили и работы Ф. Белоусова: «Хорошие реальные работы дал художник Белоусов: виды городской улицы». Не правы были критики только в одном: «...в них много умения, но отсутствует творческий интерес». В стремлении Белоусова и Щеглова создать объективный образ природы, не привнося свои мимолетные чувства и настроения, и заключалась для них высшая творческая потребность.

«В 1936 и 37 годах, – рассказывает художник А.Н. Чечнев, – я выезжал с ними на этюды в села Бабинки, Трубетчино и Щербаковку. Вечерами собирались все вместе, делились впечатлениями, показывали друг другу этюды. Иван Никитич свои этюды прятал. Работу свою показывал только тогда, когда считал, что она завершена. Он был человеком легкоранимым, неприспособленным к быту, излишне застенчивым. Во время писания этюда подходить к нему было нельзя: нервничал, боясь, что у него плохо выходит. В наши споры об искусстве никогда не вступал, слушал молча. Природу любил самозабвенно, до слез. В отличие от Щеглова Федор Васильевич любил теоретизировать...» ...Белоусов традиционен в пределах классического пространственного мышления, но с заметным влиянием черт новой живописи, в частности декоративно – музыкального понимания цвета у Уткина.

И.Н. Щеглов... стремится к точному и глубоко правдивому отображению природы... порой художник мучительно ищет тональную согласованность одного цвета с другим... совершенствуя свое мастерство, Щеглов познаёт и по своему воссоздает гармонию мира (А.Т. Симонова. Пейзажные образы Саратовского края. – Саратов. 1981).

1945 год. Бурмистров, директор Радищевского музея, в армии: Радищевский музей организовал персональную выставку Борисова-Мусатова в память 50-летия со дня смерти.

1946 год. Последние работы Щеглова импрессионистичны, в них много света и воздуха. «Окраины Саратова» (приобретены Третьяковской галереей) (В.Ф. Гуров. «Наши пейзажисты». Саратов. Газета «Коммунист». 28 апреля).

Из Москвы запрос в художественное училище: поддерживает ли коллектив училища кандидатуру Щеглова на государственный «пансион», чтобы ему полностью отдаться искусству. Не поддержали – Завуч Никитин Владимир Ильич отвечает на запрос: умелый, тактичный, за тридцать лет выучил всех молодых художников Саратова – без Щеглова страдает учебный процесс (Рассказал Щеглов. 1962 год – В.Л.).

1946 год. СТАЛИНСКАЯ ЗАБОТА О СОЗДАНИИ ИЗОБИЛИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ. 14 и 16 августа, 1946 год: постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» и «О кинофильме «Большая жизнь»... «...являющиеся выражением сталинской заботы о создании изобилия духовной культуры в нашей стране...» (Редакционная статья. На пути к советской классике // Журнал «Искусство». Сентябрь-октябрь. 1951).

1947 год. Москва: из экспозиции Государственного музея изобразительных искусств (имени А. С. Пушкина с 1937) убрали картины импрессионистов – на их месте до 1953 года расположился Музей подарков товарищу Сталину.

Чтоб с сегодняшнего дня ни слова об импрессионистах! – Преподавателя СХУ Щеглова вызвал в кабинет завуч Никитин Владимир Ильич.

...надо отметить, что Щеглов всё больше и больше отказывается от беспредметных этюдов, но вдруг он снова о них вспоминает и обязательно среди трех-четырех вещей даёт этюд в чистых принципах импрессионизма или сезанизма (В.Ф. Завьялова. «Саратовские художники...»).

Современные художники являются борцами за наше искусство. От глубины души благодаря их за правдивость в труде. Но некоторым из них надо поработать над собой и отшлифовать кисть в наложении красок (т.к. на них много оседает слишком пыли). 16 февраля 1947 г. Студент СЗВШ (подпись) (Из книги отзывов посетителей выставки работ саратовских художников).

17 февраля. Собрание саратовских художников, посвященное обсуждению выставки в свете решений ЦК ВКП(б) от 14 и 26 августа 1946 года.

На собрании 39 художников, присутствуют Начальник городского отдела по делам искусств – Садковой Н. П. и Заместитель Нач. Горотдела – искусствовед Завьялова В. Ф.

Отчётный доклад. МИЛОВИДОВ Б. В. Председатель Областного Союза Советских художников – *...определяющие ту линию в советском искусстве, которая нужна нашей партии, нашему правительству, нашему народу. ...Наш пейзаж «большую частью случаен, этюден, примитивно от-ражателен, а не поднят до звучания большого волнующего чувства» (Манизер). ...Театрально-декоративные работы представлены в значительной мере и хорошего качества (Кисимов, Севастьянов). У Маневича есть труд, но труд этот не закончен: «Еврейское ИЗО-искусство».*

БОБРОВ Б.П. Председатель Правления товарищества «Художник» – О Щеглове – *Большим недостатком в его работах, даже пейзажного характера, является натюрмортный подход к явлениям. Он смотрит на небо, на воду и на всё остальное, как на натюрморт, просто как на цветное явление, как на предлог для решения своих лабораторных проблем цвета. Для него всё равно, что писать, главное для него музыка цвета.*

ГУРОВ В.Ф. Художник, преподаватель СХУ – *...наша задача не только писать ради удовольствия, ради какого-то эстетического чувства. Миловидов ...или не видит, или не хочет видеть новое в нашей жизни. Щеглов – ...Хороший, тонкий живописец, но на декоративной почве, у него есть некоторая безразличность к выбору темы. Надо...забывать уже гнилое прошлое. У нас должна быть элегия, лирика, но на полезной основе, не на такой, как в голубой розе «Мира искусства», как было у рафинированных художников, которые сидели и мечтали.*

ЩЕГЛОВ И.Н. Художник, преподаватель СХУ – *Все ли вещи у нас являются качественными? ... наличие сыроватости. ...«Волга» – мне говорят, у этой вещи нет величия реки Волги. Когда я писал, у нас не было в наличии разрешения писать, я сел, меня берут под ручку и ведут куда надо...Я пишу то, что можно писать.*

КУЛАГИН Л.М. Художник – *Но в нашей выставке есть одно хорошее – это то, что на ней нет формалистов...*

МОЩЕНКО В.Ф. Художник – *...Формалистических произведений здесь у нас нет, но формалистический подход у нас есть, товарищи. Такие порочные вещи, как этот натюрморт (Миловидова), как раз и осуждает ЦК ВКП(б). О Щеглове – ...не поёт новых песен. Он живёт старыми песнями. Он поёт всё ещё про покосившиеся хатки, кривые заборы, захоластные местечки.*

ДАНИЛОВ В.К. Художник, преподаватель СХУ – *...выставка эта очень красноречиво и убедительно доказывает нашу беспомощность. Почему же дело обстоит плохо? Сами художники объ-*

ясняют это тем, что во время войны позволительно было несколько снизить качество работы... Попробуйте вы, ссылаясь на военное время, снизить качество на каком-нибудь производстве, попробуйте выпустить плохой миномет, плохой пулемет. Если вы директор такого завода, вас повесят за это и правильно сделают... Пытаются обвинить Миловидова чуть не в голубой крови... хотя там просто изображены красивые вещи... Тов. Гуров! Вы пытались на работе Миловидова доказать здесь чуждую идеологию и голубую кровь

САЛТЫКОВ К.М. Художник – ...большинство саратовских художников – это люди, с которыми считаются, которых контрактуют, которые едят пайки, а в результате получается, что корм на них зря затрачивается.

МАНЕВИЧ И.А. Секретарь Областного Союза советских художников, искусствовед – ...находятся среди нас товарищи, которые говорят: – «Зачем трудится, талант, мол, вывезет.». Это неверно... Труд является верным, преданным помощником таланту. Пора осознать, что «чем больше талант, тем больше знанием и умением должен он обладать» (П. Чистяков). Наше советское искусство – искусство высоких идей. Но большие идеи можно решать только при наличии высокого профессионального умения, большого художественного мастерства. Мы должны запомнить, что значительные идеи, облеченные в несоответствующие формы не мобилизуют зрителя, а оставляют его холодным, равнодушным.

ЗАВЬЯЛОВА В.Ф. Зам. Начальника городского отдела по делам искусств, искусствовед: ...недостатком пейзажей Шеглова, Миловидова и многих других является отсутствие тех образов, которые имеются в нашей саратовской действительности...

ШИХАНОВ И.В. Директор СХУ – ...я не согласен с Гуровым, что во время войны можно было кое-как работать. Можно ли вообще в области изобразительного искусства работать кое-как.

(Стенографический отчёт: ОБСУЖДЕНИЕ ВЫСТАВКИ. Ответственный за выпуск В. Ф. Мощенко. СГХМ. Архив. Опись 4, ед. хр. 19). (Сохранены орфография и пунктуация документа. – В.Л.)

19 февраля ...В Саратовском отделении Союза есть художники, в творчестве которых явно выражено преклонение перед формалистическими приёмами западного буржуазного искусства. Так в станковой живописи художника Кисимова все еще не изжиты элементы формализма...Непонятно, почему тов. Кисимов пренебрегает советской тематикой. ...Севастьянов: «Спортивный праздник на Волге» – идёт ...от формалистических буржуазных живописных течений. ...Миловидов: он экспериментирует в технике. ... Работники искусств должны понять... легко могут оказаться за бортом передового советского искусства и выйти в тираж...(В. Ф. Завьялова. За высокую идейность изобразительного искусства. Газета «Коммунист». 1947 года. 19 февраля).

Разоблачённый Кисимов уволен из Театра оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского и уволен из Саратовского художественного училища. Севастьянов сам уволился – выжил «формалиста» «реалист» Шуйский (Солянов (по приглашению Севастьянова работал в Театре художником в 1947–1949 годах).

...Художник – боец передовой линии идеологического фронта. ...Все эти «Голубые розы», «Бубновые вальсы», «Ослиные хвосты» и прочие порождения декадентской и формалистической эстетики несли в себе реакционное содержание, утрачивали национальную независимость в области художественного творчества, одурманивали и духовно растлевали народ (Редакционная статья. Искусство победившего социализма // Журнал «Искусство». 1947 год. № 6. Ноябрь-декабрь).

Возвращается в Саратов Юстицкий – отсидел девять (из десяти) лет лагерей, **приезжает из Франции Гуцин** – назначен реставратором в Радищевский музей. Друзья дореволюционной поры, Гуцин и Юстицкий хранят традиции Боголюбова: критерий качества, связь с европейским искусством, укоренённость российской.

По свидетельству дочери Юстицкого, Анны Валентиновны, отец похлопотал за Гущина в получении жилья, и тому дали только что освободившуюся комнату в доме, где Юстицкий жил со своей семьей. Так эти два художника оказались вместе. Это двое равных друг другу людей – по интеллекту, по опыту пережитого, по масштабу творческой личности. Их жизни осветит и скрасит ежедневное общение без страха и опасений. Их встреча была настоящим подарком судьбы (Ирина Пятницына, 1995).

БЫЛО ЧЕМ ДЫШАТЬ! ВЫСОКИЙ ДУХ! А. В. Юстицкая. Пятницына, 1995.

...поражительные сны. Это была несмолкаемая музыка. Я проникал в какие-то лучезарные пространства, поразительные по цвету. Лучи шли в разных направлениях – то прямыми линиями, то спирально. Цвет был как бы иллюстрацией музыки. Вибрация цвета была поразительно тонкая, еле уловимая, а при музыкальных подъёмах всё преображалось в какие-то ясные тона, почти торжественные, и только извилистые чёрные линии шли всё время как некий лейтмотив. Это какая-то музыкальная, беспредметная живопись. Но она сферична и при ясности очертаний не имеет никаких точных границ. Всё мгновенно переливается, всё это очень кинетично... Описать этот сон более точно я не имею возможности. Он грандиозен. Это путешествие мысли, в общем это какой-то космический сон, причём пространства грандиозны, всё как-то безгранично и огромно. Но особенно интересно – это сочетание цвета с музыкой. Нет сомнения, что будет когда-нибудь такое искусство. Такого большого впечатления я никогда нигде не получал. Значит, где-то в извилинах мозга имеется зародыш соединения этих двух искусств в новый организм (Юстицкий, 1939 год, 8 марта – лагерные письма опубликованы А. Симоновой. «Выйти из неживой жизни» // Журнал «Волга». 1989. № 7. Цит. по кн.: Художник Валентин Юстицкий. Автор вступительной статьи и составитель А. Т. Симонова. – Саратов, 2009).

1986 год: не разрешено упоминать о лагерном прошлом. Живя на севере, Юстицкий, как никогда внимательно всматривается в природу, «прислушивается» к музыке его красок. ...Новый творческий подъём Юстицкий переживает в конце 1940-х – начале 1950 годов. Этот последний период творчества художника характеризуется дальнейшим развитием романтического типа образности, но с более явной тенденцией к «музыкальности» живописного видения. Наиболее интересными работами являются «Гобелен», «Весенние радости», «Арлекин», и «Въезд Дон Кихота в Саламанку» (А. Симонова. Каталог. Валентин Михайлович Юстицкий. Составитель каталога и автор вступительной статьи А. Т. Симонова. – Саратов, 1986). (Персональная выставка Юстицкого – 1982 год – В.Л.)

От Гущина у меня работа, ПТИЦЫ называется (авторское название «Движимые страстью (Пассионарность)»). Из серии «Земля – эхо солнечных бурь», к.м.. 69,5x47,5. 1957. Собств. Козачи В. Ф. (Саратов) – Каталог. Николай Михайлович Гущин (1888-1965). К столетию со дня рождения. Саратов 1991. Составитель и автор вступительной статьи Л. Пашкова). – их сразу не видно... вот – появилось!... потом исчезает – опять смотришь. Скуп был на объяснения – Что тут? – А вы что тут видите? – Мой интерес... он видит, что не наигранно и это искренне, поэтому мне и досталось, а то бы я её и не увидел. Он эту долго писал. Я все время – приду, восторгаюсь, а когда закончил, я говорю Николаю Михайловичу – Не хочу упустить...знаю, работа ценная...деньгами не располагаю. Триста рублей дал, он мне их возвратил, я опять отдал. Щеглов, как у меня увидел... – Я за то, что ее приобрел, готов тебя расцеловать, такая прекрасная живопись! Всё в плоскости, как ковёр. Он её называл мудро – словом, дело с музыкой связывается. Он был виолончелистом, играл в оркестре в Парижском театре после Харбина, сначала в Париже художником не мог прокормиться. Виолончель и в Саратов с собой привез. Редкий инструмент настолько, что не может потеряться – продал в Театр оперы и балета. Смычок остался висеть в комнате, где жил. Гущин говорил, что должно

тренироваться, упражняться. Как музыкант гаммы гоняет, так и художнику надо делать этюды – это, переводя на музыку... клавиши фортепиано дают разные звуки; живопись – та же музыка, те же ритмы, пассажи, лессировки. Двоиника музыки живописью не сделаешь, а можно сделать только эквивалент, а не подобие (Козача Виталий Фёдорович, староста Саратовского художественного училища 1948 года – времени преподавания Гушиным технологии материалов. 1985 год. – В.Л.).

...нужен мозг... где есть непрерывная цепь от звука к слову и цвету без существующих теперь границ. ...творчество – это неистовое стремление к неведомому. И вот здесь возникает грань двух стихий, когда музыка делает безбрежной гармонию красочных звуков, когда живопись приближает к непостижимым тайнам музыки. (Гущин) (Маргарита Богадельщикова. О Гущине // Журнал «Волга –XXI век». 2007. № 5-6).

...идея синтеза живописи, музыки, поэзии характерна для начала XX века, а опыты её воплощения находим у А. Скрябина, М. Врубеля, М. Чюрлениса. пейзажи...словно слышим веселые, зеленые шумы весны, золотые звоны лета, печальные скрипки осени. МОЯ СИМФОНИЯ...Что слышится в этом оркестре цветов – звуков? Шум и свист ветра (красный), звуки гобоя и виолончели (синий), взывающие песни труб (желтый). Может быть, так следует интерпретировать МОЮ СИМФОНИЮ Николая Гушина?.. последний автопортрет... итог его творческих исканий и духовное завещание нам (Л. Пашкова. 1991).

О взаимовлияниях двух художников говорить не просто. Ясно то, что его не могло не быть. Но как его обозначить, определить?...Юстицкий и Гушин – художники одной группы крови. Познание мира, в котором «всё есть степень» и всё есть «игра материальных сущностей», организованных на ритме и гармоническом согласии. Это искусство философского осмысления мира, несущее идею Космоса и Бога. Своеобразие этого понимания каждым – вот задача для исследователя. Но эта тема – предмет для специального исследования (сказать как-то не обидно) (Пятницына. 2000).

1948 год

...Серьёзный упрек райкому за забвение политической работы среди художников... (Саратов. Газета «Коммунист». 25 февраля).

...Крупнейшие недочёты в деятельности художников... (Саратов. Газета «Коммунист». 9 марта).

...устаревшие книги... «История русской живописи» А. Бенуа, пятитомная история русского искусства под редакцией И. Грабаря (в особенности том, посвященный русской скульптуре, написанный Врангелем), «История русского искусства» В. Никольского, содержат оценки русского искусства не только неверные, ошибочные, но и порою дышащие враждой и ненавистью к русской демократической живописи (Редакционная статья. Искусство на службу народу // Журнал «Искусство». 1948 г. № 2).

...Ясные, гармоничные по своему духу человеческие образы недоступны искусству Врубеля. Неприятие мира, отрицание гармонии и красоты мироздания, внутренняя опустошенность и тоска Демона выражают у Врубеля существенные черты мирозерцания и морали декадентства. ...В произведениях В. Э. Борисова-Мусатова нашли своё выражение романтика старого, уходящего мира, настроения упадка и увядания, столь характерные для декадентского искусства. ...От его грустных, мечтательных женщин в кринолинах и локонах веет холодом могилы. Начав с импрессионизма, художник перешел затем к мистике, к символизму. ...Реакционные упадочные настроения буржуазной интеллигенции 1907–1910 годов особенно ясно отразились в произведениях художников-декадентов, выступавших на выставках «Голубая роза», «Венок», «Салон Золотого руна». Престарелый В. Стасов продолжал клеймить новое течение в декадентстве... «...смысл и жизненная

правда не обязательны... ещё важнее... для декадента забота о красках. Картина служит у декадента всё более для проявления именно каких бы то ни было сочетаний и сопоставлений их... ..всех обогнал Павел Кузнецов, этот из декадентов, кажется самый безнадежный. Сквозь его ужасные холсты не пробьётся уже ни единый самомалейший луч смысла света...»...русские художники – декаденты пришли в конце концов на поклон к новейшей французской живописи, наиболее последовательно осуществившей лозунг «Искусство для искусства». Сезанн, Матисс, Пикассо становятся богами в глазах нового поколения декадентов. ...Великая Октябрьская социалистическая революция принесла обновление искусству. Она поставила его на службу народу (А. И. Зотов. Борьба двух направлений в русском искусстве (конец XIX–начало XX века) // Журнал «Искусство». 1948. № 3).

...Формализм является законченной буржуазной реакционной системой взглядов на искусство... он является целиком враждебной системой, сущность которой так вовремя вскрыта постановлениями ЦК ВКП(б) (Иогансон. Основные задачи художественного образования. Вторая сессия АХ СССР. // Журнал «Искусство». 1948 год. №4).

Май ...В Московском художественном институте воспитанием молодежи занимаются малоопытные, недостаточно квалифицированные педагоги, люди ярко выраженного формалистического направления. Таковы А. Осмеркин, А. Матвеев и др... педагоги в этих учебных заведениях прививают молодежи вредные, антинародные влияния. Как указали в своих выступлениях лауреаты Сталинской премии Е. Вутевич и З. Азгур, педагог Матвеев за 30 лет не выпустил ни одного ценного мастера. Его программа преподавания представляет собой, по выражению Е. Вутевича, «шамаństwo» и изобилует такими понятиями как «скульптурное видение», «способность объёмно-пластического видения» и т. п. В Ленинградском институте создано такое же положение, как и в Московском... Там господствует группа последователей и учеников Матвеева, ставших уже педагогами (Закрылась сессия Академии художеств СССР. ТАСС.Газета «Правда». 29 мая 1948 г. № 150 (10891). – СГХРМ. Архив. Фонд Леонтьевых. Опись 1, ед.хран. 42. 5).

Сентябрь-ноябрь

Читал курс технологии и художественных материалов в 1948 году. Гуцин. Ответ на графу в анкете. (СГХРМ. Архив).

В самом гуцинском характере было заложено учительство (Пятницына). Обрели учителя европейского уровня...невиданное и опасное пророческое вольномыслие. Магия свободы. Романтик и мистик убеждённый (Краснопёрова. Обсуждение каталога выставки ФОРМУЛА ЦВЕТА. 1993 год. 6 июня).

...Гуцин учил писать непременно сразу всё, чтобы в любое время прерванная работа выглядела во всех частях одинаково законченною. Всё время следить за общим... Общее, общее – вот к чему надо стремиться. Идти не от анализа, а от синтеза. ...Он говорил с огорчением: чем ближе к нашему времени, тем меньше художники знакомы с законами изобразительного искусства, которые в любое время и при любом новаторстве отменены быть не могут (Альдона Ненашева. Воспоминания о Н. М. Гуцине // Журнал «Волга». 1988. № 7).

«Гуцин согласился позаниматься с несколькими студентами». «Занятия продлились недолго по независящим от Николая Михайловича и от нас обстоятельствам» – пишет Ненашева в 1987 году, и даже по прошествии стольких лет обстоятельства эти не называет (Пятницына. Художники круга Гуцина // СГХМ им. А. Н. Радищева. Материалы и сообщения. Выпуск 7. – Саратов. 1995).

Коллективное письмо – донос ОБКОМУ ВКП(б) – преподавателей СХУ о невозможности воспитывать советских студентов французскому репатрианту-эмигранту – Гуцин уволен, в Радищевском музее работать реставратором оставлен. (Дурак я, дурак – подписал письмо! Щеглов. 1962 год. – В.Л.).

Ноябрь

...В среде художников города живучи ещё ложные понятия о «свободе» творческого развития личности художника, стремление отгородить искусство от политики. Эти противоречащие марксистско-ленинскому мировоззрению положения насаждались в Саратове на протяжении десятилетий несколькими поколениями формалистов и «голуборозовцев» – представителей реакционных течений в искусстве. ...До сих пор ещё такие художники, как Б. В. Миловидов, И. Н. Щеглов, В. К. Данилов только снисходительно признают «некоторые» достижения в творчестве идейно-реалистического направления «передвижников», но преклоняются перед Борисовым-Мусатовым и с большим удовольствием смакуют «живописные достоинства» произведений Сезанна, Матисса, Ван-Гога и других «левых» художников Запада. ...Безыдейность, бессодержательность, вялость и малограмотность произведений отдельных саратовских художников – наследие и формализма и других извращений в искусстве, долгие годы существовавших в Саратове и, в частности, в его художественном училище (Г. Кожевников. О Саратовских художниках. Газета «Коммунист». 27 ноября 1948 г.).

Декабрь

Декабрь, 5. В СГХМ открылась выставка произведений Саратовских художников. Представлено 117 произведений, 30 художников. Издан каталог: «Каталог выставки работ саратовских художников». Газета «Коммунист». 1948.

...Экспонент Юстицкий: 1) ЗИМНЕЕ УТРО. Х. М. 63х47; 2) ПЕЙЗАЖ. Х. М. 46х37. Экспонент Гуцин: 1) ГОЛОВА ДЕВУШКИ. Х. М. 50х40; 2) ГОЛОВА МУЖЧИНЫ. Б., кар. 45х34.

ФРАНЦИЯ В ОГНЕ (ПРЕКРАСНАЯ ФРАНЦИЯ) – по каталогу ГОЛОВА ДЕВУШКИ – ...сравнительно небольшое полотно вызвало острый интерес у студентов саратовского художественного училища. Её обсуждали, и кто не успел посмотреть работу, срочно отправился на выставку... Всё поражаало в этом произведении – романтическое настроение вещи, необычная живопись и манера исполнения. Картина была написана в технике лессировки, манерой старых мастеров, которой никто не пользовался в нашем окружении. Была необычной и фактура полотна – то гладкая, то резко шероховатая, комочками краски. Общее впечатление от цвета светящихся рубинов (Альдона Ненашева...).

О Гуцине, вспоминая 1948 год – ...дамский угодник. Экстаз, экспрессия, всполохи цвета! Наконец-то!! И у нас в Саратове!!! Появилось!!!! – заслуженный артист РСФСР, Народный артист СССР, солист Театра оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского Серебровский Глеб Владимирович (Рассказ его вдовы: балерины и балетмейстера Серебровской Любови Алексеевны. 1995 год).

Такие люди были всегда, есть сейчас и будут. Мы должны быть счастливы, что нам на пути встретился... я знала хорошо Гуцина... и сейчас на выставке прошлое вернулось – жизнь прекрасна! (Серебровская. 2000. Обсуждение выставки «Два имени, две судьбы: Гуцин – Аржанов» – В.Л.)

...появившись в Саратове в 1947 году, оказался в центре всеобщего внимания – словно в свете прожекторов. ...приобрел здесь друзей – круг общения Гуцина в Саратове был довольно широким: музыканты, врачи, преподаватели вузов, художники, искусствоведы, артисты, вдохновляющие его модели и восторженные почитатели таланта. Его загадочная биография, его трагическая судьба, его искрящаяся свергающая живопись. В творчестве Гуцина они находили то новое, что представлялось им прорывом к искусству будущего: ослепительная мощь колорита, живописная маэстрия, энергетическая сила произведения. Магнетизм его личности притягивал самых разных людей, он же умел разговаривать с каждым на понятном собеседнику языке: с бакенщиком на Волге, профессором Университета и курирующим его чиновником от искусства (Пятницына. Памяти Николая Гуцина и Валентина Юстицкого. Около 2000 г. Рукопись).

...в Саратов... было и несколько честных художников, не пятнающих себя конъюнктурой – график Александр Скворцов, живописец Иван Щеглов. Но они жили разрозненно, каждый сам по себе:

советский человек был выучен, что там, где собирается больше двух, власти непременно мерещится заговор, и рекомендация Щедрина «не высовываться» была взята на вооружение. У Гущина перед ним было то преимущество, что он при советской власти не жил, от ночного стука в дверь не вздрагивал, к черным воронкам не прислушивался, постановлений партии и правительства по вопросам искусства не изучал и не посещал вечерней партийной школы. Он приехал в сталинскую Россию внутренне абсолютно свободным человеком. И хотя очень скоро понял, что приехал в страну тоталитарного режима, уже ничего не могло изменить в его внутреннем строе. Он остался и всю жизнь оставался человеком, с гневом воспринимающим даже легчайший признак насилия над собой (Наталья Свищева. Противостояние. Газета «Богатей». 2000. № 1(65) – 3(67)).

Творчество Валентина Михайловича крайне разносторонне и выявлено им было в различных течениях. В последний период он много работал в поисках живописной формы, красочной насыщенности, фактурных шумов, ритмического звучания. Содержанием его произведений – было: литературные мотивы как напр. 1) «Въезд Дон Кихота», мифологические темы: «Триумф Венеры» 2) романтика: «Бал в Версале», «Бал поэтов», «Паяцы», «Гимн юности» 3) 18 век во Франции – век кавалеров и дам: маскарады, встречи в Парках и т. д. Параллельно работал в области портрета.. Натюрморты... (Гущин (без даты), его почерк, хранится у Л. В. Пашковой, поступление от А. В. Юстицкой, 2007).

Юстицкий поразительно не советский художник. Он с великолепным пренебрежением проигнорировал все внешние приметы советского строя и был совершенно чужд его натужному оптимизму... Как подлинный художник, Юстицкий чувствовал высокий божественный смысл Игры. В послелагерные годы это чувство не только не исчезает, а напротив, обостряется. Подобно артисту, проживающему, как свою, множество жизней, Юстицкий оказывается «свидетелем» то бала в Версале, то въезда Дон Кихота в Саламанку, то прогулки галантной пары из какого-то XVIII века... композиция «Арлекина» восходит к Ватто... один из участников бала в Версале – Бодлер (Н. Свищева. Свободные фантазии Валентина Юстицкого. Газета «Саратов». 1992).

Юстицкий. Ничего не боялся. На собраниях всегда выступал – Вы не художники! – сидят, молчат: все его ученики. Один Гуров препирался – охотно! Мы подружки – с женой Оксмана: она на собрания ходила, чтобы Гурова слушать... интересно слушать (Н. В. Огарева. 2001 год).

Вранье! Не может художник проповедать то, что не исповедует! – реакция Юстицкого на рассказ Аржанова: Миловидов привёл студентов художественного училища в Радищевский музей и возле французов говорил – От Добиньи идите, от Монтичелли не идите (Солянов).

На заводе «Комбайн» вёл занятия Юстицкий – в проверяющей комиссии запомнил Бадакву, в белой рубашке, как глиста! Разоблачённого Юстицкого уволили. Маркушин, староста ИЗО-кружка на заводе «Комбайн».

1949 год Советский Союз стал оплотом мировой цивилизации. Его культура и искусство – самые передовые и прогрессивные во всём мире. ...Советское искусство росло и развивалось в жесткой борьбе с формализмом, в существовании которого выражается чуждая, враждебная советскому народу буржуазная идеология. ...группа критиков, безродных космополитов, занималась охаиванием лучших произведений советского искусства...подлое, циничное низкопоклонство перед Западом... Вопиющее низкопоклонство... и враждебные нам стремления увести...от современности... Мы будем критиковать свое искусство с позиций борьбы за это искусство, за его рост, за его совершенствование (В. Завьялова. Об одной антипатриотической группе театральных критиков. 1949 г. СГХМ. Архив. 361(1). № описи 4. ед. хр. 25).

...Заключенными в те далекие годы были построены и такие объекты, о которых сейчас мало кто знает или помнит. В 1950 году в Сталинграде, в том месте, где брал начало Волго-Донской канал, на берегу Волги был насыпан исполинский земляной курган, на вершине которого была установлена гигантская бронзовая скульптура Сталина высотой около 100 метров... В то время это было самое грандиозное сооружение в Европе, с ним могла сравниться разве что американская статуя Свободы, установленная при входе в нью-йоркскую гавань... Скульптура, по мнению придворных архитекторов и политических подхалимов, олицетворяла благодарность советского народа великому вождю и учителю... Памятник живому вождю простоял недолго, в 60-х его снесли... (Дмитрий Яковенко. Осуждён по 58-й // Журнал «Звезда Востока». 1989. № ?).

...в пятьдесят четвертом году, после смерти Сталина, у меня в кабинете дома появилась повисшая мне фотография Сталина, снятая со скульптуры Вучетича на Волго-Донском канале, – сильное и умное лицо старого тигра... эта фотография нравилась мне (Константин Симонов. Глазами человека моего поколения // Журнал «Знамя». 1988. № 4. С. 120)

В. Ф. Завьялова назначена директором Радищевского музея: из экспозиции выведены картины Борисова-Мусатова, Павла Кузнецова.

В Областной комитет ВКП(б). Отдел агитации и пропаганды. Тов. Ключникову. **Докладная записка о состоянии творческой деятельности художников города Саратова.** Состав комиссии: Завьялова В. Ф. Директор Р. М. – председатель. Селькин В. А., Иванова-Каргополова А. М., Бородин А. И., Миловидов Б. В., Шуйский Е. М., Боровиков Г. Ф., Точилкина В. Ф.

Саратовская действительность... отражается саратовскими художниками совершенно неудовлетворительно... Торпливость в работе, увлечение живописностью в ущерб содержанию (Щеглов), декоративная слащавость (Палимпсестов), отсутствие достаточной серьезной проработки природы и человеческого характера (Кулагин) – все эти качества, отличающие работы саратовских художников, далеки от подлинных принципов социалистического реализма. В среде саратовских художников есть пережитки формалистического, буржуазно-эстетствующего отношения к искусству... О Миловидове – Это путь формальный, путь эстетствующего художника... В творчестве художника Щеглова И. Н., Миловидова Б. В., Севастьянова, Грицкова, Мощенко, Жукова и др. продолжает ещё жить импрессионистическая трактовка цвета, давно уже осужденная советской художественной общественностью и сейчас окончательно разоблаченная как проявление буржуазного эстетства в советском искусстве. Художник-пейзажист Щеглов, написавший в реалистической манере пейзаж под названием «Казанский взвоз», вместо того, чтобы закрепить достигнутые результаты, написал следующий пейзаж «Крутец», а затем «Колхозный огород» совершенно в духе импрессионизма. Саратовские художники выразили одобрение двум последним вещам и очень сдержанно отнеслись к первой...

Молодой художник Жуков М. П. – недостаточность в замысле картины и отсутствие тщательной работы над композицией, рисунком и формой, прикрываемой хлесткой формалистической трактовкой цвета... На собраниях Союза художников и особенно на собраниях Товарищества отдельные художники часто присутствуют в нетрезвом виде и выступают в таком состоянии, особенно этим отличаются художники Жуков, Русецкий, Салтыков, Грицков, Калачёв и друг... Как профессиональный уровень многих из них (Калачёв, Бобров, Протоклитов, Асеева, Грицков и друг.) так и, особенно, общеобразовательный, крайне недостаточен... Подавляющее большинство членов Союза, так же как и членов Товарищества, имеют только среднее специальное образование, причём большинство из них учились в Саратовском училище в те дни, когда там подвизались формалисты во главе с ныне живущим в Саратове художником Юстицким... Подписали: Боровиков, Точилкина, Селькин, Завьялова, Бородин, Шуйский, Миловидов (с замеч.) (СГХРМ. Архив. Фонд Завьяловой. № 361 (1), № описи 4, ед. хр. 24. Орфография докладной записки сохранена – В.Л.)

В Областной комитет ВКП(б). «...Все работы художника Щеглова отличаются незаконченностью, сырой манерой письма, этюдным подходом к решению темы; это чувствуется даже в картине «Выходной день на Волге». – Суслов Д. С. Председатель правления Всекохудожник». ...из письма Председателя правления «Всекохудожник» Сулова Д. С. Председателю правления Саратовского товарищества «Художник» т. Замятину А. К. от 29 ноября 1949 г (В. Завьялова. 26 декабря. 1949 г. СГХРМ. Архив...).

1950 год

Февраль. Графа: Полное наименование выставки с указанием характера её: Персональная выставка И. Н. Щеглова (закрытая). Открылась 20 февраля. Закрылась 1 марта. Графа: Количество дней работы. 5 дней. Графа: Число посетителей. 200. (Отчёт о деятельности музея имени А. Н. Радищева за 1950 год. СГХРМ. Архив. Фонд № 369. Описание № 2. ед. хр. 225).

На обсуждении Гуров критиковал картину Щеглова «Уборка урожая» (1931 год, другое название «Перевозка урожая» – **В.Л.**) – Порода дерева – какая порода? Пятна цвета. Что за деревья? Мы же ими отапливаемся! (Солянов.)

25 мая. Обсуждение выставки работ Саратовских художников за 1950 год. В. Ф. Завьялова, директор Радищевского музея – *Ивана Никитича Щеглова на этой выставке не принимают... его вещи не принимаются... с точки зрения идейного плана. Всех удивляет его ВОЛГА В ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ в таком дореволюционном антураже... у нас набережная появилась, а мы все старое вытаскиваем... Как много художник Щеглов употребляет краски. Почему не получается реальной формы при таком обилии краски? ...давайте, поставим перед собой определенную задачу во всей ее остроте. Что же это такое с точки зрения помощи строительству социализма и коммунизма? В какой степени художник организует сознание трудящихся нашего Союза на борьбу за быстреее построение социализма и коммунизма?...*

...Художник Серов замечательный живописец. У художника Серова есть замечательные вещи: ДЕВУШКА, ОСВЕЩЁННАЯ СОЛНЦЕМ и ДЕВУШКА С ПЕРСИКАМИ. Но если мы поставим перед собой вопрос – должны ли мы так высоко ценить эти вещи? Не должны. В этих вещах, при всем своем замечательном мастерстве, художник Серов вставал на путь безидейного искусства...

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ.

Тов. Фиников – Почему Кузнецова спрятали?

Тов. Завьялова – *Здесь происходит одна очень серьезная ошибка в представлении о вещах у ряда товарищей. Товарищи думают, что жизнь переоценивается. Пройдет двадцать, пять-тридцать лет и Матисса вытащат. Нет. ...Произведения искусства, извращающие действительность, не являются произведениями (являются ли они вещами прошлого или настоящего) и никогда они места не получат как достопримечательности искусства (В. Завьялова. СГХМ. Архив. Описание № 4, ед. хр. 31).*

1951 год 20 февраля. Обыск и арест Ивана Никитича Щеглова.

Следователь показал мне записку в ладонь величиной за подписью Гурова – прошу обратить внимание на художника Щеглова, избегающего писать портреты рабочих и колхозников. Щеглов. 1962 год. (**В. Л.**)

Дело № 86/51 г. Копия. **Приговор** Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. ...руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР. ...ЩЕГЛОВА Ивана Никитовича, на основании ст. 58–10 ч. 1 УК РСФСР подвергнуть лишению свободы сроком на 10 лет...

1990 год. Оценим общие жертвы страны за 1918–1949 годы. В целом за 1918–1949 гг. погибло около 74 миллионов человек. Общее число умерших за 32 года составило 160 миллионов при средней численности населения 162 миллиона. Сменяемость населения оказалась в 2,5–2,7 раз выше, чем в Западной Европе. В таких условиях не могло быть и речи не только о развитии, но и о сохранении традиций и культур (Олег Лебедев. Перечёркнутая Россия // Журнал «Век XX и мир». – 1990. № 2. С. 5–7).

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ СССР

Сталинская Россия – едва ли не типичная традиционная докапиталистическая деспотия...выступления профессора Г. И. Куницына...коллективизация, впервые в советской официальной печати, трактовалась не как «извращение ленинского кооперативного плана», а как возрождение барщинного хозяйства. ...был сделан решительный шаг к научной модели сталинского режима в общем контексте отечественной и мировой истории. ...заключенные в лагерях не имеют ни собственности, ни семьи, их жизнь и смерть находятся в полном распоряжении новоявленных рабовладельцев в лице системы ГУЛАГа. Более того, нельзя не отметить, что рабство становится серьезной силой в экономике, оно распространяется на значительную часть населения и самые разные отрасли не только материального, но и духовного производства; вспомним «шараги», где трудились рабы-ученые.

Такой реалистический взгляд позволяет дать ответ на многие вопросы, кажущиеся до сих пор сложными, чуть ли не мистическими. Возьмем, например, проблему «необъяснимой» сталинской жестокости, выразившейся в осуждении на каторжные работы и смертную казнь миллионов людей, заведомо ни в чем не виноватых даже по сталинским меркам (в том числе женщин и малолетних детей). Психическая патология? Но вспомним, что рабовладельческий сектор, раз он существует и развивается, нуждается в постоянном притоке свежих человеческих ресурсов, ибо производство без материальной заинтересованности, основанное на самой примитивной технологии и организации труда, экстенсивно по самой своей сути (И. Смирнов. История с историей // Журнал «Знание–сила». 1989. № 6. С. 90–93).

...СРАВНИМ ПОТЕРИ ПЕРВЫХ НЕДЕЛЬ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ С ПОТЕРЯМИ ВЕРМАХТА В ПОЛЬШЕ (сентябрь 1939 г.) и ФРАНЦИИ (май-июнь 1940 г.).

ВОЙНА В ПОЛЬШЕ: 14 тыс. убитых и пропавших без вести, 30 тыс. раненых, общие потери – 44 ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК.

ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ: 45 тыс. убитых и пропавших без вести, 111 тыс. раненых, общие потери – 156 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК.

Эти цифры взяты из известной монографии Типпельскирха. По уточненным данным, представленным в столь же хрестоматийно известной работе Мюллер-Гиллебранда, в Польшу Вермахт потерял безвозвратно 17 тыс. человек, а во Франции – 49 тыс. человек.

...К концу сентября 1941 г. Красная Армия только в ходе семи основных стратегических операций потеряла 15 500 танков, 66 900 орудий и минометов, 3,8 млн единиц стрелкового оружия...

...КРАСНАЯ АРМИЯ ПОТЕРЯЛА В 1941 г. КАК МИНИМУМ 8,5 МИЛЛИОНА ЧЕЛОВЕК.

...ЦИФРЫ ПОТЕРЬ ВЕРМАХТА: – 19,8 тыс. убитых и пропавших без вести; – 44,3 тыс. раненых. Итого: 64 ТЫСЯЧИ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ (Марк Солонин. Простая причина великой катастрофы // 1941. Великая Отечественная катастрофа. Итоги дискуссии. - М.:Эксмо, 2009. С. 56).

*СТАЛИН ХОТЕЛ ВОЙНЫ ...Сталин, как и любой другой человек, имел право на ошибки. Но их количество и систематичность говорят о том, что ему все сходило с рук. С него некому было спросить... ..для него было все равно – потерять тысячу или сто тысяч, миллион или десятки миллионов человеческих жизней. ...Лишь трое из каждых ста, ушедших на войну ребят 1921–1924 гг. рождения, остались в живых...Но мы все таки победили...в войне, которая началась неожиданно, внезапно. **Неожиданно? Внезапно?** Так многие годы твердили нам... Война была неожиданной для народа, внезапной для тех солдат, которые служили и умирали на западных рубежах нашей Родины, но не для Сталина...В справке, подготовленной 23 мая 1941 года на основе материалов Главного управления погранвойск, говорилось о том, что только на территории Восточной Пруссии и в оккупированной Польше уже было сосредоточено 70 пехотных, 8 моторизованных, 10 кавалерийских, 5 танковых дивизий, 3 авиасоединения, 65 артиллерийских и других спецчастей, что из Германии прибыли на пограничные станции железнодорожные служащие на должности начальников и де-*

журных станций, находящихся на...территории СССР, прибыли даже **паровозы, могущие ехать по широкой колее.**

...Все знал Сталин, но **ничего не сделал для предупреждения внезапности нападения...**

«Великий стратег» оттягивал приведение войск в боевую готовность **умышленно...** для того, чтобы Гитлер, конечно, хорошо осведомленный о том, что наши войска в приграничных округах не готовы к боям, не струсил...и не отменил вторжения.

Делал это Сталин потому, что **хотел войны...** Сталин был уверен в том, что мы сильнее, что мы победим. ...начать войну Сталин не мог. Он не хотел выглядеть в глазах мировой общественности агрессором, как это было во время войны с Финляндией. ...у нас к этому времени уже была призвана значительная часть резервистов, медицинский персонал, а многие заводы перешли на выпуск военной продукции. В Сибири и на Урале еще в мае погрузили в поезда пять механизированных армий. Воинам этих армий не разрешалось отходить от вагонов, а в то же самое время на границе командиры получили отпуска. По всей стране, как обычно летом, войска находились в лагерях, на границе – в казармах. В далеком тылу практически повсеместно войска проводили боевые стрельбы, на границе не были заняты огневые позиции.

...Ужасная по своим последствиям кажущаяся противоречивость поведения вершителя наших судеб в тот период на самом деле была его жестокой хитростью, маневром, направленным на развязывание войны. Но Сталин тщательно скрывал это от народа, армии и даже от ближайшего окружения, так как считал, что в политике никому доверять нельзя...Сталин обрекал миллионы советских людей на гибель. Подтверждением тому могут служить и Заявление ТАСС от 14 июня 1941 года, которым открывалась зеленая улица для «внезапного, вероломного, неожиданного» нападения врага, и расстрел одного из главных свидетелей преступлений Сталина – генерала Павлова, многократно просившего разрешения занять укрепления вдоль границы...

...3 июля 1941 года... Сталин явно проговорился, высказывая сокровенное: Германию признают страной **нападающей**, а СССР, следовательно, **обороняющимся, то есть ведущим СПРАВЕДЛИВУЮ войну. В ЭТОМ СУТЬ ДЕЛА.** ...Сталин и Гитлер, действуя каждый в соответствии со своей теорией, были уверены в победе. И война, которой, если бы народы знали правду, могло и не быть, началась. Она стала величайшим преступлением в истории человечества.

...война Сталину была нужна... зачем?...Массовые репрессии, подготовленные и развязанные Сталиным в предвоенные годы, не имеют себе равных. Они унесли многие миллионы человеческих жизней. Это был самый настоящий геноцид своего народа...чтобы скрыть свои преступления, удержаться у власти да еще быть «великим учителем народов», надо было переключить внимание всех и вся на что-то другое, ещё более впечатляющее...что-то действительно грандиозное, что сразу заслонило бы собой все вчерашнее. Война... для него... была желанной. ...Сталин явно мечтал о славе великих полководцев. Будучи Генеральным секретарем ЦК, обладая всей полнотой власти, он возглавил Государственный комитет обороны, Народный комиссариат обороны, назначил себя Верховным Главнокомандующим. Он присвоил себе звание маршала, Героя Советского Союза, а затем и генералиссимуса....Война...нужна была Сталину еще и для собственного прославления. А за все это расплачивались кровью и жизнью миллионы людей (Петр Петрушин, ветеран Великой Отечественной войны. Сталин хотел войны // «Новая газета». – 06. 05. 2009. № 46. С. 16–17).

СССР. Источниковедение замещено идеологическим комментарием

А извитая как спираль –
по положенью и по праву –
её величество – мораль! –
шипя, цедит свою отраву.
Ярыгин

...в нашем образе жизни отражается сущность социалистического строя. В советском человеке воплощены ценности такого масштаба, которых не могло достичь ни одно общество до социализма

(Олег Феофанов. Западный образ жизни и реклама // Журнал «Молодой коммунист». – 1976. № 7. С. 38).

Коммунизм – это великий и не потерявший глобальной актуальности проект, исторически обусловленная ипостась предельно амбициозного гуманизма, победившего антигуманную нечисть (Сергей Кургинян. Медведев и развитие // Газета «Завтра». – 2008. № 19 (755)).

Зачем была дана команда на уничтожение архивов?

...трудности доступа к источникам, скрываемым с такой тщательностью, как будто бы хранители архивов чувствуют себя соучастниками преступлений (Иерей Александр Мурылёв. Возьми крест свой, и следуй за мною. Предисл. к кн.: Алексей Руфимский. Схиигумения Мария и «Пустынная церковь священномученика Николая (Парфёнова), епископа Аткарского. – Саратов-Камышин-Волгоград, 2009. С.13).

Прошлое – прошло?

Прошедший суровую школу жизни, Гуцин учил выживать, советовал писать к выставкам «приемлемые вещи». Гуцин знал, что такое успех у публики, был готовым к компромиссу в том, что не считал для себя главным. На примере своей жизни показал, что можно быть «не с ними», а жить отдельно, быть защищенным, уметь защищаться. (Солянов. 2000 год. Радищевский музей. Обсуждение выставки Два имени, две судьбы: Гуцин – Аржанов).

Гуцин из Франции просился в Советский Союз: неоднократно обращался в посольство СССР. Возобновив старые связи, в конце пятидесятых предложил Анастасу Микояну подарить Джавахарлалу Неру свою картину ГАНДИ (национальный герой Индии). Одновременно с тем же обратился в Министерство культуры СССР (в просьбе отказано). Без огласки сын Микояна побывал на квартире Гуцина и увёз ГАНДИ в Москву. Не обошлось без конфуза. Коммунальная квартира Гуцина – комната площадью восемь метров – от пола до потолка увешана картинами. Младший Микоян в восторге от живописи хозяина – на выбор гостю предложен подарок. Не одну картину увёз Микоян – два свеженарисованных этюда Чудина (без подписи, весна 1960 года – Чудин и Аржанов писали на даче Гуцина «Марфутка»). И что делать Гуцину? Объяснять гостю – не тем восторгается? Имел Гуцин обыкновение держать у себя дома понравившиеся этюды другого художника – иногда они висели среди его картин, что чрезвычайно льстило, ясен пень. *Возвращая, говорил – исчерпал.* Чудин.

Гуцин взамен предложил Чудину свою работу – на выбор. ВОЛГА. ВЕЧЕР. к.м. 34x23,5. Сумерки, ствол дерева на фоне воды – Гуцин отдавать не хочет – *Вы ещё не готовы воспринять.* Чудин настоял: именно эта нравится, быт не устроен, не может взять на себя ответственность хранить картину размером больше.

Чудин вспоминает, что Гуцин говорил с каждым на том языке, который понятен собеседнику. «О профессиональных секретах» – сообщал только то, что ученик, по его мнению, уже готов принять. Он иногда говорил: – *Для Вас это рано!* (Пятница. 1987 год – запись разговора с Чудиным.)

1987 год РАЗРЕШИЛИ! – первая в Советском Союзе выставка картин Гуцина (умер – 1965 год). Собирал Радищевский музей картины по пятидесяти адресам – от Микояна поступило две работы. Перед открытием выставки идём с Чудиным по экспозиции – *Глянь, Славка, кажется мой этюд! – И рядом твой! Дай им повисеть – потом скажешь... заменят этикетку. Я твой «Стожок» (Омск, Сапожникова) опознал заранее – его не ввели в экспозицию. Про эти твои этюды не стал говорить.*

Гуцин – ЧУДИНСКИЙ ПЕРИОД: летом 1959 года приносит Чудин в музей свои этюды. В Радищевский музей в разное время поступили два натюрморты Чудина и Гуцина 1959 года. У Чу-

дина в полуподвале окна в прямых, потолок низкий: светло солнечным днём – весь свет на полу, там и стоит натюрморт – стеклянные банки с полевыми цветами – *ЦВЕТЫ*. 1959. Картон, масло. 49x65. В 1995 приобретено у автора – Саратов (Ж 3529). Чудин рыжий: красное лицо, синии глаза – живопись в такой же красочной гамме. Под впечатлением чудинской живописи Гуцин поставил натюрморт – цветы в стеклянной банке и написал его несвойственной своему сине-зеленому колориту чудинской красочной гаммой – *ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ (РЕПЕЙНИК)*. 1959. Холст, масло. 44x52,2. Справа внизу: Н. Гуцин 59 г. В 1972 году приобретено у Г. Д. Гликмана – Саратов (Ж 2178). Смотреть оба натюрморта на одной стене интересно, поучительно – и! – невозможно: *ситуативная этика* (Солянов) делает музейный запасник «братской могилой». Неприятие термина Савелий Ямщиков объясняет ситуацией – *...смехотворны ваши зарплаты – приватизация музеев! Рушат культуру – своей нет, глаза доллары застыт. Миллиардер всё купил, а «Надя» Репина в Радищевском музее! Почему не в его доме? Таким Сказал – НЕ ВЕДАЕТЕ, ЧТО ТВОРИТЕ.*

1961 год Я окончил Саратовское художественное училище. Диплом учителя рисования и черчения в средней школе защитил на тройку эскизом картины *В НОЧНОЕ* – лошади бегут... бегут. Учился тяжело. Лишился стипендии после весенней практики на третьем курсе 1957 года – за формализм Просянкин двойку поставил, перенёс зачёт на осень с условием отчисления из училища, если мои летние этюды опять будут неудовлетворительными. Я в недоумении: на предварительном просмотре, тремя днями раньше, руководитель нашей практики Успенский поставил мне за эти же этюды пятерку. Успенский на директорском просмотре – лица нет: виноват я перед ним до окончания века – поросёнок Просянкин не счёл нужным считаться с авторитетом Успенского перед учениками. Валентин Сергеевич Успенский со студентами общался доверительно, остерегал, исходя из своего опыта – *Гуцин? Океан колористических исканий! Недолго и утонуть... Врубель для вас может быть хоть богом, но пусть на работах ваших это никак не сказывается.*

В этюдах Перерезовой Людмилы, моей будущей жены, Просянкин углядел подражание Борисову-Мусатову – много синего (практика берег Волги), зачёт перенёс на осень. Осенью Просянкин поставил Перерезовой тройку (этюды – Лесной посёлок Энгельса: зелёного больше, синего меньше) – перевёл на четвёртый курс: стипендии лишилась – навсегда.

Мне за летние этюды Просянкин опять поставил двойку – *формалист-натуралист, хотя такого не бывает!* – смотрит на меня, смеётся: смилостивился, не отчислил из училища – оставил второгодником на третьем курсе. До окончания училища я с трудом выполнял учебные постановки – не хотел быть формалистом.

Друг наш с Люсей и Чудиным закадычный – Санников Александр, как я, второгодник: искоренял Просянкин его – представителя эксплуататорского дворянского сословия. Мать Сани Елена Пантелеймоновна из семьи Стасовых – что критик Стасов! – более знаменит архитектор Стасов: его собор в честь саратовских ополченцев 1812 года был снесён перед Второй мировой войной. Леонтьев Виктор Владимирович – *...классика русской архитектуры: если бы собор сохранился – советским архитекторам было бы стыдно возводить в Саратове сталинские постройки.* Просянкин как в воду глядел: истинный дворянин, аристократ духа – в постоянной экспозиции Радищевского музея подарок Санникова картина Савинова *АРФИСТКА* (Ж 1535. КП 3257. х.,м., 207x185).

Зачем вспоминаю? На старшем курсе переведён к нам из одесского училища студент – средних лет, сокурсников сексуально взрослее. Легко учится – пятёрки за учебные постановки – занятия пропускает, свои похождения обнародует без матерщины, учитывает женское присутствие-отсутствие. Приходит прощаться: высылает милиция из Саратова в течении суток. Танцевали гольми своей компанией, дверь соседней комнаты открывается – фотографируют: прыгнул в сторону – налицо улики, в смысле яйца собственные крупным планом. Фотографию на память милиция не отдала.

1959 год Общее собрание училища. Товарищ в штатском – Евгений Анатольевич Кузнецов, в дальнейшем замначальника Областного управления культуры: наши разведчики раздобыли пла-

ны американской военщины – в случае войны при атомной бомбардировке Саратов на восьмом месте. Нужно усилить идеологическую работу. Саратов закрывают для посещения иностранцев. Гуров – *...по улицам Саратова под видом реставратора Радищевского музея ходит Гуцин: из Франции приехал, идеологический диверсант. Просянкин – ...надо усилить борьбу с проявлениями буржуазной идеологии. Проникает буржуазная мода. Джаз, рок-н-ролл, девушки в штанах, ребята с длинными волосами – антисоветское поведение. И никаких узких брюк, длинных волос, буги-вуги – исключу стилиягу!* – исключил Колю Горохова с четвертого курса. А уж Гуцин, а кто к Гуцину пойдёт! – исключил Зору Абрамову с третьего курса. А мы – (опять? МЫ?) – ЛОПАТИН, ПЕРЕРЕЗОВА, САННИКОВ только вернулись из Радищевского музея от Гуцина: – *В саратовской семинарии, оказывается, Врубель стену расписал. – Да знаете ли вы, что каждая вещь Врубеля национальное достояние! Эту роспись со стены на холст переведём – не знаете, как это делается? Узнаете – помочь будете: ищите стену!*

Чудин и жена Ира, я и жена Люся с 1959 года совместно снимаем полуподвал у дяди Иры. Виктор Чудин окончил Саратовское художественное училище в 1957 году, я с Люсей еще учимся. Виктору – пока он не познакомился с Гуциным – покровительствуют Просянкин, Бородин, Новосельцев. В училище у Чудина, начиная со второго курса всегда пятёрка по живописи: огорчается Просянкин за своего отличника – *Мало для выставки взяли, Чудин в чемодане остался!* (Чемодан с этюдами я Чудину носил на Выставком). Бородину нравились этюды Чудина – полшутя «секрет» выведывал, как небо писать удаётся. В нашем полуподвале мало света и Новосельцев, пока Чудину не дали мастерскую, предложил свою – советовал от этюдов переходить к картине. К Новосельцеву в мастерскую Чудин принёс свою картину: писать при дневном свете. Мечты сбываются...

Глазам не верю! – Ван-Гог, им нас Просянкин пугает – в ларьке газетном продаётся книга *Жажда жизни*, Ирвинг Стоун. Появились книги о других запрещённых художниках: мы с Чудинным купили *Вентури Художники нового времени от Мане до Лотрека*, Роулэнд *Искусство Запада и Востока*, Ревалд *История импрессионизма. Моне и Буден. Мане и Дега. Писсарро. Кайбот. Ренуар. Сислей. Сёра. Синьяк. Гоген и Ван-Гог. 1855–1886 годы* – *...они были гонимы официальной критикой и презираемы консервативной буржуазной публикой* (Изергина, предисловие).

У Просянкина слово «импрессионизм» ругательство, хуже только «Борисов-Мусатов» и вдруг ввели в 1959 году на курсовом экзамене по истории искусства вопросы по художникам-импрессионистам. Урок истории искусства, разложены вокруг довоенные репродукции картин импрессионистов: голову в дверь сунул Просянкин – *А, раскрепостили!*

Объявлена подписка: пять томов – Пришвин, шесть томов – Эйзенштейн. Три тома Есенин – *чего запрещали?* – Чудин. Продаются книги, подписка свободная – дефицит изобретён позже. Любимый наш магазин «Книги стран народной демократии» – репродукции, книги по искусству. Чудин увлекается открытками, особо ценит дореволюционные, в букинистическом магазине купил монографию «Врубель»: издатель Кнебель, замечательного качества цветные репродукции. Спустя десять лет Алпатов написал в газете – Савелий Ямщиков издал альбом реставрированной «древнерусской живописи» – *качество печати, впервые при советской власти, не уступает дореволюционным изданиям.*

1956–1960 годы

ГУЦИН ОПЯТЬ УЧИТ

В самом гуцинском характере было заложено учительство. Он охотно делился знаниями со всеми, кто готов был его слушать. В реставрационной мастерской собиралась группа сотрудников – Огарева, Пугаев, Петрова (Гродскова), Чернышев, приходили Свищёва, Абрамова Зора. Все хотели учиться рисовать. Гуцин ставил натюрморты, давал советы и указания. У Пугаева – нового научного сотрудника – были заметные успехи в рисовании. А вот новый молодой реставратор Пугачёв

Саша встал в оппозицию Гущину – чем дальше, тем больше... (Ирина Пятницына. 6 июня 1993 г. Обсуждение каталога выставки **ФОРМУЛА ЦВЕТА**).

1961 год Бородин, Председатель Саратовского отделения Союза Художников СССР организовал коллективное письмо художников в ОБКОМ КПСС: под покровительством Завьяловой, директора Радищевского музея, идеологический диверсант, якобы реставратор, Гущин организовал в музее из художников группу формалистов... Аржанов безнадежно испорчен, а за молодого художника Чудина еще можно побороться. *...как-то собрали нас... Бородин тогда был председателем Союза художников...меня...как формалистов...угрозы. А я молодой, толком и не знаю, что такое формализм...Да, прорабатывали...на собраниях...Я им говорю: «Милые, да вы что? Какая абстракция!... Да на женщин посмотрите – они все в абстрактных платьях. Меня-то что – вот их ругайте». Ну, они, правда, расхохотались...*(Сергей Рыженков. Чудин: натура – это палитра. Газета «Авторское право». 1993. № 12).

Новосельцев из своей мастерской прогнал Чудина. Союз художников не даёт работу – Чудин через военкомат завербовался на работу в Польшу (город Лигница, 1961-1965 годы – художник в газете Северной группы советских войск «Знамя Победы»).

ОБКОМ КПСС обязал Завьялову сделать закрытую выставку Гущина, Аржанова, Чудина для просмотра обкомовской комиссией – художники обязаны присутствовать. Чудин «присутствовал» – по наказу Завьяловой рта не раскрывал, за что ему следующим днём «втык» – *...защищаться надо!* Гущин. Итога просмотра Чудин не дождался – наступил срок отъезда в Польшу, туда ему Гущин пишет письмо – *...Была большая возня с предстоящим просмотром работ Обкомом и, главное, томительное и длительное ожидание этого просмотра. Впечатление, вынесенное от работ, было диаметрально противоположно тому, на что рассчитывали доносчики...Помимо всего произошло необычайное событие...В Министерстве Иностранных дел – в Москве мне указали, что помимо художественности данного произведения, сам по себе акт (передача портрета Ганди) является актом Государственного значения. Больше всего я упиваюсь тем, что нелегко будет проглотить такую пилюлю нашим саратовским художникам, которые, вероятно, вынуждены будут, наконец, оставить меня в покое... На предложение Обкома о творческой встрече с художниками Гущин отвечает отказом – *Горечь же свою, что мною потеряны последние четырнадцать лет, что я лишён был возможности заниматься педагогической деятельностью, по настоящему не мог войти в интенсивную творческую работу, а вынужден был ограничиться реставрационной работой в музее – всё это пусть остаётся на их совести. Приписка к машинописи письма рукой Гущина – Прилагаемое письмо в Обком прошу сохранить.* Н. Г.*

1962 год. СООБЩЕНИЕ ТАСС («Правда» 28 января 1962 г.) – от имени Советского правительства подарен премьер-министру Индии Джавахарлалу Неру портрет национального лидера индийского народа Ганди работы саратовского художника Гущина. Из Сообщения (по материалам Министерства иностранных дел, сам не рассказывал – **В.Л.**): Гущин, живший в Монте-Карло (княжество Монако) во время войны, организовал и поддерживал своими средствами «Союз советских патриотов», близок примыкавший к Движению сопротивления во Франции (*награждён медалью* – М. А. Богадельщикова).

31 января – *Сейчас художник Гущин работает над созданием образа вождя кубинского народа Фиделя Кастро.* Подарок саратовца премьер-министру Индии. Саратов. Газета «Коммунист».

6 февраля – Заметка о Гущине, о его подарке – картине «Ганди». Газета «Советская культура».

3 августа – Картина Гущина *С ТОБОЙ, ЛУМУМБА* подарена художником МГУ. Родники. Газета «Советская Россия».

24 августа **Общее собрание Саратовского отделения Союза художников СССР.** Присутствуют: ЧЕРНЫХ – ОБКОМ КПСС, РОДИОНОВА – ФРУНЗЕНСКИЙ РАЙКОМ КПСС, КАРТАШЕВ – секретарь Правления СХ СССР, КУРГАНОВ – Начальник областного управления культуры. Перед началом собрания председательствующий Гуров предложил почтить вставанием

память умершего 12 августа художника Щеглова.

БОБРОВ Борис Павлович, Председатель Саратовского отделения Союза художников СССР (переизбран вместо Бородина Алексея Ивановича, инициатора гонения Гущина) – *Мнение Карташева, информирующего о Радищевском музее, основано на суждениях поспешных и необоснованных.*

ПАЛИМПСЕСТОВ – *О формализме: Секретариат СХ СССР введён в заблуждение.*

БЕЛОВ, поэт – ... Чехов о Стасове, у которого счастливая доля пьянеть даже от помой... Аржанов, Чудин – это честные, очень искренние советские ребята, приближаются к своей творческой зрелости.

ЗАВЬЯЛОВА – *Друзья, братья и товарищи! Предыдущее правление – состояние растрёпанности, раздраженности, атмосфера друг с другом разделиться. Дискредитирование искусствоведов... поговорить о вещах у вещей. Творческие художники должны встречаться с учениками художественного училища. Нужна среда – атмосфера...встреча писателей, художников, искусствоведов, музыкантов. Творческие разговоры...на провинциальном уровне.*

ГУРОВ – *...решение жёсткое, но правильное – недостаток: слишком поздно. И оперативно... но не слишком подсекать – уж очень неожиданно. В отношении абстрактного искусства – у нас его нет, есть отдельные фанатики – Аржанов, не умея рисовать, писать. Мы в корне его пресекли!*

РУСЕЦКИЙ – *...Аржанов, который работает в музее – не художник. У него нет произведений, а то, что есть – мыло.*

АРХАНГЕЛЬСКИЙ – *Прения внутри Союза художников вызваны нашими же товарищами. Коллектив оказался выше их дразн.*

ЛОПАТИН – *...Щеглов сказал – его посадили в тюрьму на 10 лет по доносу Гурова в КГБ. Теперь опять Гуров...*

ПРОСЯНКИН – *...у Лопатина с головой не всё в порядке...*

ЧЕРНЫХ – *Партийные документы... и космонавты – вызвали большой подъём. Участие творческой интеллигенции неоправданно ослаблено. ...о более активном участии художников в эстетическом воспитании. В организации недостаточная сплочённость... товарищеской критики нет, нет принципиальной критики ...замыкаются... активно пропагандировать идеи... (Записал **В.Л.**)*

Общее собрание принимает резолюцию – **В САРАТОВЕ НЕТ ФОРМАЛИЗМА**. В резолюции – собрание с негодованием отвергает клеветнические измышления Лопатина в адрес Щеглова.

Завьялова и Солянов с собрания идут вместе – Неужели Гуров написал донос на Щеглова? Они же работают вместе! – Да прекратите! Тогда все писали друг на друга! А ваш Лопатин, он что – дурак или юридивый?

Секретарь СХ Прокопенко предлагает Гущину вступить в Союз художников. *Сплочённое осиное гнездо – Гущин. Волки сбиваются в стаю – Аржанов.*

В Лианозове мы часа два были у Оскара Рабина, который показал нам свои вещи (что-то среднее между экспрессионизмом и сюрреализмом)...От него мы поехали к его тестю...В крохотной комнате (метров 9) мы находим трех художников (подлинных), супруги – старики и сын лет 45–50. Все абстракционисты. Правда, сам Евгений Леонидович Кропивницкий не совсем «чистый» (похож немного на Ивана Никитича Щеглова, как человек), а его жена и сын – уже безусловные абстракционисты. Сын живёт в городе (мы еще ходим к нему), зовут его Львом. Оказалось, что Николай Михайлович знаком с ними, и у Льва есть две его вещи, но они его называют поздним импрессионистом. (Я смеялся про себя, когда представил Н.М. – как он будет принимать мой рассказ и их характеристику его, ведь он почему-то никогда не хотел сказать, с кем он знаком в Москве). Маргарита Богдельщикова. «...Всё–таки у меня живопись настоящая, а она редкая, когда-нибудь людям будет нужно и то, что делал я, грешный...» (Документальное повествование о художнике Михаиле Николаевиче Аржанове (1924–1981) // Журнал «Волга XXI век». № 7–8. 2007. С. 243–244).

...Пора расширить наши представления о наследии. ...пресечение живописно-пластических поисков лучших художников 20-х годов было пресечением глубоких, исторически складывавшихся традиций искусства – национального и мирового. Пора восстановить в полном значении имена художников, чьё творчество было продолжением этих больших традиций: Петрова-Водкина, П. Кузнецова, Лентулова, Фалька, Татлина, Матвеева. Нужно восстановить искусственно прерванное развитие большого пластического стиля, культуры материала, чем, собственно и было замечательно творчество перечисленных художников, составляющих золотое ядро классики советского изобразительного искусства (Н. Андронов. Живые традиции // Журнал «Искусство». 1962. № 9).

Издана книга: Джон Ревалд. Постимпрессионизм. От Ван-Гога до Гогена (первый полутом). М.–Л.: Искусство, 1962. ...данная монография Ревалда является только первым томом истории постимпрессионизма. О таких больших явлениях, как творчество Сезанна, Анри Руссо, Тулуз-Лотрека, об искусстве художников группы «Набидов» будет говориться в следующем томе исследования (А. Н. Изергина: предисловие).

Выступление Завьяловой на собрании коллектива Радищевского музея – *...известный лабораторный интерес. ...не в плоскости абстракционизма Эрнста Неизвестного... При помощи цвета... объём – Сезанн. Задача рабочего порядка: не в конструктивных решениях, а в тематических... Живописное выражение степеней – эту традицию не продолжают. ...«не выбросить с водой ребёнка».* Эскизно намечен Павлом Кузнецовым...к этим вещам надо присматриваться. Была традиция, мы не поддержали... «бурный разговор» только начался в искусстве. Надо рассмотреть, поднять и продолжить Павла Кузнецова. ...«В чём наибольшая слабость местных художников?». Отсутствие настоящей культуры – живописной и всякой. ...Вальков, Чечнев – за пределами искусства, отрицание искусства как такового... (Записал **В.Л.**)

Вспоминает Солянов слова Гущина – *Пусть теперь останоят!* – *Остановили!* Гущин играет в шахматы с Эмилом Арбитманом, научным сотрудником Радищевского музея. Николай Михайлович под впечатлением посещения Саратова студией Белютина, арендовавшей летом 1962 года теплоход по маршруту Москва – Астрахань и обратно: Гущин студийцами приглашён смотреть их работы, оказавшиеся «абстрактными» – *На Западе художники представлены сами себе, общественное внимание к проблемам искусства на уровне Советского правительства – это хорошо, выступление Хрущёва – это только начало.* Арбитман откликается – *А, по-моему, конец будет самый неинтересный.* Проницательность Арбитмана меня поразила позже, а тогда удивила – потому и запомнилась: сам я в числе гостей Гущина побывал на Белютинском теплоходе – никакого сомнения в светлом будущем.

Э. Белютина знаем по книгам. Популярное пособие для самодеятельных художников – *Начальные сведения по живописи.* (М.: Искусство, 1955.. Тираж 150 000 экз.) Вместе с Н. Молевой автор двух книг о Чистякове – учителе русских художников от Репина до Борисова – Мусатова.

Н. Молева., Э. Белютин. П. П. Чистяков. *Теоретик и педагог* (М.: Изд. Акад. худ. СССР, 1953. Тираж 10 000). П. П. Чистяков. *Письма, записные книжки, воспоминания. 1832–1919. Материалы подготовлены к печати и примечания к ним составлены Э. Белютиным и Н. Молевой* (М.: Гос. изд. «Искусство», 1953. Тираж 10 000).

Педагогическая система Академии художеств XVIII века (М.: Искусство, 1956 г.). Две книги – альбомы о педагогической системе Академии художеств XVIII – XIX веков. *Школа Ашбе* – о связях русского искусства с мировым: репродукции учебных работ – кого бы? – Кандинского!

Готовится к выходу третий том – «Русская художественная школа второй половины XIX – начала XX века», логическим завершением которого были впервые после 1920-х годов воспроизведенные произведения Кандинского, Малевича, Гончаровой, Ларионова, Рериха, Петрова-Водкина (Нина Молева. Баланс столетия. – М.: Молодая гвардия, 2004. С. 450).

Подготовленная к печати *Русская художественная школа второй половины XIX – начала XX века* из типографии не вышла; Молеву из Академии прогнали.

Декабрь. ХРУЩЁВ – «МАНЕЖ»

В ЧЁМ–В ЧЁМ, А В ОТНОШЕНИИ ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ СТАЛИН БЫЛ АБСОЛЮТНО ПРАВ! СЛЫШИТЕ? ПРАВ БЕЗ ВСЯКИХ ОГОВОРОК! (Хрущёв // Нина Молева. Эта долгая дорога через XX век. – М.: Книжная находка, 2003. С. 201).

...«новаторство»...проникло и в среду саратовских художников. Такие художники, как Чудин, например, своими поисками тоже хотели бы «сдвинуть» искусство, но не вперёд, а в сторону от столбовой дорожки. Не этим ли объясняется и то, что в советском отделе музея имени А.Н. Радищева показываются слабые, чисто формальные опыты художника Аржанова и других (И. Новосельцев, член Союза художников СССР. Жизнь – источник вдохновения. Творить для народа. – Саратов. Газета «Коммунист». 1962. 6 декабря).

1963 год

13 января *...Кое-кто из этой братии хотел прикрыться поисками новых форм в искусстве, способных выразить новое содержание, но их быстро разоблачили (А. Кибальников. Встреча Кибальникова А.П. с молодыми скульпторами. Советское искусство создаётся для народа. – Саратов. Газета «Коммунист»).*

Январь Радищевский музей: комиссия Союза художников изымает из постоянной экспозиции Советского отдела картины. Павел Кузнецов – *ЦВЕТЫ. 1939. Холст, масло. 101x78. В 1940 приобретена с 4-й областной художественной выставки (Ж 191)*. Юстицкий – вид Радищевского музея со стороны Театра, из скверика – *ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР. 1949. Холст, масло. 48x64. В 1958 приобретено у З. Н. Юстицкой, вдовы художника (Ж 1332)*. Загоскин – *ПЕТУХ И КУРЫ. Дерево, масло. 28x38. В 1922 от художественного отдела Саратовского губполитпросвета (Ж 215)*. Аржанов – *ЗИМКА. 1957. Картон, масло. 70x54. В 1960 приобретено у автора (Ж 1385)*.

Гуцину так понравился мой пейзаж, что он своими руками повесил его в музейной экспозиции. ...спрашиваю Завьялову: Снимать мою работу? Она удивилась – Зачем? Следующим днём заходит, лицо красное – Вы ещё не сняли свою вещь? Снимите! Пример мрака: руками художников вынесли (Солянов). (Картина Солянова тогда еще не была закуплена Радищевским музеем, однако экспонировалась, 1978 год приобретено у автора. ДУШАНБЕ. ОСЕНЬ. 1963. Холст, масло. 50x69. (Ж 2294) –В.Л.)

Апрель

Глубоко сознавая свой гражданский долг и ответственность перед народом, мы решительно выступаем против бесчеловечного абстракционизма и формализма. Только метод социалистического реализма открывает простор для подлинно свободного творчества, неразрывно связанного с народом, зовущего на подвиг во имя коммунизма. Делегаты съезда (Второй Всесоюзный съезд художников – В.Л.) заверяют в письме Коммунистическую партию и ее Центральный Комитет, что будут свято хранить и развивать великие ленинские принципы партийности и народности искусства, принципы социалистического реализма (ТАСС. Закончился форум художников. – Газета «Советская Россия». 14 апреля 1963).

Собрание Союза художников – Радищевский музей

ГУРОВ – Абстракционисты агентура врагов коммунизма... но народу такое новаторство не нужно... боевое революционное искусство, повышение его роли в коммунистическом воспитании трудящихся масс... требование к бойцам идеологического фронта: быть идейно теоретически гра-

мотным и бдительным. У нас недооценка значения марксистско-ленинской теории... повышение уровня всей идейно-политической работы...непременный успех... ориентирует в обстановке и увидит перспективы...

ЧЕЧНЕВ – Абстракционизм – искусство, которое не нравится народу.

ЧЕРНЫХ – ...новое торжество коммунистической идеологии, сокрушительный удар по буржуазной идеологии... подъем работы по коммунистическому строительству в нашей стране. Наша организация художников Саратова... зрелость, сплоченность – у нас не было проникновения буржуазной идеологии. Но есть недостаток...Фомичев – талантливый художник, рисует... Базарный Карабулак. Зададим вопрос «200 лет назад можно было написать этот пейзаж?»... вот пример отставания от жизни. Технический прогресс... духовный мир советского человека, воспитываемого нашей партией. В борьбе за подъем сельского хозяйства работа художника значительно ослабла. ...воздействие на умы людей. Абстракционизм у нас почвы не имеет, но он будет пытаться к нам проникнуть...ориентироваться на молодежь...о религии – надо подтянуть... как следует воспитывать народ в духе преодоления трудностей. А Фомичев – пейзаж это или натюрморт, я не знаю, но как надо рисовать сейчас скажу...

А ТЫ КТО ТАКОЙ, ЧТОБЫ НАМ УКАЗЫВАТЬ, КАК НАДО ПИСАТЬ? – в противоположном углу зала встаёт художник из города Энгельса (фронтвик – без руки, у Черных тоже нет руки) – в тишине не дождался ответа, вышел.

ЧЕРНЫХ – ...травка, лужайка – всё это можно, но не это составляет главного в нашем искусстве...дважды увеличено производство, одного корда на пять миллионов покрышек, а что мы видим на картине ВОЛГА У БАЛАКОВО: берег, водичка, а что дальше?... баржи. Пройденный этап! **ЦЕМЕНТНИК** Фомичева: портрет слабоват – никуда не зовёт...художники искажают...человеческие черты плохо скопированы – фон даже копируют не так, как надо. Облагораживать, а не обезобразивать...повысить активность...

БОБРОВ. Участник Второго Всесоюзного съезда художников – ...группа Белютина – не видеть успехи страны. Главное – острота политическая притупилась. ...натурализм не в выписанности деталей, а в равнодушии, пассивности...

ГУРОВ повторно выступает – ...ИЗМЫ – это капля в море советского искусства. ...не надо замалчивать наши достижения. Правильно сказал Пластов: «парашютисты» появились и началось брожение среди молодежи... Искусствоведы в формализме повинны, искусствоведы: не остановили ищущую молодежь...«искусство вне политики»: в головах теоретиков очень много путаницы. Пикассо, Матисс – крайне левые, а их не разоблачают... абстрактное искусство – что хочу, то и делаю...если рисовать то, что захочется нам, оставляя нашу прекрасную жизнь – вот Фомичев: лучший живописец, а его **ЦЕМЕНТНИК**? Глаза грустные – это рабочий не сегодняшнего дня, такими были люди до Советской власти...период дореволюционный. Натурализм не только в почерке, а в отношении художника к действительности. ...но ведь Левитан когда жил? Передовой художник должен показывать... надо прекращать эти вещи писать. Главное – это механизация... через искусство показать главное, нарождающееся. А Фомичев – лошади...

ДОКУНИН – В целом художественные организации являются подлинными помощниками партии. ...не те, которые бы хотелось видеть народу. В Саратове на этой выставке сняли картины не потому, что мы не уважаем этих художников, но потому, что они не соответствуют требованиям предъявляемым.

МИЛОВИДОВ – ...1918 год – учился. Всё становление советского искусства прошло на наших глазах...двери были широко открыты для всех, только работай, учись. ...перекрашенные гипсы: ВЕНЕРА красная, АПОЛЛОН синий – мастерская футуриста Константинова. Савинов – горшок, вобла, кусок черного хлеба, спички... те же предметы, прикрепленные проволокой – кубисты, то есть всё превращали в кубистическую форму. Степашкин, Кравченко, Уткин, Белоусов – но многие творили так, как они хотели творить – в результате была потеряна школа. Появились произведения страшно уродливые, слабые по рисунку, по форме... достижения в советском искусстве очень большие, сравнительно с тем, что было после революции. Недостаточно понимаем значение своей школы... Ван-Гог и Маковский – НА СВИДАНИЕ К СЫНУ или НЕРАВНЫЙ БРАК Пукирева...

приелась, надоела, а ведь это сильнейшая вещь по психологии. Идеиная направленность... хоть они нам надоели, но ведь мы их любим, весь народ их любит. У нас глубокое понимание, а там наслаждение жизни – Мане и сам аристократ... они не ценили народ, жизнь его, интересы... Дерен фашистам взялся прислуживать... У нас тоже: вот Соколов-Скаля видит войну – та же тема у саратовца: Неменский ВЫСОТА ВЗЯТА – неправда о войне. И его же картина ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ заставляет думать... картина должна быть понятна всему человечеству. Солдаты нашей партии – художники!

ГРИГОРЬЕВ, участник съезда художников – Встреча руководителей партии и правительства с творческими работниками имеет историческое, политическое и практическое значение. ...выступали 30 человек. Первый день: Михалков – не воспитываем подрастающее поколение... плохие вкусы... книги для детей... эстетическое воспитание детей... Андрей Малышко – ворота, обманные дегтем; прообраз нынешнего абстракционизма. Хренников – ...либерализм. Большой Театр: НОЧНОЙ ГОРОД – вызов всем нашим принципам... увлечение джазом. Двенадцать джазов гастролировали за год. Чухрай – ...кино Югославии... «Но я против недоверия к творческим кадрам». Иогансон – ...неудовлетворительная постановка художественного образования ...пафос отрицания, а нужен пафос утверждения. Пластов – ...старшее поколение должно работать безукоризненно. Петрусь Бровка – «...я очень не люблю мух – всё равно они в варенье залезут» – об абстракционизме. Эренбургу: «Тоска о потерянном, но нет радости о победах...». Эрнст Неизвестный – «...стремиться к простоте, к понятности широкого зрителя, чтобы вскоре меня тоже считали помощником партии».

Второй день: Ванда Василевская – ...свирепствует буржуазная идеология в польском журнале: о журнале «Польша». Вознесенский – «Я, как и Маяковский, беспартийный, я сын народа!»: этого может спасти только одно – скромность... Журнал «Знамя» № 1 за 63 год: «Мы не думаем истреблять таких людей, помочь...» – Хрущев. ...Яшин – «Вологодская свадьба» ...клеветет, выдумал... Смирнов – писатель: критика положения дел и в Московской писательской организации – «Союз писателей работает плохо... воспитываем гнилые нравы, людей...творчество». Налбандян – либерализм... искаженные понятия о демократии: «оттепель» вред нанесла... «широкое письмо» – неряшливо, небрежно... надо быть бдительными в отношении врагов.

Хрущёв – заключительное... в Москве 1500 писателей: «Зачем вам Союз писателей? Одни пишут, другие кричат, демагоги...» Предложение: «Писателей прикрепить к заводам, фабрикам, а не в Союз писателей».

Коненков – «Меня пленило великодушие Никиты Сергеевича».

ДЕМИДОВ – Рост, рост молодых...и более зрелых...Ткаченко: ЧАБАН, Жуков: ДЕВУШКА С ЦВЕТАМИ ...плоты на Волге. Бородин: МЫ ЕЩЁ ВЕРНЁМСЯ, Гришин: НА ПОЛЕВОМ СТАНЕ, Фомичев: МЕЛОВОЙ БЕРЕГ...Давыдов, Кучма, Романов – под единым псевдонимом, как Кукрыниксы – удачно работают. Строительство моста Саратов-Энгельс... Вальков, Осипов, Медведкин. Серость... скука и безразличие, журнал «Художник» – унылое впечатление. Главная беда не в увлечении абстракционизмом и формализмом – не отражаем злободневные темы, несовершенство мастерства, ремесленничество. Однообразие и мелкотемье – изображаем жизнь на задворках...«Пройденный этап?» – тогда не выставляйте их на выставку...герои труда, замечательное время...борьба за подъем сельского хозяйства. ...пропагандировать своё искусство: выставки почаще – поближе к народу...а то только в музее репродукции делать.

МИЛОВИДОВ – зачитывает Проект резолюции... – голосование единогласное. Замечательно! (Записал – В.Л.)

26 февраля. Собрание актива творческой интеллигенции города Саратова

ТОКАРЕВ (директивное выступление) – ...ЦК в общем удовлетворён положением дел в области искусства... В семье не без урода. Одиночки-отщепенцы оторвались от народа... Нет и не может быть свободы для извращения. «Обуздать сумасшедших от искусства... даже при коммунизме» – Хрущёв... Формализм – попытка уйти из-под влияния Союза художников. Официальные

документы – «Художественное училище растеряло опытные кадры преподавателей... преподавание рисунка и композиции носит ремесленный характер»... «Надо закрыть все каналы, по которым проникает буржуазная гниль!» – Хрущёв.

БОБРОВ. Председатель Саратовского отделения Союза художников СССР – ...очень плохо, что у нас в художественном училище молодёжь оберегают, не знакомят...

ИЗ ПРЕЗИДИУМА – О ДЕЛЕ, ПОЖАЛУЙСТА!

Вязовова. Актриса ТЮЗа – Культ у нас уничтожен, но служители его остались. Мозги абстракционистов не повернём. Надо допустить абстракционизм в музеи. О принципиальности в споре... не надо заниматься избиением. Как будет наше искусство развиваться, исходя из этого антиправдивого и античеловеческого принципа?

ПРОСЯНКИН. Директор СХУ – ...демократизм стал широк. Недооцениваем школу... показать правильный путь. Буржуазная мода: появились кафе – столовых мало? Очередь в кафе – на полквартала! – наши студенты штоль? Был Горохов, так мы его исключили! Чудин попал под влияние... Для чего был выставлен в Радищевском музее Аржанов, Павел Кузнецов?...

ЗАВЬЯЛОВА. Директор музея им. А. Н. Радищева – ...исключительное значение... события – это только начало. Преодолели однообразие живописного языка художника... Сражения творческого порядка. Удивительное разъединение отряда творческой интеллигенции в городе Саратове. Жизнь обывателя, а не интеллигента... (Записал – **В.Л.**)

Аржанов в письме размышляет – не уехать ли из Саратова, пока не выслали: «семейное» – отца Михаила, зажиточного крестьянина (держал конюшню, были скаковые лошади) Советская власть искала, чтобы расстрелять, а он упасся, перебегая из одного населенного пункта в другой. Аржанов отпускает бороду – для работы над образом Фиделя Кастро Гущину нужен подходящий типаж. Гущин рисует и приговаривает – *Что красота в искусстве? Жизнь надо претворять в красоту!*

Бесконечная устремлённость. Была бы какая радость, ждать новую вещь Гущина, увидеть её на выставке (Чудин).

...Весь склад мышления Гущина, его живопись, сама его личность представляли страшную угрозу для верховодивших в искусстве тупых ефрейторов. Не допуская его до выставки и к преподаванию, крича о его формализме (как будто их соцреализм не был формализмом чистой воды), они никаких принципов не отстаивали, а лишь боролись за своё существование на уровне животного инстинкта. Ведь в выставочном зале любая из его композиций, любой из его пейзажей или портретов обнажил бы всё убожество их собственных творений. Поэтому его и загнали в подполье (Н. Свищева. Противостояние. Газета «Богатей». 2000. № 1 (65)).

...Гущин ЗАБИРАЛ великолепно. Его не увидели, хотя и показали, хоть и выставка была. Работы его надо осветить...все они делались при электрическом свете, при лампе...Им надо свет большой, они очень так сказать, наполнены тоном. Темные...но они ЦВЕТНЫЕ темные. Дать им свет хороший, он должен быть повыше картин... музей у нас не светлое помещение, кроме того, оно же зашторенное постоянно... а у него действительно МАТЕРЬЯЛЬНОСТЬ. Как мы говорили, как нас учили? – это стекло, бумага, целлофан, у него же матерьяльность – это сущности, как он их называл (Чудин. 1993, 23 апреля. Записала Пятницына).

Игра материальных сущностей может быть содержанием произведения искусства. Игру организует ритмика – линейная, цветовая, фактурная, (объёмная необязательно). Гущин. (1963 год –В.Л.)

Известна картина Гущина РИТМ МАТЕРИАЛЬНЫХ СУЩНОСТЕЙ. 1963 г., к., м. 44x58. Собственность Солоницына А.П. (Ленинград) (Каталог. Николай Михайлович Гущин... № 187).

Гущин называл свои картины как? – Видениями. Из культуры импульса! Так Шуман в цикле «Любовь и жизнь женщины» на стихи Шамиссо превращает тексты в сонаты. И Гущин свои образы переводил в пейзаж, не в качестве мотива, как понимают сегодня художники... Что-то пре-

вратит в пейзаж, а что-то в портрет или автопортрет (Людмила Перерезова).

Художник должен писать то, что видит, но видеть он должен глазами Духа вне света дня и вне света ночи (Гущин. Письмо Солянову. 18/1V – 1964).

Художник пестует судьбу – вне света дня, вне света ночи (Гущин).

...Его увлекала древняя платоновская идея двоимирия в интерпретации философа и поэта Владимира Соловьёва. Гущин всегда пытался проникнуть в сверхчувственный мир высшей реальности, невидимый глазу, постигаемый интуицией, духовным сверхусилием. Соловьёвская мировая душа стала целью его глубинных художественных устремлений. Подобно молодому Блоку, он искал ее в прекрасных, печальных, загадочных образах вечной женственности. Сегодня эти слова звучат странно, порою даже вызывают усмешку (Свищева. Противостояние. Газета «Богатей». 2000. №1 (65)).

...только понять. В наследии Гущина есть несколько произведений, где сконцентрировано и зашифровано некое сокровенное знание о жизни, открывшееся художнику. Содержание таких вещей может быть понято на нескольких уровнях – от реального до мистического, восприятие их организовано художником, вдумчиво рассчитано им. Причем они содержательны на разных этапах восприятия. Его работы многомерны, содержат в себе тайну (Ирина Пятницына. Две судьбы. Размышления о судьбах двух художников, живших в Саратове, Н. М. Гущине и В. М. Юстицком. Рукопись. 2000).

До приезда в Саратов Гущин участник 20 выставок – в основном зарубежных (4 персональных). При жизни РАЗРЕШИЛИ участвовать в Саратове на Областных выставках 1848 года и 1955 года, 1957 год – участник Республиканской и Всероссийской выставок – рисунок ПАРТИЗАНЫ после Москвы было РАЗРЕШЕНО показать в Саратове.

«Гущин своими руками повесил картину» – не свою. Картинам самого Гущина нет места в экспозиции Радищевского музея. Николай Михайлович болезненно переживал ситуацию и, подарив музею в 1959 году свой автопортрет – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД. АВТОПОРТРЕТ. 1955. Холст, масло. 50х42 (Ж 1373), неоднократно говорил, что не хочет давать Радищевскому музею свои картины: мечтал купить дом, сделать в нём мастерскую, повесить картины, чтобы их, наконец то, могли видеть люди и там же могли работать молодые художники.

1987 год – Разрешена через 22 года после смерти персональная выставка Гущина. (Каталог. НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ГУЩИН (1888–1965). К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ / Составитель и автор вступительной статьи Л. Пашкова. – Саратов, 1991).

1996 год. Выставка *Новые поступления в СГХМ* – участник Гущин.

2000 год. Выставка *Два имени – две судьбы: Гущин – Аржанов.*

2003 год. Выставка *Круг жизни и колесо истории. Николай Гущин и Валентин Юстицкий.*

1964 год – от Гущина поступило в СГХРМ четыре картины.

1965 год – шесть картин поступило в СГХРМ – после смерти Гущина.

2011 год – СГХРМ хранит в запаснике 53 (пятьдесят три) картины Гущина.

Картин Гущина не было и нет в постоянной экспозиции Радищевского музея.

ХРАМЫ – ЗАВОДЫ

1960 год. Занятия в училище кончаются – вечером я художник Почтового ящика (П/Я) 68, штамповочный цех № 13 (числюсь учеником слесаря-ремонтника, зарплату прибавили стал сле-

сарем – в трудовой книжке). Дипломная комиссия сочла, что я в трудоустройстве не нуждаюсь. Людмилу Перерезову – мы с ней поженились – распределили художником на завод: цех № 25, П/Я 105 (прославился холодильником «Саратов»). Люся назначенные два года отработала, я цеховой художник до 1964 года: наглядная агитация – диаграммы показателей, объявления, лозунги – *Мы придем к победе коммунистического труда! – Партия торжественно заявляет, нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!* Временные трудности преодолеваем, с отдельными недостатками боремся. Трудящимся моего цеха – *хоть залейся, вот ведь горе какое!* – спиртом хорошей очистки по норме полагается промывать детали. На рабочем месте нет пьяных, за проходной падают: обыскивают на выходе, спирт не вынесешь – выпил, пошёл. Фамилии несунув на проходной висят. Ко всеобщему изумлению – надо ТАК выпить! – 1200 ламп хотел кто-то пронести («6П-12э» – военного назначения небольшого размера лампы не имеют гражданского применения).

Коридор моего цеха: рулонная упаковочная бумага, длина зависит от количества сюжетов – сатирическая газета «Щётка». Утверждённый текст, рисунок – моё усмотрение: групповые композиции, людям нравится, что портретного сходства не делаю – смеются, газету срывают редко. Больше ста номеров вывесил: на заводском конкурсе «Щётка» получила третье место, я – премию «за рационализацию». Мое рабочее место в огромном, собрание всего цеха умещается, Красном уголке. «Щётка» и «Стенгазета» – *Орган администрации, партийной, комсомольской, профсоюзной организаций цеха №13*. В стенгазете мне разрешено рисовать иллюстрации, обязательно заголовки – профиль Ленина (утверждённый образец заслужил исполнить художник Мыльников – ему разрешено получить звание *ЗАСЛУЖЕННЫЙ*). Каждому цеху завода своя стенгазета: среди художников виртуозы – рисуют Ленина, закрыв глаза.

Новости – за рубежом *дизайн*: буги-вуги буржуям мало. Наши художники делом заняты – перед праздниками дня не хватает: на фасад завода – двухэтажные! – портреты, праздничным колоннам флаги, лозунги, макеты гражданской продукции, портреты основоположников марксизма-ленинизма, руководителей Партии, Правительства, руководства стран народной демократии, представителей братских коммунистических партий. П/Я 68 общим забором с двумя другими П/Я: шестьдесят тысяч человек работают в три смены, в праздники собираются к заводу, колоннами двигаются в центр Саратова – навеселе, живая музыка – оркестры (транзисторов на гражданке ещё нет), с повязками дружинники, милиция в центре города.

Наши заводские корпуса – многоэтажные светлые помещения с высокими потолками. Из любопытства пошёл по этажам, некоторые участки перекрыты – *Почему не на рабочем месте? – Художник, смотрю наглядную агитацию.* (пропуск мой – свободный вход и выход). Зиганьшина знаменитая – призываю сдавать продукцию, как она, с первого предъявления – удивила: её участок не на краю света, в нашем корпусе.

Не далеко – долго ехать: П/Я 68 на 4-й Дачной. Одной стороной трамвайной линии стена – Почтовые ящики. После 6-й Дачной, за Поливановкой подземные испытательные полигоны. Однажды тряслась земля: объявили по радио о необычайном для наших мест природном явлении – землетрясении. Подробности кто то рассказал в заводской столовой: трудящемуся дали обед съесть – потом его не видели, осуждали: не знает что говорить можно, а чего нельзя?

2011 год. Почтовый Ящик 68: ограждение снято, возле дороги магазины, конторы, склады – первые этажи завода, дальше от дороги корпуса заводские – храмы Страны Советов: выпотрошены, как города Ельца церкви.

КСТАТИ – ОБ ИКОНАХ

Иконы раскрывают реставраторы московские не по старинке – современными растворителями: монометилцелозольф, веселее диметилформамид – запах приятный, розовеет кожа – удовольствие. Радищевский музей материалы получал централизованно из Москвы – до поры: по-

шла Перестройка, а музей – искать дефицит. Нашли – в Саратове дальний склад, кладовища – *Почему мало берём? Реставраторам рабочее поле нужно небольшое, компрессы ставим, а кому в Саратове диметил нужен, да много? – Почтовые ящики Саратова делали приборы для работы в космосе – изделия в ваннах диметилформамидом промывали. Теперь спрос на продукцию упал, может, музей еще возьмет?*

Упал спрос, да не совсем: пришли в Радищевский музей – вдвоём, удостоверения показываю – космические мастера – *Перестал поступать копаловый лак, а художникам лак тоже нужен, просим поделиться. – Мы сами давно его не получаем. – Может, где-нибудь в загашике осталось, много не надо. – А вам зачем? – Нет клея лучше для работающих в космическом вакууме приборов – остатку лака в старом флаконе рады – годится, нам хватит!*

Реставраторов стандартно предостерегали, но не о том, что диметил ещё и лёгкий наркотик – в СССР наркоманий не было. Аптеки давали эфедрин без рецепта: нам без надобности, покупали Ярыгину – мучился при запахах. Ему в руки эфедрин не давали: Анна Григорьевна, его мать, с фотографией сына обошла все аптеки Саратова. Валентин Акимыч Ярыгин (1920-1970) доброволец-фронтовик, ранен, награждён, политрук, поэт: первая публикация через двадцать пять лет после смерти – старший в нашей компании художников; нас не пускали на выставки, его не печатали – родственные души.

Реставраторы ВХНРЦ им. Грабаря имели дело с древнерусской иконой – многослойные записи, промежуточная тёмная олифа. Работая с диметилформамидом, реставраторы получали несовместимые с жизнью нарушениями сердечно-сосудистой системы. Молодым умер Трофимов Олег – реставратор ВХНРЦ по дереву: собрал денег жене на путевку, сам в Москве остался – ехать не на что. Халтура подвернулась: за ночь стену промыл диметилом, пятьсот рублей утром получил и к жене в Крым поехал (успел рассказать). Его товарищ по работе, Леня Дунаев, ничего не сказал – на рыбалке в отпуске прихватило, через неделю хватились. Жена Леонида Дунаева Наташа, мой научный руководитель по стажированию в ВХНРЦ, дожила до пенсии. У Дунаевой «Богоматерь Одигитрия», икона XIII века (шутила: будет икону до пенсии раскрывать – скальпелем под бинокляром, на отчетных реставрационных выставках икона экспонировалась в процессе реставрации) – новая методика ускорила работу. Николай Кишилов, реставратор Третьяковки, его жена из богатой семьи – ездила часто, привозила в Москву книги запрещенных русских писателей, фильмы по искусству. Фильм о средневековых французских надгробиях с чтением стихов стажерам показывали – запомнилась связь зрения и слуха, скульптуры и поэзии: я не знаю французского языка, как Наташа Свищева, – ей фильм не понравился. Почему не понял, но к Наташе и Михаилу Аржанову отношение без критики – эталон. Радищевскому музею они возродили живое отношение к иконе. Михаил, приезжая к Кишилову, ночей не спал, читал. Несли Кишилову иконы – реставрировать помогал Аржанов, удивлялся: все московские реставраторы считали завершающие реставрацию тонировки творческой работой – *чего на этюды не сходить? Реставрация – наука, не искусство!* Аржанов умер в пятьдесят семь лет. Кишилов машину купил в долгожданной Франции, только бы жить: ему разрешили выехать к жене-иностранке во Францию (француженке-жене можно приезжать в СССР – советскому мужу во Францию нельзя); приохотился к рыбалке – не вернулся – *...преждевременная смерть. До 1977 года* (Савелий Ямщиков).

Работали с неизвестными материалами. Повезло, называется, одному из моего 13 цеха – стекловолокну появилось, украл, правда: радости сколько – утеплит дом – и не жилец, силикоз. От спирта – качественный! – считалось, вреда никакого: единственный непонятный случай – моего цеха сменному мастеру помогли рыть погреб, угостил – один умер, остальные недоумевают, с чего бы. Я должителем оказался – в моем штамповочном цехе ванны с диметилформамидом не стояли, в Радищевском музее у меня, в основном, не раскрытие, укрепление – готовил иконы к приезду в наш музей реставраторов высшей квалификации ВХНРЦ им. Грабаря. Укреплению красочного слоя конца не видно – *нельзя укрепить раз и навсегда* (Аржанов).

Дунаева и Пригородова приезжали в Радищевский музей в командировки сроком на месяц более пятнадцати раз. Радищевский музей, благодаря их бескорыстной увлечённости, первую

экспозицию Древнерусского отдела открыл в 1973 году. Те времена: музей искал способы оплаты Наташе и Ольге, ни в какую! – *нам командировочные идут, сохраняется зарплата по месту работы, получить третью зарплату? Да если узнают!*

Укрепляю осетровым клеем, остерегают с консервантом – избирательно действует: отдельные пигменты меняют цветность – пентахлорфенолят натрия долгое время не считался опасным для человека, в начале XXI века запрещён к применению на всей территории бывшего Советского Союза.

Старые реставраторы ВХНРЦ противились нововведениям. На моей стажировке заседание Реставрационного совета триумфально приняло укрепление по новой методике хронически больной иконы из собора Василия Блаженного – новый директор собора проводил инвентаризацию и потребовал вернуть храмовую икону. Применили экспериментальное укрепление на основе поливинила – удачно: более десяти лет не могли укрепить икону традиционным способом осетровым клеем – левкаса не осталось, вымылся из-под красочного слоя, клей на клей сажают, икона постоит и класть надо, опять отставания от доски.

Сердце и душа Радищевского музея главный хранитель Наталия Ивановна Оболенская – *Лучше всех разбирается в живописи – но! – трусиха* (Щеглов. 1962 год – **В.Л**). Спрашиваю Наталию Ивановну, почему в экспозиции нет икон – *Если был бы Андрей Рублёв, мы бы повесили...* Иконами всех увлекает Аржанов Михаил – *...у него даже слёзы по щекам текут, когда об иконах говорит!* – Григорьев Николай Андреевич. Уже и советы Гушина оспаривает – *Принять и отринуть!* – девиз Михаила: дорожит возможностью рисовать, но не хочет быть советским профессионалом – презирает руковожащие установки, культивирующие лакейские качества художника. «Музейный уровень» искусства – счастье художника держать картины в руках, на них учиться: музей храм искусства, сотрудники музея жрецы – святого искусства. Аржанов и Свищёва жаждут организовать в музее древнерусский отдел – *Какой отдел, зачем, если в экспозиции икон нет. – Вот и нужен отдел, чтобы иконы в экспозиции повесить!* Тридцать лет спустя организовал Радищевский музей отдел древнерусского искусства.

XX век – ПОЗДНИЕ ИКОНЫ

Семидесятые годы – с иконами из научных сотрудников Радищевского музея работает одна Гаврилова – с увлечением: музей планирует выставку собранных икон, на стажировки в ВХНРЦ я везу поздние иконы – приводить в экспозиционное состояние. Реставрационный совет ВХНРЦ утвердил методику – я применил способ раскрытия без диметила, на бычью желчь: Анна Николаевна Баранова, Председатель Реставрационного совета похвалила – *Хорошо, что возвращаются старые приёмы работы.* Мой стол рядом с её столом – Дунаева намеренно стажёров сажала в соседство: Анна Николаевна делилась семейными секретами (хочется сказать *и мне перепало*) – старейший работник, потомственный реставратор. Восстанавливали в пятидесятых годах разгромленные в 1930-м году за антисоветскую деятельность Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ): уцелевшие от репрессий Анна и Елизавета Барановы учили молодых реставраторов – строго, как их самих в молодости. Дунаева сохранила благовоительное отношение к Анне Николаевне, побаивалась по старой привычке: рассказала о командировке с Анной Николаевной в один уральский музей – там и ночевали. **СПАС ОПЛЕЧНЫЙ** лежит – ставить икону нельзя – сыпется краска. Анна Николаевна рукой смешала пересыпающиеся частицы красочного слоя с левкасом – *К утру Лик не соберешь – не будешь реставратором!* Лучший практик темперного отдела ВХНРЦ, мне повезло – такой учитель! – Дунаевой не везёт: ученик я средний. В один прекрасный момент Дунаева запретила мне привозить на стажировки поздние иконы – показатели портит: экспозиционное состояние придал двенадцати иконам за месяц стажировки – годовой план ВХНРЦ десять икон.

Подработка на частных поздних иконах московским реставраторам халтура. Не успевают приводить в порядок иконы Древней Руси – с ними музеи в очередь стоят: Радищевский музей

отвлекает ВХНРЦ на поздние иконы. Любознательной доброжелательностью поддерживает Савелий Ямщиков, Адольф Овчинников – *здесь не помогут!* – рекомендовал консультацию у хранителя иконы ГТГ Елены Федоровны Каменской – *...привезла экспедиция ГТГ поздние иконы XIX века и иконы печатные на бумаге, на жести рубежа XIX-XX веков. Семь лет не знали, что с ними делать. Решили – поздние иконы тоже понадобится когда-нибудь изучать, до той поры сохранить надо. Поставили на инвентарный учёт, как иконы Рублева.*

Надеемся на Каменскую. Нас помнят – Савелий Ямщиков, замдиректора по научной работе ВХНРЦ Карлсен Глеб.

Из решения Реставрационного совета ВХНРЦ № 12 от 25 апреля 1979 года. *...Реставрационный совет подтверждает целесообразность продолжения реставрации поздних икон «крестьянского письма» из коллекции музея, поскольку в результате систематической работы над ними можно будет выявить как особенности художественного стиля, так и этнографическую ценность.* Председатель Реставрационного совета – А. Баранова. Секретарь Реставрационного совета – М. Трубочёва.

Критикуют позднюю икону витиевато и просто – *...всё более изощрённые, порой трудно распознаваемые формы идеологической диверсии. Искусство, лишённое гуманистических идеалов, ассоциируется для нас с самыми тёмными социальными силами: реакцией и религиозным варварством. Материал, предложенный на выставку, приходится считать попыткой нигилистического и песимистического пересмотра гуманистической традиции.* – *Не будет такая выставка пропагандой религиозного мракобесия? – Зачем художественному музею делать выставку малохудожественных культовых вещей?*

Одним из бесспорных завоеваний науки об искусстве последних десятилетий является то, что она спустилась с высочайших вершин, завоёванных человеческим гением, в долины провинциального творчества... (Л.И. Тананаева (цитирует М. Гембаровича). // Сб. «Советское искусствознание». – М.: Советский художник, 1977. Вып. 1. С. 105).

Радищевский музей предполагает создать отдел «народного искусства» из произведений авторов, не получивших профессионального художественного образования. Воодушевляют «старшие товарищи» – издан альбом **НАРОДНОЕ САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО** с репродукциями картин Суворовой-Алфёровой. *Художники-крестьяне, чьё искусство отмечено определёнными связями с фольклорной традицией – их место в интересующем нас ряду определено как раз выходом за пределы этой традиции, постановкой иных творческих задач, самостоятельностью, индивидуальностью художественного мышления. ...более открыто и ярко проявляются у художников-самоучек своеобразие творческой личности, способности создавать глубоко индивидуальный и далеко не элементарный творческий мир. ...этот материал тоже впервые сведён в последовательный изобразительный рассказ... Издание в целом представляет не только увенчанием определённого этапа исследования, но и началом следующего* (О. Герчук. Рец. на: Шкаровская. **НАРОДНОЕ САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО** // Сб. «Советская живопись. 76.77»).

1969 год: приобретены десять картин – Суворова-Алфёрова; одна -Субботина.

1970 год: приобретены три картины – Кошкаров; одна – Купцов.

1976 год: девять картин – Курочкин; одна – Белов.

1977 год: две картины – Христофоров; одна – Терентюк.

1979 год: одна картина – Купцов; чегыре – Васильев.

Областная выставка самодеятельных художников 1965 года в Радищевском музее собрала 400 работ 80 авторов.

Вернувшаяся в музей – пришедшая в 1976 году из Областного дома народного творчества на должность директора Радищевского музея Гродского поддержала идею считать

позднюю икону «крестьянского письма» народным искусством: НЕСМОТЯ НА СОВЕТСКИЙ ЗАПРЕТ ВКЛЮЧАТЬ Икону В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ РЯД. *Лубок да рисунок на донцах прялок, пряничных досках, тусках и т. д. были единственной изобразительной информацией. Других видов изобразительного искусства в деревне не было (мы не касаемся здесь икон, поскольку их функция была совершенно иная)* (Н. Воронов. Народное? Искусство? // Журнал «Декоративное искусство СССР». 1981. №9(286). С.16).

Планы работы Радищевского музея. 1981–1982 годы. Работа по подготовке выставки ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР. *Завершение – III–IV кв. 1983 г. Ответственные за исполнение – отдел учёта и хранения (А. Симонова, Н. Гаерилова).* Основа выставки ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР – крестьянская икона музеев и частных собраний Саратовской области. Участие ГТГ (Каменская – пять поздних икон), музеев Вольска, Хвалынска, Энгельса, Саратовского музея краеведения. Сотрудники Радищевского музея в командировках знакомятся с фондами краеведческих музеев Саратовской области, отбирают экспонаты будущей выставки: живопись, графика, скульптура – современный материал и археологический. Радищевский музей и реставраторы ВХНРЦ приводят в порядок экспонаты будущей выставки.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

1967 год. Термин появился в печати: В. Зименко. Художественный опыт народных умельцев и искания современных живописцев. // Журнал «Искусство». 1967. № 8. С.59.

1975 год. Раздел «Вопросы методологии»: Г.С. Островский. О городском изобразительном фольклоре (К постановке вопроса) // Сб. «Советское искусствознание. 1974». – М.: Советский художник, 1975. С. 297-312.

1978 год. Раздел «Из истории мирового искусства»: Л. И. Тананаева. Польский портрет XVII–XVIII веков (К вопросу о «примитивных» формах в искусстве нового времени) // Сб. «Советское искусствознание. 1977. 1» – М., 1978. С.100-130.

1979 год. – Раздел «Вопросы теории»: И. Е. Фадеева. Народное искусство как пластический фольклор // Сб. «Советское искусствознание. 1978. 1». – М., 1979. С. 284-306.

1979 год. – *...различные типы фольклора (крестьянский, городской и даже профессиональный).* Б. Н. Бернштейн. Несколько соображений в связи с проблемой «искусство и этнос» // Сб. «Советское искусствознание. 1978. 2». – М., 1979. С. 284.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

1976 год. В экспозицию «Отдела советского искусства» Радищевского музея поступила картина Нестеровой: *КОНЮШНЯ. 1964.* Холст, масло. 85x139. *Благодаря своей карнавальной природе творчество Нестеровой сближается с народным искусством, лубком.* А.А. Дехтярь. Острота выразительности (Нестерова) // Сб. «Советская живопись. 76/77». – М.: Советский художник, 1979. С. 218.

Освоение и творческое переосмысление изобразительного фольклора... являющееся продолжением национальных традиций народной картины, лубка, ремесленных промыслов. А.А. Дехтярь. Наталья Нестерова – М.: Советский художник, 1981. С.3. – Серия «Новые имена».

Реконструкция скотоводческого эпоса средствами профессионального изобразительного фольклора – степной цикл работ Павла Кузнецова: *СТЕПЬ, ВЕСНА В СТЕПИ.* Родство с иконой – Петров-Водкин: *ДЕВУШКИ НА ВОЛГЕ*, с Востоком – Сарьян: *НАТЮРМОРТ.* Родство с лубком, «примитивом» – мастера «Бубнового валета», Егоров, Мамонтов, Ермолаев, Козлов, Нестерова, Борис Давыдов, Нечкин, Е. Струлёв (рисунки берём у Дарнаева, картину – у Чудина). Гуцин: *ПЕРУН (СТАРИЧОК-ПОЛЕВИЧОК), ЭЛЕГИЯ (ВОЛХОВА)*; Солянов: *ГОРА БОГДО, ПЛИНЯНЫЙ СОСУД*; Чудин – серия *ЯБЛОКИ* (аналог Ефим Честняков). Влияние детского фольклора – Аржанов: *ТРАМВАЙ.* Кич – Илья Глазунов (просим у Пимена). Скульптура – Цаплин.

Антипод профессиональному изобразительному фольклору – *ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ XVII–XVIII веков* (Вольск, СГХРМ), Соломаткин (СГХРМ), Сукоццев (СГХРМ. Хвалынский

музей); Суворова-Алфёрова, Купцов, Кошкар; скульптуры Евгении Степановны Русаковой; ранняя скульптура немецких переселенцев – ПИЕТА (лубочный вариант Микель-Анджело, Энгельс, Краеведческий музей); готические скульптуры XIII-XV веков АННА И МАРИЯ С МЛАДЕНЦЕМ ХРИСТОМ, НЕСЕНИЕ КРЕСТА (СГХРМ).

ГОРОДСКОЙ ФОЛЬКЛОР

Парные портреты Орлова и Денисова (*СЕ, СЛАВНАЯ РОССИЯ, ТВОЙ ХРАБРЫЙ ГЕРКУЛЕС, КОТОРЫЙ МНОГИ РАНЫ ВРАГАМ ТВОИМ НАНЕС*) – лубки первой половины XIX века; живопись ДЕВОЧКА С РОЗОЙ (Вольск, музей – Н.Н. Березина).

Г.Е. Фёдорова – обращает внимание на уникальное собрание портретов конца XVIII – первой половины XIX веков Радищевского музея, Вольского районного краеведческого музея, в перспективе дальнейшей работы с местными хранилищами, статья *Провинциальный портрет в музеях Саратовской области; Борис Давыдов* – очерк творчества.

Народная украинская картина КАЗАК МАМАЙ (Энгельс, частное собрание).

ПЛАСТИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Наталья Петрова – Саратовский краеведческий музей – экспонаты довоенных раскопок археолога Рыкова (свастика на керамике – не разрешат); изобразительные элементы на предметах быта – новооткрытый материал последних лет – В. Г. Миронов, СГУ.

Виктор Непочатых, будущий директор музея Хвалынска: разведочный археологический отряд Куйбышевского педагогического института в 1976 году открыл Хвалынский неолитический могильник, самый большой в стране, в нём насчитывается 158 погребений – начатки письменности на глиняных изделиях культуры «срубников»: в это время у еврейских кочевых сообществ 5000 лет назад зарождалась письменность (высокий уровень культуры народов Поволжья, имевших начатки письменности три с половиной тысячи лет до нашей эры: А. А. Формозов.).

Михаил Ким – музей Вольска поддержит Хвалынск своими экспонатами.

Ко временам Золотой Орды и ранее относятся крест-энколпион новгородского типа в слоях XIII века (Хвалынск, Непочатых), находки на Увеке (СМК – Максимов, Петрова) – русские селились на Волге задолго до основания Саратова и Хвалынска.

Восточнославянские, германские связи: литовско-польский тип скульптуры РАСПЯТЫЙ ХРИСТОС (*Белоруссия. Частное собрание, Саратов*), ЖЁНЫ-МИРОНОСИЦЫ (Аблязово, мемориальный музей А. Н. Радищева), скульптура ХРИСТОС В ТЕМНИЦЕ – иконография восходит к Аугсбургу (СГХРМ); живопись (СГХРМ) – ПОРТРЕТ ШАРЛОТТЫ ХРИСТИНЫ СОФИИ, жены царевича Алексея, сына Петра I (Ж 511); ПОРТРЕТ жены А. Н. Радищева А. В. Радищевой (Ж 256), ПОРТРЕТ А. Н. РАДИЩЕВА (Ж 255); иконы – БОГОМАТЕРЬ ЧЕНСТОХОВСКАЯ (Ж 991), техника – аналог ПОРТРЕТ А. П. РАДИЩЕВА – дед А. Н. Радищева (Ж 822); НЕ РЫДАЙ МЕНЕ, МАТИ (оклад с клеймами города Каменец-Подольска – губернатор Афанасий Радищев) – дополнение биографии Боголюбова, основателя Радищевского музея. Иконы «крестьянского письма» – русского, украинско-белорусского исполнения, иконы Оружейной палаты (музеи и частные собрания области).

Западноевропейские стадиальные параллели (СГХРМ) – монументальная двусторонняя чешская икона XVI века (Ж 506), икона БОГОМАТЕРЬ-МЛЕКОПИТАТЕЛЬНИЦА (Вольск, музей. ВКМ 47. КВП РМ). Истоки портрета: ХРИСТОС-САДОВНИК (Ж 2688) – «портреты» заказчиков; СКЛАДЕНЬ (КУЗОВ С ДВУМЯ СТВОРКАМИ (Ж 989. Ж 2389) – «портреты» – летописец Нестор, иконописец Алимпей; портрет иконы – ЕПИСКОП ТИХОН ВОРОНЕЖСКИЙ И ЗАДОНСКИЙ (Саратов. Духосошественская церковь. 358/264. 32x24); ТИХОН ЗАДОНСКИЙ, СГХРМ (ВЖ 234); ПЁТР МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ (Вольск. ВКМ 137. КВП РМ 355); СГХРМ – ИОАСАФ, ЕПИСКОП БЕЛГОРОДСКИЙ (Ж 2661); ДИМИТРИЙ, МИТРОПОЛИТ РОСТОВСКИЙ, ЧУДОТВО-

РЕЦ (Ж 3143); СВЯТОЙ ВЛАСИЙ (КВП 377).

О.И. Тезикова (Областной дом народного творчества) с Карпаковой О.Ф. провели более ста телепередач о художниках-любителях Саратовской области. Тезикова – фотоматериал для теоретической работы под условным названием *ГОРОДСКОЙ ДЕРЕВЯННЫЙ ФОЛЬКЛОР (ДОМОВАЯ РЕЗЬБА САРАТОВА)*. Исследователям известна «глухая» домовая резьба Горьковской области, но не характерная Саратову прорезная домовая орнаментика, в которой Тезикова прослеживает древние истоки. Народы, проживавшие на Волге, оставили о себе свидетельства, остающиеся неизученными, среди них местный орнамент. Если периферийный по отношению к водному пути по Волге «путь из варяг в греки» стал хрестоматийным примером, то только узкий круг археологов знает, что... *Волга с глубокой древности служила коммуникацией, соединявшей Азию и Европу – эта водная магистраль достигла расцвета в IV–VIII веках современного летоисчисления, численность населения, по некоторым сведениям, превышала теперешнюю заселённость бассейна Волги* (В. В. Вилинбахов. Балтийско-Волжский путь // Журнал «Советская археология». 1963. № 3. С. 126).

Покажем картину Мурильо *ВОЗНЕСЕНИЕ БОГОМАТЕРИ* рядом с иконой *БОГОМАТЕРЬ, ПОМОГАЮЩАЯ ПРИ РОДАХ*: мифологический символ – Луна, покровительница плодородия; древнейшая фольклорная тема ежевечернего поедания драконом (волком и прочее) Солнца (оленья, девы и прочее) и его утреннего возрождения. Цаплин – скульптура совместима с археологическими находками. Спина к спине – *ПОЛОВЕЦКАЯ КАМЕННАЯ БАБА* и деревянная скульптура *ХРИСТОС В ТЕМНИЦЕ. У РАЗВЕРСТОЙ МОГИЛЫ СРУБИКОВО!* – скептики потешаются.

Л.П. Краснопёрова: содержание понятия «народность» на современном материале – выступление на Всероссийской конференции в Ульяновске, посвящённой 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, построено на работах саратовской художницы-самоучки Л.И. Суворовой-Алфёровой; научно-исследовательская работа *Л.И. Суворова-Алфёрова*; каталог посмертной выставки Л.И. Суворовой-Алфёровой; статья о народной основе скульптур Д. Цаплина.

Н.Н. Шабаева – генератор идей: исследование генетической, стадияльной, структурной связи фольклорной традиции с современной изобразительной практикой. *ЧТО ТАКОЕ КИЧ?* – разновидности: ярмарочный, салонный, академический, элитарный? *ДЕТСКИЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР* – место ли ему на выставке? – да есть ли такой? – статья *К проблеме жанра в детском творчестве*. Статья *О возможности формирования современного изобразительного эпоса народным искусством* (тема Революции, образ Ленина, тема Великой отечественной войны в творчестве художников-любителей; Вронская – графическая серия *СТАРАЯ И НОВАЯ СТЕПЬ*). *Иконы «крестьянского письма» высший этап развития иконописи* – в аспекте его слиянности с народным началом: *рассматривать изобразительное искусство Суворовой-Алфёровой в русле иконописной традиции* (и фольклора – неизменное подчёркивание собственного «присутствия-участия» в изображаемых ею событиях – свойство «фольклорности»: В. Е. Гусев. О специфике восприятия фольклора (К проблеме синезии в искусстве) // Сб. «Творческий процесс и художественное восприятие». – Ленинград: Наука, 1978. С.79-90).

МЕЧТЫ – выставка, конференция, сборник статей: *СОЗДАДИМ ПРИ РАДИЩЕВСКОМ МУЗЕЕ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ «ИЗОФОЛЬКЛОР»*. – В последние годы заметно усилился интерес научных искусствоведческих коллективов к систематизирующим капитальным работам по истории русского и советского искусства. Всё более настоятельной становится необходимость целостного научного подхода к материалу, проблемного освещения важнейших явлений отечественной истории искусства, привлечения новых исследований и оценок (Е. Короткевич. Рецензия // Сб. «Советское искусствознание. 1980. 2». – М.: Советский художник, 1981. С. 369).

Расширение круга понятий, использование методик точных и естественных наук, контакт со смежными дисциплинами необходимы науке об искусстве – *...процесс «дробления» исторического искусствоведения дошёл до предела, а специалисты в одной области или в одном периоде отгородились от других «китайскими стенами» и... переложив всю ответственность за развитие искусства на внешние по отношению к нему факторы социальной истории... стали порой нечувствительны к тому, что само искусство не есть лишь отражение этой истории, но что оно само является активной формирующей её силой* (В.Н. Прокофьев. Фёдор Иванович Шмит (1877–1941) и его теория прогрессивного циклического развития искусства // Сб. «Советское искусствознание. 1980. 2». – М.: Советский художник, 1981. С. 262).

В связи с иконой – «ереси»: в Саратовской губернии в селе «Тяглое озеро» в первой половине XIX века существовала одна из первых в России «коммунистических» общин. В 1838 году царское правительство сослало организаторов общины молокан Яковлева и Акинфиева в Закавказье. *Молокане не признают икон, креста, крестного знамения, мощей, духовенства, отрицают таинства и обряды православной церкви, святых, посты, церковные предания и т. п.* (Словарь атеиста. – М.: Издательство политической литературы, 1966. С. 197). Михаил Акинфиев на новом месте, в селе «Николаевке» Ленкоранского уезда Шемахинской губернии вновь организовал «коммунистическую» общину и возглавлял её несколько лет. Глеб Успенский, посетивший в начале 80-х годов «Николаевку» *...встретился со стариками – живыми свидетелями «самых подлинных коммунистических порядков – общественных работ, общественных столовых, общественного имущества* (А.И. Клибанов. К характеристике идейных движений в среде государственных и удельных крестьян в первой трети XIX века // Сб. «Из истории экономической и общественной жизни России». – М.: Наука, 1976. С. 153-168).

СССР – *подумать страшно!* – У ВЛАСТИ ПСЕВДОРЕЛИГИОЗНАЯ СЕКТА; ПО ОБРАЗЦУ РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ ИМИТАЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

С подачи Аржанова Радищевский музей в семидесятые годы XX века продолжает собирать иконы. На приобретение икон деньги не предусмотрены – полтысячи икон подарены: дважды участники музейных экспедиций Симонова и Водонон из своего кармана платят деньги – *на поллитра*. Люди удивляются – иконы понадобились! – достают из сарая, СПАС в жестяном окладе (СГХРМ. Ж 1790. 31x27) – из подворотни. Охотно дарят. *Счас принесу! у меня в сарае крест медный!* – нашему музейному автобусу ехать пора, нет парня: бежит – издали крест сверкает – *грязный был, я постеснялся, кирпичом почистил. Наме!* Утрачен крест. Ободран хозяином. Петя, наш шофёр, на нас смотрит, укатывается – *дайте, я его спереди автобуса привяжу!*

Редкие верующие серьёзны – *Баба Груня за Бога в тюрьме сидела.*

Бесхозные, конфискованные иконы некому беречь: село Золотое – сожгли книги *божественные*, сундук КПЗ сколотили из икон. Что с людей взять – мы, музейщики сами тёмные. Привезённые с иконами церковно-славянские книги – зачем музею? – рекомендовалось сдавать в Областную библиотеку: не взяли собрание книг старообрядческого толка – последний оставшийся в живых старик предлагал подарить музею. Что утрачено? «Застрял» в музее «Киево-Печерский патерик» – книга XVII века с гравюрами, печатанными с досок чуть не за сто лет. Один из гравюров – *Александр Тарасевич учился до 1672 года в Аугсбурге у местных гравюров Бартоломео и Филиппа Килианов* (Д. В. Степовик. Александр Тарасевич (Становление украинской школы гравюры на металле). /На украинском языке. – Киев: Мистецтво, 1975. С. 11, 128).

Радищевский музей – составлены описи культурных ценностей, находящихся в пользовании Духосошественского собора, Троицкого собора, Белокрыницкой епархии (австрийцы), Спа-

сова соглашения, Поморцев, составлен каталог икон Хвалынского музея. Сотрудники отдела учёта, хранения и реставрации во главе с Симоновой – в положении «первопроходцев». Итог работы «вещеведа» – статья Гавриловой о местной новооткрытой «мордовской» деревянной скульптуре напечатана центральным издательством: Н.В. Гаврилова. Народная деревянная скульптура в музеях Саратовской области // Сб. «Музей 2. Художественные собрания СССР». – М.: Советский художник, 1981. С. 52-57.

Выставка рисунков и литографий Б.Н. Ермолаева. II-III кв.1982 года в Радищевском музее, в филиале Радищевского музея в Балаково: Каталог. Выставка произведений Б. Н. Ермолаева – вступительная статья Гаврилова и Пискунова О.П.

Вольск, музей – Н.Н. Березина. Из истории создания художественной коллекции Вольского музея // Сб. «Художественные коллекции музеев и традиции собирательства. Материалы шестых Боголюбовских чтений, посвященных 175-летию со дня рождения А. П. Боголюбова. 28-31 марта 1999 года» – Саратов: Слово, 1999.

Г.Е. Фёдорова – портреты конца XVIII – первой половины XIX веков: *Работы неизвестных мастеров XVIII века в собрании Саратовского государственного художественного музея имени А.Н. Радищева* // «СГХМ. Материалы и сообщения». Выпуск 6. – Саратов: Изд-во СГУ, 1993; *Иконостас XVII века в собрании музея* // «Пути русского символизма: провинция и столица. Материалы девятых Боголюбовских чтений. Саратов. 9-10 июня 2004». – Саратов, 2006; *Борис Давыдов* – очерк творчества (персональная выставка Давыдова, I-II кв. 1982 г.

...неоднозначность, многосторонность памятника культуры предполагает его совместное исследование историком, социологом, искусствоведом, специалистом психологии восприятия (Н.И. Наенко. Психическая напряжённость. – М.: Изд-во МГУ, 1975. С.7, 28–29). Материал по теме «изобразительный фольклор» собрался большой, раздробился, выставлялся по разделам, публиковался. Памятник культуры – многосторонний источник информации: отдел учёта и хранения – Симонова и Гаврилова увлеклись открывшимися им темами. Надписи оборота памятника культуры – поздних икон производства Саратовской губернии – неисчерпаемый многосторонний источник информации.

Плануемая на 1981–1982 годы Радищевским музеем выставка ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР не состоялась – культурологическая координация не сложилась, в 2011 году организация такой выставки осуществима. Возможная выставка: экспонаты не нужно собирать в одно место для экспозиции – современные технические средства позволяют экспонаты сфотографировать, организовать их компьютерный просмотр.

1984 год. *Экспозиционная и выставочная работа. Народная икона, скульптура, миниатюра и керамика Саратовского края (из собрания музеев Саратовской области). Январь – переходная. Отдел учёта и хранения* (Отчёт о работе Радищевского музея).

Издан каталог «Народная икона, скульптура, миниатюра и керамика Саратовского края». Автор вступительной статьи Н.В. Гаврилова. Составители Н.В. Гаврилова, В.В. Лопатин, М.Г. Ким. – Саратов: Производственное объединение «Полиграфист», 1984.

Выбор экспонатов был ограничен стремлением показать прежде всего тот материал, который удалось документально определить как местный и систематизировать. Большая часть показанных предметов – это работы мастеров Саратовского края XVIII – начала XX веков. ...Своеобразный пролог выставки – археологические экспонаты, найденные на территории Саратовской области (кат. 1–3). О них рассказал научный сотрудник Вольского краеведческого музея М.Г. Ким: «Предметы из подкурганых погребений эпохи поздней бронзы срубной этнической общности (XIV–XII вв. до н. э.) найдены при раскопках в 1978–1979 годов у села Дмитриевка Вольского района Саратовской области. Формы глиняных сосудов... знаки неорнаментального характера – более чем на тридцати. Некоторые из аналогичных знаков, возможно, связаны

с зачатками письменности». Давно замечено сходство икон «не очень «мастеровитого письма» с «цветистыми народными лубками» (Каменская Е. Иконы – краснушки. // Вопросы русского и советского искусства. Материалы научных конференций 1972–1973 гг. Вып. III.) Исследования 1970-х годов поставили эту икону в ряд произведений народного искусства, отметив её ремесленный характер, близость к фольклору, своеобразно выраженную утилитарность. В ней – дух древних легенд и поверий. Традиции классического иконописания преобразены в соответствии с простонародными вкусами. ...Высокий профессиональный уровень исполнения, знание традиционной иконографии и в то же время внутренняя близость фольклорным образам отличают ряд икон... **На выставке представлена народная деревянная скульптура, некогда широко распространённая в северной лесистой части Саратовской губернии** (кат. 45–57)... Деревянная скульптура – пример того, как люди создавали богов по своему образу и подобию. Резные фигуры – убедительные портреты земных людей – современников неизвестных нам народных мастеров (Н.В. Гаврилова. Вступительная статья к каталогу).

САМОДЕЯТЕЛЬНЫЙ ТВОРЕЦ ВЗАМЕН ПРОФЕССИОНАЛА

1964 год. Я методист по изобразительному искусству Саратовского областного дома народного творчества (ОДНТ) при Областном управлении культуры. ОДНТ – государственная организация и ОБЛСОВПРОФ – профсоюзная – проводят Всероссийский смотр сельской художественной самодеятельности 1965 года. Выделены средства: костюмы артистам, инструменты музыкантам, подписка на журналы по искусству в СССР, издание каталогов Областных выставок самодеятельных художников – 1965, 1967, 1970 годов (областные выставки профессиональных художников проходят без каталогов).

Заведующая отделом экспозиции Радищевского музея Петрова (Гродскова) – шеф ОДНТ. Помогают Аржанов, Солянов, Чудин (из Польши в отпуск приезжает) и Скорлупкин Александр Николаевич – директор ОДНТ. В жизни моей такого начальника больше не было – со мной спорит, решения мои принимает. На выставки самодеятельных художников отбирает работы Выставком Союза Художников – беспринципно: Председатель Союза Художников Шапошников (внезапно умер Бобров Борис Павлович). В отчёте Выставком пишет – работы не приняты на выставку **ПО ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫМ НЕДОСТАТКАМ**. Истина: «закрытый» Выставком – **МЫ ЕГО НА ВЫСТАВКЕ ПОВЕСИМ, А НАС ПОКУПАТЬ ПЕРЕСТАНУТ!** – Фомичёв о Подъяпольском. Скорлупкин, хлопнув дверью, ушёл, говорит – *клади в ящик, посылай в Москву. ПЕРВЫЙ ТРАКТОР НА СЕЛЕ* Суворовой-Алфёровой не пропустил Выставком на Областную выставку самодеятельных художников, на Вероссийской выставке эта картина отмечена, – *...не степень академической подготовки... а внутренний потенциальный заряд творческой энергии, которая при соответствующих природных данных может и без школы реализоваться в изобразительном искусстве* (Э. Маслякова. Картины Л. Суворовой-Алфёровой // Журнал «Декоративное искусство СССР». 1971. №10/167. С. 53–54).

Надеемся на информацию по «самодеятельным» художникам: Изергина издала в **1959 году** книгу – Ревалд, *История импрессионизма. Моне и Буден. Мане и Дега. Писсаро. Кайбот. Ренуар. Сислей. Сёра. Синьяк. Гоген и Ван-Гог. 1855–1886 года*.

1962 год – Ревалд, *Постимпрессионизм. От Ван-Гога до Гогена*. Вторым томом Ревалд продолжает тему: **творчество любителей – авангард, параллель «измам» искусства**. Предисловие. Изергина: *В то время, как настоящий том охватывает 1886–1893 год, в следующем будет говориться о периоде с 1893 по 1906 год. Лишь когда он выйдет, мы сможем судить о том, как Ревалд осветил историю постимпрессионизма в целом*.

Неужели вершина постимпрессионизма Анри Руссо?

Донос на Изергину в ЦК КПСС пишет Академия художеств СССР (Коллективный корреспондент газеты «Советская культура», Сектор истории зарубежного искусства НИИ теории и истории изобразительных искусств) – *...наш советский искусствовед...снимает всё основополагающее*

значение марксистской методологии для искусствоведческой науки.

Изергина даёт перевод без комментариев, идеологически неверно, сводит на нет основополагающий советский принцип – первоисточник замещён идеологическим комментарием. Не будет издан второй том Ревалда *Постимпрессионизм*.

1994 год – переиздан Ревалд, *История импрессионизма*; что мешает издать Ревалда полностью? – из печати выходит тот же первый том: *Постимпрессионизм*. Предисловие. Марина Бессонова: *В последние годы жизни Ревалд заканчивал работу над вторым томом труда о постимпрессионистах – «От Гогена до Матисса». ...Умер Ревалд в феврале 1994 г.*

2010–2011 годы – третий раз переиздается *История импрессионизма*, *Постимпрессионизм*. – М.: Астрель, АСТ, Мир энциклопедий «Аванта», 2011. Артдиректор А. Евлахович, бильдредатор Н. Иванов. Предисловие Ревалда – ...данная монография является только первым томом истории постимпрессионизма. О таких больших явлениях, как творчество Сезанна, Анри Руссо, Тулуз-Лотрека, об искусстве художников группы «Набидов» будет говориться в следующем томе исследования. ...в следующем будет говориться о периоде с 1893 по 1906 год.

Редакция издания дает примечание: *Второй том «Постимпрессионизма» так и не был написан Дж. Ревалдом.*

Академия художеств СССР в 1962 году напрасно писала донос в ЦК КПСС?

Обязанность методиста по ИЗО-искусству оказывать организационную, методическую и творческую помощь самодеятельным художникам Саратовской области. Число районов области нестабильно – то двадцать девять, то тридцать два (за время моей работы в ОДНТ). По отчетам Областному управлению культуры в Аркадакском районе двенадцать кружков самодеятельных художников – больше, чем в других районах. Надо изучить передовой опыт и распространить по области.

Аркадак: Городской отдел культуры меня отшил – *смотри сельский, куда пришёл*. Районный сельский отдел культуры не знает своих художников: четвёртый заведующий за два года, отчёты Управлению культуры писал не он – сейчас ему некогда – ПРАЗДНИК УРОЖАЯ проведёт и уволится: семью кормить надо (работников культуры переводят работать на общественные начала – бесплатно). Всероссийский смотр сельской художественной самодеятельности 1965 года покажет преимущества художественной самодеятельности перед профессиональным искусством. В 1962 году «посетил выставку в Манеже» Хрущёв – надоели профессионалы, поручил секретарю ЦК КПСС Ильичёву заменить профессиональное искусство художественной самодеятельности. Тракторист пашет, в выходной рисует – развлечение бесплатное. Доярка вечером в клубе задаром поёт «РУШНИЧОК». А что профессионал? – *Я на сцене в общем-то отдыхаю, как и за роялем. Я бы сказал, что это самые счастливые минуты моей жизни* (Евгений Нестеренко. Я надеюсь, надеюсь // Журнал «Наше наследие». 1990. №1 (13)).

Хрущёв – заключительное слово...в Москве 1500 писателей: «Зачем вам Союз писателей? Одни пишут, другие кричат, демагоги...» Предложение: «Писателей прикрепить к заводам, фабрикам, а не в Союз писателей».

Самодеятельность сама себя кормит, а профессионал – *отдыхает на сцене... это счастливые минуты жизни* – за это деньги получает, которые всё равно отменяет – скоро при коммунизме жить будем. Как жить? – *Какать нечем будет!* – К примеру, у профессора кончается трудовой день – по дороге домой заезжает на вокзал, к подошедшему поезду, забирает кому ехать надо в свой (по должности полагается) автомобиль – отвозит куда надо. И такси не нужно, и все так жить будем: фантастический роман про коммунистическое будущее уже напечатан – своими глазами читал, своими руками сколько раз лозунг писал – *Партия торжественно заверяет: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!*

Вот так поговорили с Заведующим сельским отделом культуры, и пошёл я в Районный дворец культуры – в комнату, где проходили занятия самодеятельных художников, теперь буфет – *художников мало, зачем им большое помещение?* Дали адрес руководителя ИЗО-кружка: улицы пустые,

спросить некого – **БИТВА ЗА УРОЖАЙ!** – весь Аркадак на уборочной. Пожилой человек стоит у дома: одежда ветхая – по-домашнему одет Трухачёв Андрей Николаевич. Руководит ИЗО-кружок на общественных началах, пенсия небольшая – 45 рублей: не сумел восстановить стаж работы – архив с документами сгорел в блокаду Ленинграда. До войны Трухачёв Заведующий реставрационной мастерской Эрмитажа. Картины, которые нам знакомы только по репродукциям, реставрировал своими руками. Переживал с сотрудниками распродажу Эрмитажа – разговаривать между собой боялись: утром идут на работу, в экспозиции нет – Тициан: *ВЕНЕРА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ*, Рубенс: *ПОРТРЕТ ЖЕНЫ В ШУБКЕ*, Веласкес: *ЭСКИЗ ПОРТРЕТА ПАПЫ ИННОКЕНТИЯ*, Рембрандт: *СНЯТИЕ С КРЕСТА*, Рафаэль: *МАДОННА БЕНУА* (большая), Канова: *ТРИ ГРАЦИИ*... – ночью чужие люди снимали, увозили. Последним видел Янтарную комнату: по приказу директора Екатерининского дворца в Пушкино (Царское село) заклеил панели с янтарной инкрустацией тройным слоем газетной бумаги на остревом клее. – *Зачем? Мы для немцев всю подготовительную работу сделаем, они снимут панели и увезут.* – *Пораженческие настроения распространяешь? Ты в военное время приказы не выполняешь? Саботаж в военное время – сейчас НКВД позову!*

Детей не было, в блокаду умерла жена – Андрея Николаевича родные в Аркадак взяли: снова женился. Трухачёв до революции окончил в Саратове Боголюбовское рисовальное училище, солдат – Саратовский добровольческий полк (комиссар Юстицкий), в солдатской шинели *секретарь приёмной комиссии и предметной Академии художеств*, староста «аналитической школы» – *самое материалистическое искусство – ввод в мировой расцвет*: Филонов.

Уход от Филонова обсуждался собранием группы – *...приняли за чистую монету его метод. Говорил редко, внушительно, убедительно, о своём методе – ребята отдавались ему. Двадцать человек в группе – Куццов, Кибрик... Почему ухожу? Начинали новую работу – большой холст – с метр. Начал с середины... Пришёл Филонов – от двери говорит, что Трухачёва учить нечему, понял аналитический метод. Как же так, пришел в Академию учиться?... больше всего Кибрик клеймил за измену учителю в трудные времена. Филонов слушал, молчал. Кибрик скоро тоже ушёл, опубликовал в газете разоблачительное письмо метода Филонова. ...прихожу на отчетную выставку группы, встречаю Филонова, здороваемся, разговариваем – идёт Кибрик, протягивает руку, чтобы поздороваться: Филонов демонстративно не дал руки.*

Филонов о Трухачёве: *1934 год. 5 августа. Трухачов работал со мною, один из первых, в 1925 г, когда в Академии я вёл работу с группой учащихся. Но он же был одним из первых комсомольцев, ушедших от меня по команде ректора Эссена. Он прислал мне первое «отрицательное» письмо в 1925 г. зимою... По его словам, он вычищен из партии: комиссия по чистке предполагает, что где-то на юге, попав из рядов Красной Армии в лазарет, он из лазарета пошёл добровольцем в Дроздовский полк. Он принес две фотографии своих работ, сделанных, как он сказал, «в вашем плане», но там нет никакого «нашего плана», о чем я ему и сказал. Я посоветовал ему во что бы то ни стало добиться своего восстановления в партии (П. Н. Филонов. Дневник. – Санкт-Петербург: Изд. «Азбука», 2000. С. 253–254).*

Комментарии. Трухачёв (у Филонова – **Трухачов**) Андрей Николаевич (1899 – ?) – художник, реставратор... В 1918–1922 гг. находился в рядах Красной Армии. В 1926 г. окончил АХ. Вероятно, в те же годы работал с Филоновым... Считался реставратором высшей квалификации. Сохранилась справка, подписанная действительным членом ГЭ С.П. Яремичем: «Андрей Николаевич Трухачёв с 1930 года работает по всем видам реставрации картин как с технической, так и с живописной стороны» (Там же. С. 557).

Для экспертизы, рассказывает Трухачёв, собранные экспедициями иконы свозились в Эрмитаж, оттуда распределялись по музеям – *Оставшиеся иконы куда девать! Топором рубили, мучились... шпонки...* (Эрмитаж русские иконы собирает с 1959 года – **В.Л.**).

Трухачёв показал, как убирать грязь с иконы: неответственный участок – обычно середина левого поля: на палочке ватку смачиваем тройным одеколоном, круговыми движениями убираем грязь; патину – след прожитой жизни – надо беречь. Протираем подсолнечным маслом – откры-

тый левкас нельзя протирать маслом.

В Аркадаке действующая церковь, но иконы реставрировать запрещает Трухачёву племянник – Районный уполномоченный по делам церкви. – *Крышу церкви чинят, большим иконам тоже ремонт нужен. – Здание церкви и иконы имущество государственное – в аренде у духовенства: временно – Хрущёв, как только закроет последнюю церковь, обещал последнего попа показать по телевизору. Советская власть от бескультирья избавиться не может, а ты – дядя родной! – иконы реставрировать.*

Семидесятью годами Радищевский музей готовил выставку икон. Фрагменты писем Трухачёва ко мне:

23/IX–73 *...в церкви Аркадака оказался другой староста, мне незнаком и ни в какую не хочет говорить по поводу икон, чтобы мне их посмотреть... Староста сказал, что всего на колокольне не больше 6 шт. и, что они освящены, т.е. или отслужены молитвы вроде на упокой, а с другой стороны они – церковники чего то вероятно боятся...*

6/V–74 *В церкви другой староста, который мне знаком, но посмотреть иконы не пришлось... Поп согласен допустить посмотреть иконы... Икон всего на колокольне 25–30 шт.*

12/VI–74 *Говорил со старостой церкви, который хотел дать мне возможность посмотреть на колокольне иконы, но вышло так: он поручил одной бабе – какой то церковной прихлебательнице принести ключи от двери на колокольню, а она заартачилась и понесла выпаливать всякие слова, что мол нельзя допускать к иконам всяких «грешников» и прочее, так что староста не решился меня допустить, боясь, что на него посыплются всякие неприятности.*

7/I–77 *После операции у вас в Саратове чувствую себя хорошо. Как всегда, продолжаю руководить ИЗОстудией, а иногда пишу этюды. Жора Бабушка успешно учится в Пензенском худ. училище последний год. Меня не забывает, привозит этюды и рисунки. Меня интересует то, какую цель имеете вы в выставке подобных икон, и у кого, и как их собирать? Вообще то у населения их много. Скотников Пётр Алексеевич всему предпочёл алкоголь. К нам в отдел Культуры поступило их Министерства отношение относительно оплаты руководителей ИЗОстудии, фото и др. но как и кто будет решать этот вопрос пока не известно, а пока и эти гроши с трудом и с постоянной задержкой выплачивают мне зарплату.*

Последнее известие о Трухачёве от 28 сентября 1982 года: пишет внука – *...может случиться, когда Вы получите это письмо, его уже не станет. ...Про свою мастерскую велел сказать, что всё хочет передать в местный краеведческий музей, директор которого был у дедушки и предлагал ему свои услуги.*

От Трухачёва у меня остались письма, фотографии, этюды, нескольких месяцев работы рисунков: дарственная надпись – *...сделан по методу аналитической интуиции*; Филонов отозвался о некоторой предвзятости рисунка. Художник Филонов запрещён в СССР с конца двадцатых годов – в 1967 году впервые в Советском Союзе появилась книга о нем, монография с репродукциями картин, изданная в Чехословакии. Книгу подарил мне и Чудину Сазонов Лев – купил в Ленинграде в магазине «Книги стран народной демократии».

Скорлупкин Александр Николаевич – директор ОДНТ собрал интересных людей. Методист по агитбригадам Найхен Семён Ниссонович ученик Мейерхольда, уцелел в Калмыкии (или Киргизии?), там получил звание заслуженного артиста – его воспитанникам на смотрах обеспечены первые места. Агитбригада создаёт советскую частушку, которая пелась бы на улице, как народная, но прежде – произносимый с эстрады текст должен быть **РАЗРЕШЁН К РАСПРОСТРАНЕНИЮ**. Предел критики: Найхен приводит пример гостя, званого на пир и критикующего хозяйку за приготовленные блюда. Семён Ниссонович неравнодушием привлёк внимание к рисованию Суворовой-Алфёровой – *...равновелика знаменитому Анри Руссо! Гениальному Пиросмани! Из Саратова!!! Ха-ха.*

Женя Ланский, штатный аккомпаниатор ОДНТ – семья дала хорошее воспитание, жив остался по малолетству: из Харбина взрослых мужского пола советская власть истребила. Евгений – песня в его исполнении актуальна – *Потом Никитушка роточком был с аршин. / Он тоже много*

всяких дел насOVERшил. / При нём пахали целину, при нём пихали на Луну. / При нём достигли мы сияющих вершин. Много позже познакомил я Женю с архиепископом – благословил Пимен нас, бригаду из четырех человек (Женя фотограф) – восстанавливать роспись в барабане Духосошественской церкви: леса стоят – под куполом весь Радищевский музей поместится. Работа наша не заладилась. Женя секретарь Пимена: священника отца Евгения теперь зовут САРАТОВСКИМ ЗЛАТОУСТОМ.

Друг Ланского – Ямпольский Борис Яковлевич, путеводник наш литературный, ценит поэта Ярыгина – стихи в авторском исполнении слышат друзья, собутыльники, при запоях врачи и нянечки. Ремесло художника Борис Яковлевич освоил в лагере – десять лет отсидел (перед войной в его классе на перемене уронили со стены портрет Сталина – ждали совершеннолетия, судили). Себя Ямпольский художником не считает – его афиши (кинотеатр «Победа») лучшие в Саратове. Мастерство не ко двору – уволен в 1972 году за *самиздат*: У ПОЗОРНОГО СТОЛБА – статья в газете «Коммунист». Конспиратором себя считает: ужоу от Ланского – ждёт Ямпольского, записывают по «Голосу Америки» «Архипелаг Гулаг»; встречаю Бориса Яковлевича – не скажет «ни за что», куда идёт, зачем; вечером у Николая Андреевича Григорьева Борис Яковлевич читает нам очередную главу из Солженицына – *крестьянская семья – своя лошадь, своя телега – гонят немцы на работу в Германию: добрались, дождались – победа! – дети в детдом, родители разными лагерями – советскими.* ЛИТЕРАТУРА? КОМУ КАК, А ЕСЛИ ЛИТЕРАТУРА СОВПАДАЕТ С РЕАЛЬНОСТЬЮ? – МОЕЙ. Немцы сожгли деревню Бакланово, где я родился, жители мобилизованы на работу в Германию. В сторону Брянска за первую половину августа 1943 года обоз наш прошёл шестьдесят километров – четыре километра в сутки (потом написали – тактика «выжженной земли»: 350 000 жителей из сожженных домов своим ходом идут в Германию). Не сказать НЕМЦЫ ОТСТУПАЮТ. Крыло самолёта с красной звездой на краю поля ржи ли, пшеницы – урожаем не убран. Немецкий регулировщик – такой символ победителя много позже увидел видел в кино ХУДОЖЕСТВЕННОМ. Ноги на ширину плеч, укажет – колесно-гусеничная река немецкая двинется, замрёт, пикирует истребитель – головы не повернёт: живой щит – обочиной обоз. В кювете разбитые машины – что ещё делать пацанам? – в войну играть самолёт бескрылый к дороге поставили – длинный: в дверь войдёшь, на всех стульчиках посидишь, другой дверь выйдешь – обоз тянется. Своего села полиция – отходить нельзя: ребятишкам можно – ушли вперёд, чужие люди кругом, я слезами обливаюсь, а бабушка по голове гладит – *...не бойся, мы за вами смотрели.* Вспомнилась бабушка – *Опять документы проверяют, у деда вчера чуть паспорт не украли:* издалека видно – человек в белой рубахе столбом стоит – не иначе, проверяет. Подошли ближе: не стоит, висит человек – табличка на груди ПОДЖИГАТЕЛЬ – дерево, на котором повешен, обгорело – и дома.

Порядок – паёк полагается мобилизованным: белый, с плесенью, сладкий немецкий хлеб с маргарином – это вам не пирожное! Дед говорил, некоторые односельчане дошли до Германии, если б не староста деревенский, судьба наша – дед с бабкой и мать с тремя детьми – неизвестно как повернулась. Будто колесо обломилось и пять телег свернули с дороги – вместе с полицаем, нельзя без присмотра – караулить будет. Телегу чиним – фронт догоняет. ОПЯТЬ КИНО? Чёрная земля, на горизонте танки – маленькие. Ручей – в кустах лошади, телеги. Через нас из деревьев стреляют «Катюши» – без звука, не как пушки, длинные снаряды свистят, вихлят над головами, ускоряются. Чему гореть: земля голая. Между танками на краю земли поднимаются клубы черного дыма. Тишина. Все дни гремело.

Наш полицай деревенский – в тюрьме – ага! предатель! Да нет! – дед говорит – восемнадцать исполнилось – мобилизовали немцы парня в полицию. Отсидел, вернулся: сельские выселки не сгорели. Немцы отвели от села обоз с мобилизованными, трассирующими пулями подожгли соломенные крыши. Бакланово до войны было в две тысячи дворов, две церкви – после войны девяносто семей вернулось. Напросился у матери – поехали из Орла на Бакланово посмотреть. Мать говорит, единственный каменный дом был – из за него улицу назвали Кирпичной. Деревянная церковь, мать показывает – через речку стояла. Моё воспоминание – листья речные близко

перед глазами, бабы бельё в речке – вот в этой! – полощут, а уж солнца сколько! Мать место дома своего не найдёт, всё заросло. *Тоня? Щербакова? Да тут ваш дом стоял!* – соседка: навспоминались – девчонками в Орёл на танцы по выходным бегали – *восемнадцать километров в одну сторону нипочём!* Моя мышечная память: пузом на скамейку, навозом обмазанную – не дождёшься пока ночь пройдёт, на морозе навоз высохнет – катался с горки; дорожка к речке огибает плетень – так и стоит!

Сашка пошёл – 5 октября 1941 года рождения мой брат младший. Мужики молотили: кружок – несколько человек машут цэпами – палка длинная, к ней короткая привязана и кто то кричит *ГЛЯДИ-КА! САШКА ПОШЁЛ!* Удивлялись – рано пошёл, а чуть погода – как не бежать: немец – рычит, фуражка в зубах, на четвереньках – за Сашкой.

Каменная церковь на пригорке, сад, открытое пространство – стрельбище немецкое. Минометы разные – маленькие, большие – холостыми стреляют – пацанам не скучно: собираем с другой стороны поля гильзы, стабилизаторы – какие разные! С церкви – немцы открыть разрешили – меня бревном пришибло: мать послала на обед звать сестру Люську, двумя годами младше – я вокруг церкви, а мужики крышу кроют. Очнулся у матери на руках – бежит огородами, плачет: потом на перевязки ходили – той самой Кирпичной улицей, в том самом кирпичном доме фельдшерский пункт – немец начальник и два пленных русских врача.

После войны староста деревенский тайком приезжал в Орёл, провожать его на автобус дед меня послал – *Ты веруешь?* – дорогой спрашивает, а я и не понял, о чём спрашивает: поддакнул – он похвалил. Семья наша советская – неверующая: дед учитель русского языка и правописания (был ли такой предмет?). Первый учебный год оккупации школы в Бакланово работала, после освобождения дед учил в Орле, представлен был к ордену Ленина: не дали – *жил при оккупации*. Отец, кадровый военный, служил в Бобруйске, перед войной отвёз нас в Бакланово – рожать Сашку матери срок подходил. Мать и мы – трое детей, пока учились, получали пенсию за отца, погибшего в чине капитана под Сталинградом в 1942 году. Похоронку мать получила в Орле – 1943 год.

Орёл, живём у деда Палыча – *Устинов Андрей Павлович* – он и мой дед женаты на сёстрах – *баба Маня родная сестра нашей бабушки Веры* – улица Третья Посадская, 73. Перед глазами над излучиной Орлика тургеневское «Дворянское гнездо», левее кубики белые – аккуратное немецкое кладбище: существовало после войны несколько лет. Там стояла зенитная батарея – как у пулемёта на лентах снарядики и пушки небольшие после войны валялись в Орлике. В войну у Палыча жил немецкий офицер с солдатом – стояла большого размера радиотехника. Меня подговорили, говорю – *Хайль Гитлер!* – немец мне губную гармошку подарил: в обозе потерялась. Из Бакланово разрешалось приезжать в Орёл. Один раз на немецкий праздник попали – дом Палыча украшен – почему красные? – маленькие бумажные флажки: белый круг, чёрная свастика.

После освобождения таких ночных воздушных боёв в небе над Орлом я в кино не видел – в черноте среди прожекторов разноцветные люстры: утром Палыч ругается, сметает с крыши осколки – крышу железную пробивают. Бомбы немцы кидали – воющий звук громкий: пустые внутри, большие. Половину бомбы мы сделали лодкой – по Орлику катались, на берегу землянку вырыли: на ночь лодку затапливали, чтобы пацаны с Дворянского гнезда не увели – а как же! – война. В самом Орле боёв не было: наши танки обошли город – внезапно и немцы входили: мотоциклисты на улицах, а в школах занятия идут, трамваи ходят, магазины работают (читал уже в XXI веке). Орел немцы сжечь не успели: заминирована была башня водопроводная, говорили – полгорода бы взлетело. Заминирован был наш дом. Понадобилось мне тайник сделать в почтовом ящике между деревянными стенами – к доске, на которую письмам падать, снизу подвешен снаряд без гильзы. Показываю деду Палычу – крупный мужик, неторопливый – а тут! – и снаряд в уборной: как не испугался? – станут выгребную яму вычерпывать – телега с бочкой, черпак на длинной ручке – и взрыв. Другим разом понадобилось мне – залез под навес окна: среди газет в картонных коробках обоймы крупных винтовочных патронов. Вот это новость! – в Орле при

немцах газеты на русском языке выходили. Разглядываю картинку – немцы утопили английскую подводную лодку – под карикатурой фамилия: русский рисовал – ах ты, предатель! – дед Палыч газету хватает – читать не даёт, к другим окнам меня не пускает: трясётся – чего бояться? Палыч – в очках, с толстой книгой Достоевского в руках я его рисую: верит в Бога, у него иконы висят, а в церковь не ходит – старообрядец. До революции Палыч был приказчиком у купца – одной веры: дом подарил купец своему приказчику. Детей у Палыча нет.

Из жизни моего деда – Родился я в 1887 году 26 мая в селе Бакланово... Орловской волости и губернии. Отец мой крестьянин, занимался хлебопашеством, а в свободное время от сельхозработ плотничал, так как семья была большая (17 человек детей) и своего хлеба на год не хватало. По окончании сельской начальной школы тринадцати лет я стал учителем школы грамоты в дер. Са-венковой своей же волости, где работал два года, получая 5 руб. в месяц и, помогая семье в сельхоз-работах летом, готовился у местного учителя на звание учителя (Щербаков Игнат Прокофьевич. Автобиография).

Свидетельство. *Предъявитель сего, крестьянин села Бакланова Игнатий Прокофьевъ Щер-баковъ... подвергся полному испытанию в педагогическом совете Орловской гимназии и выдержав оное удовлетворительно, удостоен звания учителя начального училища. Город Орёл 1904 года, мая 24 дня. Директор Орловской гимназии. Письмоводитель.*

Из автобиографии – ...Перед приходом немцев в село уехать оттуда не успел, т. к. накануне их прихода в Бакланово родила третьего ребёнка моя дочь и заболела родильной горячкой. 1941-42 уч. год я не работал в школе, т. к. из колхоза, как бывший член его, получил 10 пудов ржи и мер 60 картофеля, ибо, уходя в 1938 году в Орёл, я из колхоза ничего не взял. С 10 октября 1942 г. по 2 апреля 1943 г. работал учителем 4-го класса Баклановской школы, т. к. средства к существованию, кроме учительского пайка, не было (огорода мне местный старшина не дал, а в поле я ничего посеять не мог...) ...общий большой обоз, с которым под строгим контролем и следовали на запад до гор. Ново-зыбкова, где у моего подводчика, с которым мы ехали, к счастью сломалось колесо, что дало нам возможность выйти из общего обоза и скрыться в дер. Заимещево (в 3-х километрах от Новозыбкова), где мы прожили 4 дня, а на 5-ый нас освободили наши доблестные войска... ...Старший сын мой Константин 1911 г. р. Второй сын Михаил погиб под Орлом, орд. Красн. звезды.

Взрослым было некогда, нам, детям, сохранить в голову не пришлось: у Палыча в сарае пролежали всю войну книги довоенные и помню большого размера фотографии – много людей, лозунги – колхоз дед строил. В комнате висели портреты отца и матери – отец карандашом рисовал: зачем то сняли, назад не повесили – потеряли. У Палыча была книжка небольшая, толстенная – календарь церковных праздников, среди картинок – Гитлер русских детей по головке гладит: немцы календарь печатали. Потом Палыч картинку с Гитлером из календаря выдрал. В нашем букваре Сталин – детей по головке гладит.

ЦЕРКОВНАЯ И СЕКТАНТСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В СССР

1928 г., как известно, ещё более активным, чем прежде, стало разрушение церквей и других древних памятников, в частности, в самом центре Москвы. ...Что мог увидеть в Москве в первой половине 1928 г. в крупнейших музеях зритель, интересующийся древнерусским искусством. Ранее считалось, что в ГТГ зал с иконами был закрыт летом 1927 г. ...не хватало также свидетельств о том, когда был закончен показ огромной выставки, открытый Анисимовым и его помощниками в ГИМ ещё в 1926 г. (в первоначальном варианте более 300 икон). ...удалось найти точные даты работы этой интереснейшей выставки – с 7 марта 1926 по 18 января 1927 г. ...Теперь понятно, что, скорее всего благодаря исключительной настойчивости Анисимова, иконные залы продолжали сохранять в музее и были иногда доступны ещё в июне 1928 г. Мало того, в них, как и прежде, можно было увидеть «Богоматерь Владимирскую»... (С. 158–159).

На следующий день мы вместе с А. И. Анисимовым отправились в Исторический музей, но попасть в него нам так и не удалось. Плотным кольцом по обеим сторонам улицы стояла милиция

и никого через улицу не пропускала. Ждали проезда на Красную площадь Максима Горького. Хотя Горький и проехал в открытом автомобиле, убедить милицию пропустить нас на другую сторону улицы, было невозможно...

Судьба А. И. Анисимова печальна. Он опубликовал за границей, в Праге, книгу об иконе Владимирской Божией Матери, был за это сослан на Соловки, где и погиб (С. 159–160).

Первый этап разгрома уникальной реставрационной и исследовательской организации, какой были Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ), начался в 1930 г. И. Э. Грабарь, прекрасно понимая ситуацию, хлопотал о персональной пенсии (ему было 59 лет) и, получив её в мае, в июле подал в отставку с поста директора мастерских... 6 октября арестовали одного из ведущих научных руководителей ЦГРМ А. И. Анисимова.

...Как только Анисимова отправили на Соловки, последовал арест П. И. Юкина 1932 г. 3 марта, Г.О. Чирикова 17 марта, а затем ещё двух сотрудников. Их обвинили в принадлежности к анти-советской группе, и 23 августа обоих реставраторов отправили в Котлас. Положение Чирикова было особенно трагичным из-за опасной болезни. Он отбывал ссылку в Архангельске, участвуя в отделке интерьеров главного театра (для возведения которого использовались кирпичи взорванного городского Троицкого собора) (С. 150). (И.Л. Кызласова. К иконографии ведущих сотрудников ЦГРМ (А.И. Анисимова, Г. О. Чирикова) и история мозаики «Троица» Е.Е. Климова (1942) // Грабарёвские чтения. VII. Международная научная конференция. 22–24 октября 2008 г. – М.: Изд. СКАНРУС, 2010.)

1934 год, 8 июля

...Из обращения Ярославского краеведческого музея в Государственную Третьяковскую галерею.

В течение уже продолжительного времени мы обращаемся в центральные органы с просьбой прислать специалистов для разбора громаднейшего фонда икон, оставшихся от ликвидации Ярославских Реставрационных Мастерских... Просим Вас как только возможно ускорить приезд Ваших специалистов. Иконы, среди которых имеются, как Вам, наверное, известно, исключительные памятники живописи, находятся в самом угрожающем состоянии, так как сложены в громадном количестве в сыром помещении... (Зам. директора Романычева).

25 ноября

...Информация Ярославского краеведческого музея в Комитет по охране памятников при ВЦИК.

Ярославский Краеведческий Музей сообщает, что бывшая Воздвиженская церковь была передана Реставрационной Мастерской Коммунальному отделу без акта и без фиксации. В последующем Реставрационные Мастерские были ликвидированы, и их руководители арестованы, и никаких сведений не осталось (Директор музея Громов. Ярославский архив // Историко-краеведческий сборник. – Москва–Санкт-Петербург: АТНЕНЕУМ–ФЕНИКС, 1996. С. 259–260, 263).

В 1930-х гг. аресту и расстрелу подверглось до 85% священнослужителей Русской православной церкви (С. 97).

...статистика говорит о том, что пик репрессий в отношении священнослужителей и мирян пришелся на 1937 г. В последующие годы происходит радикальное сужение размаха репрессий. По данным комиссии А. Н. Яковлева, в 1937 г. по церковным делам было арестовано 136 900 чел., из них расстреляно – 85 300; в 1938 г. соответственно 28 300 и 21 500, в 1939 г. – 1500 и 900 ...в 1940 г. – 5100 и 1100; в 1941 г. – 4000 и 1900... (С. 100).

К началу Великой Отечественной войны Русская православная церковь имела 3021 действующий храм, 99% которых находилось на территориях, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг. (составляли около 2% территории СССР). Священнослужителей в РПЦ насчитывалось 6376 чел. (в 1914 г. ... – 66 100 чел.), монастырей – 64 (в 1914 г. их было – 1025). У Церкви не было патриарха (не избирался после кончины патриарха Тихона в 1925 г.), а от высшего духовенства осталось 2 митрополита и 2 епископа. У Церкви не было ни одного учебного заведения и периодического издания. Таким образом, положение РПЦ перед началом войны, в результате более чем 20 лет гонений

и репрессий, было очень тяжелым. Тем не менее, Церковь продолжала занимать патриотическую позицию, что и доказала в первый же день войны (С. 102–103).

Церковь стала использоваться государством во внешнеполитических целях еще в 1942 г., когда по решению Политбюро ЦК ВКП (б), но под эгидой Московской патриархии, в великоленном для военных времен исполнении была издана книга «Правда о религии в России», которая в розовых красках рассказывала о том, что в СССР царит свобода совести (С. 119).

С 1943 г. резко сократилось число арестов по «религиозным делам». 14 сентября 1943 г. при СНК СССР был создан Совет по делам Русской православной церкви, который возглавил высокопоставленный сотрудник НКВД Г. Г. Карпов. ...задача Совета по делам РПЦ заключалась в осуществлении контроля над деятельностью Церкви. Об истинном отношении государства к Церкви (утилитарное использование и полный контроль) говорит тот факт, что Карпов одновременно с исполнением должности председателя Совета по делам Русской православной церкви вплоть до 1955 г. возглавлял 4-й отдел III секретно-политического управления НКВД, ответственного в том числе за борьбу с «церковно-сектантской контрреволюцией» (С. 121).

НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ...в общей сложности было восстановлено более 40% от дореволюционного количества церквей. По разным данным, их было от 7547 до 9400, а также почти 60 монастырей (45 на Украине, 6 в Белоруссии и 6–7 в РСФСР). В целом, несмотря на восстановление реальной свободы вероисповедания, на оккупированных территориях СССР во многом были оставлены в силе советские антирелигиозные законы, в частности, было запрещено преподавание Закона Божьего в школах... (С. 284).

...К началу 1946 г. у РПЦ было... 10 547 церквей... и 9254 священника, 30% которых начали службу в годы войны. ...большинство храмов, возобновивших свою работу во время войны, было открыто во время штирлерской оккупации. После освобождения общины этих храмов оказывали сопротивление их закрытию. 1 декабря 1944 г. было издано Постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобожденной от немецкой оккупации», которое предписывало «не проводить кампании по огульному возврату зданий, переданных немцами под церкви», а делать это постепенно, изыскивая возможность предоставления верующим других зданий. 30 июня 1944 г. было принято постановление СНК СССР о передаче Церкви «предметов культуры» из числа национализированного, конфискованного и выморочного имущества. ...10 мая 1944 г. СНК СССР разрешил РПЦ открыть Богословско-пастырские курсы в Саратове, 14 июня 1944 г. – Богословский институт и Богословские курсы в Новодевичьем монастыре (С. 129–130). (Федор Синицын. За русский народ. Национальный вопрос в Великой отечественной войне. – М.: Яуза, ЭСМО, 2010.)

1965 год. Библиотека ОДНТ списывает макулатуру. У меня с Лидией Павловной Ильинской, библиотекарем, хорошие отношения: позволяет тайком – *быстрее, сегодня!* – выдрать репродукции, статьи – *обложки обязательно оставлять!* Списываем газеты, журналы, брошюры, книги. Театрал какой то собирал библиотечку, подарил ОДНТ – инструкция требует списать – *только Балабановой не говори: умрет* (Балабанова Валентина методист ОДНТ по театру). Зову Ямпольского – вечером я картинку выдираю, он статьи из журналов «Новый мир», «Нева», «Знамя»... – *Почему списываем журналы ИСКУССТВО, ХУДОЖНИК, ТВОРЧЕСТВО, ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО?* Я сам их на ОДНТ выписывал – *за 1964 год, они-то не устарели!* Борис Яковлевич журнал «Огонёк» показывает – *Заголовок видишь? НАШ ДОРОГОЙ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ!* С таким заголовком все журналы, газеты отмечали семидесятилетие Хрущева, с таким названием кино сделали – *Брежневу это надо?* Обрати внимание – *списывают устаревшие книги.* Лихачев в 1928 году пошутил, что старая орфография лучше новой: *приговор – пять лет в Соловках.* Почему в библиотеках нет дореволюционных изданий классиков – *их сочинения неоднократно издавались?* Ты хоть одну книгу дореволюционной печати видел? Прочная бумага, у ранних книг тряпичная – *таким книгам износа нет.* Где эти книги? *Списаны. Есть ещё у людей, пока в библиотеку не сдадут, как ваш театральный деятель. Власть уничтожает культуру – что же ты такой нелобознательный?*

Ленина читать надо!

Соловецкий лагерь особого назначения (СЛООН)

Д.С. Лихачев, литературовед, академик (1928 – 1931). 28 октября 1929 г... Вдруг завyla собака Блек... Это выводили первую партию на расстрел через Пожарные ворота. Блек выl, проводяя каждую партию... Расстреливали два франтоватых (франтоватых по-лагерному) с материка и наш начальник Культурно-воспитательной части Дм. Вл. Успенский... ..он якобы убил своего отца (по одним сведениям, дьякона, по другим – священника). Срока он не получил никакого. Он отговорился тем, что «убил классового врага». Ему и предложили «помочь» при расстрелах. Ведь расстрелять надо было 300 или 400 человек. С одной из партий получилась «заминка» в Святых (Пожарных) воротах. Высокий и сильный одноногий профессор баллистики Покровский (как говорят, читавший лекции в Оксфорде) стал бить деревянной ногой конвоиров. Его повалили и пристрелили прямо в Пожарных воротах. Остальные шли безмолвно, как замороженные... А Блек убежал в лес. Он не пожелал жить с людьми! (Часть суши, окружённая небом. «Новая газета». № 85 (1788). 05. 08. 2011).

...Вологда. ...Мне хотелось подняться на колокольню: оттуда открывался совершенно удивительный вид на город и окрестности... Войдя в обширный зал под колокольней, мы в недоумении остановились. Перед нами на цементном полу в беспорядочных кучах громоздились старые книги. Одни были в темно-коричневых плотных кожаных переплетах, с желтыми и красными обрезами XVIII века; другие обтягивал желтоватый, похожий на старую кость пергамент, по которому кое-где сохранилось золотое тиснение; книги с застежками, завязками, с красными прописными буквами, с заставками, виньетками, гравюрами, картами... Миловидные воложанки в черных халатиках откуда-то сбоку из дверей выносили новые охапки книг и сбрасывали их вниз, под лестницу. – Зачем же так безжалостно?! – А что их жалеть-то? Все равно сегодня в утиль свезут! – ... Колокольня примыкала к стене архиерейского подворья. В стене находились фонды Вологодской областной библиотеки. На длинных, сколоченных из досок стеллажах хранилось богатейшее собрание удивительных редкостей. Здесь стояли книги на славянском, латинском, французском, немецком, шведском, греческом, арабском, коптском, португальском, китайском и еще не знаю на каких языках: сокровища XVI и XVII веков, творения отцов церкви и французские романы, Ксенофонт и Гомер, словари всех живых и мертвых языков, редкостные журналы и первоиздания, альбомы гравюр, тома судебных процессов, атласы географические, ботанические, анатомические и нумизматические, сборники папских булл и научные исследования. Каждая вторая из этих книг была бесценным музейным экспонатом, библиографической редкостью. И не мудрено: судя по печатям владельцев, по экслибрисам, по страничным записям, областная библиотека вобрала в свои фонды библиотеки гимназий, семинарий, консистории, дворянского собрания, епархиальных училищ, Архиерейского Дома, множество частных библиотек, которыми славилась когда-то Вологда, наконец, собрания из разоренных дворянских усадеб. ...указ о ликвидации фондов областных, районных и музейных библиотек... В утиль, в утиль, в утиль – вместе с консервными банками, металлоломом, тряпками, изношенными ботинками летели книги, каждая из которых могла оказаться единственным оставшимся экземпляром редкостного издания. Книги, рукописи, гравюры – «вторичное сырье»... (Андрей Никитин. Возвращение к Северу. – М.: Мысль, 1979. С.132–133).

1965 год. ...Ильичев, негодуя и чуть ли не плача, говорил: – Он нас все время дёргал, никто не мог чувствовать себя спокойно (Юрий Аксютин. Хрущёвская оттепель. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 568). Ни Хрущева, ни Ильичёва: идея – заменить профессионалов любителями? – осталась. Идёт Всесоюзный смотр художественной самодеятельности, посвященный 50-летию Великой Октябрьской Социалистической Революции. Бюджетом предусмотрены расходы на проведение смотра: материальная база – НА КУЛЬТУРУ обязаны тратить 3% своих доходов колхозы и совхозы, заводы и предприятия. Колхозы-миллионеры строят в сёлах области Дворцы культуры с концерт-

ным залом на 600 мест. Концерты, выставки самодеятельных артистов, художников – групповые, городские, районные, областные, всероссийские, всесоюзные: телевизор – ГОЛУБОЙ ОГОНЁК.

ОДНТ подписался на журналы по искусству, выходившие в СССР, ГДР, Венгрии, Чехословакии, Румынии. Польша. Братские страны считают иконы народным искусством: репродукций икон в журналах множество. СССР издаёт книги по народному искусству (религиозные сюжеты исключены) – ложки, прялки, вышивки – без икон.

С областной выставки самодеятельных художников 1965 года отобраны работы для выставок-передвижки. Упаковал – отправил, распаковал – повесил: Районные Дома культуры в пяти местах Саратовской области.

НОВОУЗЕНСК Степь – зерновой район величиной в среднее европейское государство: орошение искусственное, верблюд на базаре – больше слона, командированным задание – гуси дешёвые.

ДЕРГАЧИ Действующая церковь, часовня на кладбище. Старики умирают, молодежь иконы в церковь несёт: чердак, говорят, иконами забит.

ПУГАЧЁВ Церковь огромна – между пятью куполами, на ночёвку, полотнища воронья медленно разворачиваются, маршрут их завораживает, прямо-ровно не летят: через Орёл после войны так вороны летели на ночлег. Не видел никогда такой большой книги – узкая, во всю ступень каменной лестницы на колокольню – только пройти оставлено: застёжки металлические, деревянный переплёт в коже – любопытствовал открыть. Со второго яруса лестницы до крыши груды книг разного размера: видно снизу – на чердаке стоят большого размера иконы. Староста церковный доверием проникая – водит.

Через сорок лет доберётся до Пугачёва экспедиция Радищевского музея: в церкви ничего лишнего (ПОЖАРНИКИ), музей оставил себе два экспоната – макет церкви и образ Николы с дырочками в глазах (слезам капать) – атеистическая агитация. Я, когда возил выставку-передвижку (1965-1966 годы), был в Пугачевском районном краеведческом музее. Рассказывали сотрудники о знаменитых старообрядческих скитах, монастырях по Иргизу, их закрывали – музей собирал иконы: на оборотах икон этикетки с указанием века, некоторые иконы заклеены газетой тридцатых годов (укрепляли красочный слой). Жаловались сотрудники: новые инструкции предписывают списывать иконы, устаревшие музейные правила затрудняют списание – *Как спишешь? На иконах инвентарные номера* (некоторые иконы Пугачёвского музея переданы Радищевскому музею и Областному краеведческому).

Начало земледельческой колонизации по Иргизу положили старообрядческие общины в конце XVII–начале XVIII веков... Уже в 1762 году на месте нескольких небольших скитов, основанных ещё в конце XVII столетия, возникли три мужских и два женских монастыря. ...Город Николаевск (ныне Пугачев) и его окрестности были в свое время крупнейшим очагом старообрядчества в России... ..до 40-х годов XIX века влияние иргизских монастырей распространялось на все Поволжье, Пермский край, Урал. Даже старообрядческой Москве, издавна бывшей одним из руководящих центров «старой веры», приходилось с ними считаться.... (Сергей Самсонов. «Старообрядческий Иерусалим» в Заволжье // Журнал «Волга». 1990. № 2).

XX ВЕК. СССР ПРЕОДОЛЕВАЕТ ПЕРЕЖИТКИ БЕСКУЛЬТУРЬЯ, СУЕВЕРИЙ И ПРЕДРАССУДКОВ

Церковную скульптуру музей Моршанска сохранил в подвале: от глаз проверяющих дверь заложили кирпичом, заштукатурили.

Радищевский музей в 1953 году спас картины Борисова-Мусатова, Юстицкого, Белоусова – за дверь со старой «нетронутый» печатью, в подвале.

ПОЖАРНИКИ беспокоятся – в Саратовском Троицком соборе колокольня и чердак захлаплены. Освободили пожароопасные проходы – в 1968 году сожгли в Затоне три машины икон: художник рассказывает (его мать староста Троицкого собора) – *оставил себе несколько икон, жалко*

стало: доски выдержанные, нарисую на них что-нибудь. Спрашиваю Любомирову, директора Областного краеведческого музея (иконы – государственное имущество на учете музея), правда ли, жгли иконы – *А что делать? Областной уполномоченный по связям с церковью распорядился: акты списания у меня в столе лежат – Максимов подписал.* Прежний хранитель краеведческого музея по фамилии Береза рассказывала мне, когда отопление в музее было печное, пораженные жучком-точильщиком иконы сжигала в печи – *когда уборщицы уйдут – стыдно было.*

«На то уполномоченный» в 1974 году разрешил из очередных списываемых икон Троицкой церкви отобрать Радищевскому музею двадцать икон, в 1976 году Краеведческому музею – семьдесят икон.

1972 год. БАЛТАЙ – церковь закрыта, семьсот икон во дворе: на практике Саратовское художественное училище – некоторые студенты вернулись с практики с подобранными иконами.

1975 год. СЕЛО КАМЕНКА – закрыли деревянную церковь (Кузнецко-Троицкий приход) – перекрыто, без единого опорного столба, внутреннее пространство в пятьсот кубических метров: без дверей, иконостас разворочен – *Из церкви ребятишки выбросили в пруд скульптуру «Христос в темнице» – два дня плавала, чёрная, страшная. Ночью её увезли – теперь не пропадёт!* – мужик из Каменки сам давал машину, чтобы отвезти. Энтузиасты спасают иконы.

Царская власть даёт Саратовскому художественному музею имя Радищева, бунтовщика – *хуже Пугачева: Екатерина II:* советская власть разоряет родовую память Радищевых. Верхнее Аблязово родина Радищева, деда А. П. Боголюбова, основателя художественного музея в Саратове – в опустошённую церковь Радищевых директор мемориального музея Радищева из закрытой церкви соседней деревни перевёз иконостас. Привезённый иконостас поздний, большой – пришлось крайние иконы разместить на боковых сторонах церкви. От прежнего убранства церкви – фрагменты росписи стены с композицией ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ. Детали прежнего иконостаса – ГЛАВА ХРИСТА – поменьше натуральной величины, фрагмент композиции РАСПЯТИЕ, небольшая скульптурная группа ЖЁНЫ-МИРОНОСИЦЫ находящиеся в фондах мемориального музея, дают представление о польско-украинских связях хозяев, о высоком художественном уровне – остатки информации. Полнота польско-украинской ориентации сохранена убранством действующей Христорождественской церкви села Нижнее Аблязово, построенной Г. А. Аблязовым. – *Хорошим показателем благосостояния Аблязова может служить уже то, что он в своём селе в 1730-х годах построил каменную церковь* (П.Г. Любомиров. Род Радищева // А.Н. Радищев. Материалы и исследования. – М.–Л.: Изд. Академии наук СССР, 1936. С. 318).

По причине глухоты церковь села Нижнее Аблязово сохранила убранство начала XVIII века, идентичное церкви Верхнее Аблязово – *позднебарочная школа деревянной церковной резьбы, одна из наиболее сильных в Восточной Европе* (Л.И. Тананаева. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. – М.: Наука, 1979. С. 182).

Церковь сторожит монашка из Вятки (Кировск): *резные ангелы на двери работы местного мастера – художника дом цел, рядом стоит.* Большая икона СЕРАФИМ САРОВСКИЙ С ЖИТИЕМ – *года четыре назад икона перешла на другое место – чудо произошло. Слышу, кладет дрова и одно полено раскатилось. – Кто это там дрова кладет? – Ты что спишь? Надо топить! Батюшка приезжает по воскресеньям из Кузнецка, болеет, третью неделю службы нет. Обокрали церковь прошлый год, осенью – снежок начинался. Замок распилили, через колокольню залезли, взяли из комода 12 икон. Милиция ничего не нашла.*

Среди других в церкви икона со святыми, соимёнными царской семье – на обороте подпись – *Сооружена сия икона в память спасения царствующей семье 1888 году 17 дня октября Иваном Евдокимовым Герасимовым. Сия икона писана в селе Болакове в мастерской Федора Иванова Курбатова.*

На центральной алтарной двери иконостаса СОШЕСТВИЕ СВЯТОГО ДУХА – 13 резных фигур, на дверях в приделах четыре резных апостола и БЛАГОВЕЩЕНИЕ. Объемная скульптура ХРИСТОС В ТЕМНИЦЕ (голова Христа, как в мемориальном музее Радищева), резная икона МИТРОПОЛИТ ПЁТР. Перед алтарём объемное РАСПЯТИЕ С ДВУМЯ РАЗБОЙНИКАМИ, МАРИЕЙ,

ИОАННОМ, ОДНИМ АРХАНГЕЛОМ, ПОЛОЖЕНИЕ ВО ГРОБ – семь фигур меньше натуральной величины и два ангела с Крестом большие.

Померанцев, увидев в 1975 году фотографии из церкви Нижнее Аблязово, жалел что плохое качество экспедиционных фотографий не позволяет поместить изображения скульптур в альбом *РУССКАЯ ДЕРЕВЯННАЯ СКУЛЬПТУРА*, который он готовил к печати; сказал, что он не знает об этой церкви, на протяжении своей жизни встречает только третий случай сохранности в таком большом количестве круглой церковной скульптуры. В первом случае церковная скульптура в Ленинграде сохранилась. Во втором случае найденная им самим в экспедиции по Горьковской области в городе Арзамасе группа *ПОЛОЖЕНИЕ ВО ГРОБ, ПО УГЛАМ ЕВАНГЕЛИСТЫ (священником Ильиным резана в 1776 году)* – в войну пошла на дрова: из нескольких объёмных скульптур сохранились только жены-мироносицы и фотографии.

...если живопись Древней Руси стала достоянием науки уже в начале XX века, то древнерусская скульптура – только в настоящее время (С. 12).

...В начале XVIII века в Петровское время монахи Данилова монастыря, а потом и некоторых других, стали под покров подкладывать вытесанное из дерева подобие человеческой фигуры, чтобы создать впечатление, что под покровом лежит тело святого, фактически погребенное в земле. Об этом было сообщено Петру I. После тщательного разбирательства дела и проверки на месте 15 марта 1722 года был издан специальный указ, касающийся злоупотреблений с гробницами святых, что вызвало необходимость освидетельствования специальными чиновниками Синода не только переславских резных изображений, но и целого ряда других скульптур, находившихся на надгробиях святых в других местах. Ретивые синодальные чиновники, вероятно, стали считать и другие скульптуры малохудожественными и не соответствующими канону русской православной церкви. В скором времени вслед за первым указом появился второй, представляющий право изымать из церквей скульптуру, которая почему-либо казалась сомнительной. В результате погибло огромное количество произведений русской пластики. Массовое уничтожение её на этом не закончилось. В ноябре 1832 года был опубликован указ Синода вообще о запрещении статуй в церквях. Местные архиереи, объезжая епархии, часто находили, что статуи мало подходят для православных храмов, усматривали в них католическое влияние на православие и повелевали уничтожать их. Это распоряжение особенно губительно отозвалось на сохранности северных памятников. К счастью, усилиями любителей и благодаря случайным обстоятельствам часть из них попала в различные музеи (С.14).

...Подобно былинному эпосу, сказкам и песням, уходя корнями в глубокую древность, русская деревянная скульптура является одним из важных видов самобытного художественного творчества русского народа. Наделенные чрезвычайной выразительностью, свидетельствующей об удивительной талантливости их творцов, о тонкости их художественного вкуса и понимания потенциальных образных возможностей материала, древние памятники народного искусства в наше время обрели свою вторую жизнь, заняв достойное место в крупнейших музеях страны. Не будет преувеличением сказать, что многие из публикуемых в этом альбоме произведений войдут в сокровищницу мировой культуры (С. 17). (Н.Н. Померанцев. О русской деревянной скульптуре // Русская деревянная скульптура. – М.: Изобразительное искусство, 1994.)

1981 год. *...комплексное этнографическое, археологическое и искусствоведческое изучение всех сохранившихся памятников и их истории значительно расширит наше представление о народном творчестве XVIII-XIX веков (С. 52) ...строятся первые церкви (только в Кузнецком уезде с 1731 по 1782 год было выстроено 18 церквей: труды саратовской ученой архивной комиссии. Т. IV, вып. 2. Саратов. 1893. Л. 116.), которые заполняются скульптурой (С. 53). (Н.В. Гаврилова. Народная деревянная скульптура в музеях Саратовской области // Музей 2. Художественные собрания СССР. – М.: Советский художник, 1981.)*

1923 год. *Этнографическая экспедиция Саратовского университета под руководством профессора Б. М. Соколова. Экспедиция сделала путь около 200 верст от города Петровска до города*

Лопатино. Обследовано до 25 сел, разнообразных по национальному составу – великорусских, татарских, мордовских, чувашских. Главные пункты работы сёла: Кутьино, Ключи, Карлыган, Шняево, Белая Гора, Безуч, Лопатино, Козловка. Совершались дополнительные поездки в села Теплое и Старое Славкино. В.И. Трофимов, участник этнографической экспедиции – выписка из Гос. архива (по моей просьбе – В.Л.).

В фондах Саратовского краеведческого музея сохранились акварели с изображением скульптуры. Они были выполнены в 1923 г – в то время, когда скульптура была обнаружена этнографической экспедицией Саратовского государственного университета в местных селах (Художник А.М. Синицын, тогда Бабановский, участник экспедиции – В. Л.). На листе с изображением одного из «Спасителей» обозначено село, откуда происходит фигура (Димитриевский Чардым Петровского уезда, располагалось в 135 верстах от Саратова и 40 от Петровска). «Первоначальная» церковь там была построена в 1761 г. Видимо, 1760-ми годами датируется эта фигура (инв. № СК 314 – скульптура, СМК 6814 – акварель) (Н. В. Гаврилова. Коллекция древнерусского и крестьянского искусства в музее имени А. Н. Радищева. Состав и история комплектования // Художественный музей и культура края. Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 100-летию Саратовского государственного художественного музея им. А.Н. Радищева. – Саратов: Изд. «АРЕАЛ», 1994. С. 73-74).

1975 год, ТОЛПА СОГБЕННЫХ ЛЮДЕЙ – писала газета «Комсомольская правда»: Радищевский музей привез из Петровска 18 фигур – древнерусскую скульптуру. Узнали о ней от музейного активиста Виктора Григорьева из Петровска: в сарае Петровского краеведческого музея (худая крыша, стены дырявые) пропадает от непогоды десятка два в человеческий рост вырезанных из дерева скульптур: утрачены частично сборные детали, облезла от дождей и сквозняков краска вместе с левкасом. Скульптуру сохранил, несмотря на неблагоприятные условия, Районный краеведческий музей – директор Мухина Александра Александровна, рада передать скульптуру Радищевскому музею – *...списать хотела: скульптура на инвентаре – район не разрешает. Уговорила район – область не списывает. Область согласилась – Москва не разрешает списывать. Областно-му краеведческому музею – Возьмите! – Своих девать некуда!*

Церковная круглая скульптура, запрещенная православной Церковью с Петровских времен, возродилась со второй половины XVIII века в Саратовской губернии в местах проживания немецких колонистов. Сюжет СПАС В ТЕМНИЦЕ принесён немцами-переселенцами из южной Германии и стал популярен в России. Иконография этого сюжета восходит к XVI веку – Ганс Лейнбергер. СИДЯЩИЙ ХРИСТОС. Около 1525–1530 гг. Берлин – Далем, музей (М.Я. Либман. Немецкая скульптура. 1350–1550. – М.: Искусство, 1980. С. 303).

Возрожденную скульптуру конца XVIII – начала XIX веков Церковь признала влиянием католичества и указом Синода 1832 года за № 11599 опять запретила делать статуи – *«...статуи неподходящи для православных храмов, несовместимы с настоящим православием», «...католическое влияние на православие», «...очистить храмы от скверны»* (Иван Евдокимов. Север в истории русского искусства. – Вологда, 1921. С. 110).

Сохранившаяся скульптура конца XVIII – начала XIX веков, поступившая в Радищевский музей из города Петровска, исполнена в большинстве случаев мордовскими мастерами. Лик Христа имеет ярко выраженные восточные черты – по сути автопортреты резчиков по дереву (Гаврилова). Северная лесистая часть Саратовской губернии заселена мордвой, сохранившей традиции работы с деревом – *русские и мордва похожи обличем и одеждой, живут отдельными поселениями. Мордовское село отличается от русского наличием домовой резьбы* (Информация 1975 года от жителей Петровска – В.Л.).

В степной части Саратовской губернии в бывших немецких поселениях – руины костелов и кирх. У немецких скульптур европейский тип лица: таково РАСПЯТИЕ (частное собрание, Саратов), происходит из одного из немецких поселений: Липовка (ШЕФЕР, основание 1766 год),

Привольное (ВАРЕНБУРГ, 1767), лютеранских приходов РОЗЕНГЕЙМ – с 1942 года Подстепное, РЕЙНГАРДТ – с 1942 года Осиновка.

Житель Липовки ездит в баню города Энгельса (пар хороший), рассказывает мне, какая у них лютеранская кирха, занесена в список охраняемых – пол узорчатый разобран на кирпичи: раньше пел хор женский на сорок голосов.

...старые традиции, нравственные принципы, навыки высокого ремесла утрачены почти полностью. Ведь без малого целое столетие происходит одно только разрушение. Мы жили капиталом, который был накоплен веками, который русское искусство берегло в течение веков, в частности, это касается и нравственного климата, необходимого для подлинного творчества, как воздух. Если что создано за это время в искусстве высокого и подлинного, то только на этой основе, именно на ней... С другой стороны, долгие десятилетия наше искусственное отделение от общеевропейского, общемирового прогресса... В общем, случилась какая-то трагическая полная замена крови. Взять такой частный вопрос: я могу сравнить технику пения и должен сказать, что у нас нет выбора голосов. Почему? Потому, что нет хоров. Почему нет хоров? Нет церквей. В каждой деревне, точнее, в каждом селе – поскольку именно в селе стояла церковь – был культурный центр. Пусть этот старый центр не всегда был на должном уровне, но был регент, к которому голосистого мальчика или девочку можно было привести, у которого можно было получить азы нотной грамоты. А в городе сколько их было! К примеру – Торонец. Крохотный городишко! Там было около трех десятков церквей. Какие церкви, какие там звоны Мусоргский слышал! Этого нет. Что заменило? Ничто. Есть какие-то жалкие хорики в Домах культуры, по традиции мы как-то раньше еще певали в быту, но сейчас ситуация совершенно иная. Какие песни мы имеем сейчас? Песни для потребления, но отнюдь не для музицирования. (Евгений Нестеренко, певец, бас...)

К БИОГРАФИИ РАДИЩЕВА: КРЕСТЬЯНСКИЙ БЫТ

Круг семьи Радищевых: ПОРТРЕТ А. П. РАДИЩЕВА деда А. Н. Радищева» 83х68,5, Ж 822 смотреть вместе с Ж 991 – БОГОМАТЕРЬ ЧЕНСТОХОВСКАЯ (одна мастерская по техническим признакам).

Пожалование земель с. Верхне-Аблязово в 1692 г. Григ. Афан. Аблязов – от Петра Великого «по своему царскому милосердию рассмотрению, пожаловали (вотчиною) жильца Григория Афанасьевича Аблязова за многую службу отца его Афанасья Аблязова, что отец его во время настоящая с салтаном турским и с ханом крымским войны...служил...будучи в полках с бояры нашими и воеводы. № 272 «Сарат. Дневника» за 1885 г. статья г. Чекалина (С. 33).

...Малороссы с-ца Неклюдовка Наскафтымская волость (единственные представители малорусского племени в Кузнецком уезде), незадолго до освобождения, до 1861 г... (С. 34).

1) Анненская волость. С. Анненково – Кр-не полные собственники б. кн. Голицыной, православные великоросы. Селение расположено при рч. Тютняре, в 18 в. от г. Кузнецка. Селение образовалось уже около 200 лет т. наз. путем переселения сюда помещиком своих крепостных из Пензенской губ. (из с. Кошкарова Чембарского у. и др.); есть также семьи из Тверской губ., вывезенные с родины приблизительно в 1813 г. Церковь в селе существует уже около 190 лет.

Промыслы в селении развиты мало: в 1886 г. здесь было: 13 поденицков, 9 батраков, 6 пастухов, 4 сапожника, 4 торговца, 3 приказчика, 2 бондаря и т. д. (С. 184).

3) с. Верхнее Аблязово, б. Радищево. Расположено по обеим сторонам рч. Тютняра, в 12 в. от г. Кузнецка и в 5 в. от с. Анненкова (вол. Правление, ярмарка), прих. Церковь и школа в самом селе.

Православные великороссы.

Так как через селение проходит трактъ из г. Кузнецка на г. Петровск, то въ прежнее время здесь многие занимались извозомъ: возили веревки, щепной товар и проч. в г. Саратов, пос. Дубовку и т. д.

Промыслы: батрачество 81 чел., витье веревок 37, торговля 23, мельничный промысел 16, наём в пастухи 12 и поденичина 10.

Стульщики изготовляют простые стулья, или просто обтесанные, или окрашенные и смазанные дерев. масломъ, а иногда и крытые лакомъ. Инструменты у стульщиков обыкновенные столяр-

ные; стоят не более 4-5 р. все.

Липовый лес на стулья покупается по 1р. 50 к. – 2 р. за возъ (в кубич. сажени 8-10 возовъ); купят возъ, выделают из него стульев 25 и везут продавать в г. Кузнецк, затем опять покупают 1 возъ и т. д.; если покупать саженями, то кубик стоитъ 14-15 р.

Промыслом занимаются только зимою, в жилых избах; красят стулья глиною (местная подпочва), разведенною холодною или теплою водою, или же охрою, а затем покрывают дерев. масломъ.

Неокрашенные стулья продаются по 1р. 50 к.-2 р. за десяток, а окрашенные по 2 р. 50 к.-3 р. В зиму хозяин изведет 1-1 1/1 куб. сажени леса, и, кроме прямого дохода от промысла, всю зиму не покупает топлива (стоющего от 5 до 10 р.), пользуясь остатками от изделий. (С. 188).

10) с. Нижнее Аблязово. Кр-не собств., б. г-жи Аничковой, православные великороссы. Селение расположено при рч. Тютняре, в 25 в. отъ г. Кузнецка, прих. церковь и школа в самом селении (церковь, по словам кр-нъ. существует уже лет 200) (С. 210).

Главный промысел в селении – портняжество, которым занимаются до 160 человек; 31 торговец, 16 батраков, 14 сапожников, 7 поденщиков, 6 пастухов, 6 валяльчиков, 5 плотников, 4 конопатчика, 3 дроворуба и т. д.

Портные: хозяева соединяются по двое, редко по трое, и берут 1 работника и 1 ученика; работнику за рабочий период платят от 15 до 40 р., а ученику первые 2 зимы ничего не платят (разве только одежду и сапоги справят), за третью же зиму платят рублей 5. Хозяева делят между собою барыши поровну, причем на товарища въ средние годы достается рублей 40-75. За шубу берут 1р., за полушубок 60 к., за полукафтанье 25 к. и т. д. На работу портные уходят артелями в 20-30 человек, преимущественно въ Самарскую губ., и работают с Покрова до масляницы, а иногда до Вербного воскресения (на эти сроки нанимаются и рабочиe).

Все платёжи в 1885 г. складывались на 666 наделов, по 8 р. 33 1/2 к. на надел, а еще на 7 душ накладывались только вол. и мирские сборы, в размере 1р. 88 к. на душу.

Старосте 70 р. писарю 168 р. сборщику 10 р. сотскому 40 р. на канцеляр. расходы 2 р. на въезжую квартиру 7 р., зимнему караульщику 14 р., летнему 59 р. на страх. общ. зданий 8 р. на страх. училища 27 р. на уплату земской ссуды на училище 68 р. 82 к., на содержание училища 138 р., на перевозки и мосты 65 р. церк. Старосте 20 р. ц. сторожу 24 р. сел. ямщику 125 р. околичным караульщикам 20 р.

Пастухам платится по 50 к. съ коровы, по 25 к. съ теленка, по 1 р. съ 6 овец и по 1 р. за лошадей (С. 212). (Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Том X. Кузнецкий уезд. Издание Саратовского Губернского Земства. Саратов. Типография Губернского Земства. 1891. Печатано съ разрешения Начальства.)

1950-е годы. Московский реставрационный Центр (ЦГРМ), впоследствии ВХНРЦ имени Грабаря, возобновил свою работу – расформирован в 1931 году за антисоветскую деятельность – ...статьи с призывами «за сговор с попами ставить реставраторов к стенке» (Адольф Овчинников. И. Э. Грабарь – основоположник государственной политики сохранения культурного наследия // Грабарёвские чтения. VII. Международная научная конференция. 22-24 октября 2008 года. – М.: Изд. СКАНРУС, 2002. С. 9). СССР «догадался» – на международном уровне престижно гордиться «своим древнерусским искусством»: утвержденным ЦК списком нескольких десятков икон, остальные – «культовые предметы» – запрещено рассматривать в изобразительном ряду. От московских реставраторов пошёл слух – крупные аэропорты всего мира имеют киоски, в которых СССР за валюту продаёт русские иконы.

Музеям разрешалось ставить на инвентарный учёт иконы не моложе XVII века, если они подписаны известными художниками. В советском обществе гонение религии и одновременно мода на соби́рание икон. В начале шестидесятых открыт музей икон имени Андрея Рублева. Запрещено употреблять слово «иконопись»: реставрированные иконы древнерусской «живописи» позволено на выставках показывать собственной стране. Издаются сборники статей «древнерусского искусства», альбомы и каталоги «древней живописи» Пскова, Новгорода, Московской школы (Савелий Ямщиков).

ИКОНЫ РАДИЩЕВСКОГО МУЗЕЯ

Экспозиция древнерусского искусства музея была создана в 1973 г. совместно со специалистами Всесоюзного художественного научно-реставрационного центра имени И.Э. Грабаря. В нее вошли памятники XV–XIX столетий. Её автор – заведующий реставрационной мастерской музея В.А. Солянов.

Экспозиции немногим более 10 лет. Музейное же собрание иконописи имеет вековую историю, и сейчас включает около 600 экспонатов. Первые иконы поступили в 1880-е годы как дары частных лиц, в том числе А.П. Боголюбова. Было их около десяти. Датируются они XVII–XIX веками.

Древнейшие памятники музейного собрания – НИКОЛА И ИЗБРАННЫЕ СВЯТЫЕ – XV века и ЧУДО ГЕОРГИЯ О ЗМИЕ И ИЗБРАННЫЕ СВЯТЫЕ XV–XVI столетий – были переданы музею в 1922 г. из Национального музейного фонда. Есть основания предполагать, что они были вывезены из Белозерского края одной из первых экспедиций по сбору памятников древнерусской живописи, организованных советской властью. Среди известных нам икон, ныне находящихся в Саратовском крае, таких древних образов больше нет (Инв. № Ж 1001, Ж 1255)...

С последней четверти XIX века в Саратове находились иконы ИЛЬЯ ПРОРОК СО СЦЕНАМИ ЖИТИЯ XVI века, СИМЕОН СТОЛПНИК и ДАНИИЛ СТОЛПНИК XVII столетия и БОГОМАТЕРЬ НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА 1714 года (?) (инв. № Ж 1280, Ж 1784, Ж 1785, Ж 1281 – все в экспозиции музея). На оборотах досок есть надписи, свидетельствующие, что иконы были приобретены саратовским гражданином Данилою Никитиным Спириным в Москве у иконописцев Михаила Иванова Дикарева и Осипа Семенова Чирикова, что они поновлены ими в лето 1876 г. и что эти иконы новгородского письма XV («Илья»), XIV («Столпники»), XIII («Неопалимая») столетий (Н.В. Гаврилова. Коллекция... С. 70–71).

Первые годы после революции – иконы приходят в Радищевский музей по разнарядке, потом поступление икон прекратилось на десятилетия. В конце пятидесятых годов XX века по инициативе Нонны Валерьевны Огаревой Радищевскому музею передал иконы XVII века Ярославский музей. Ортодоксальные музейные сотрудники привержены советским инструкциям: столетний юбилей Радищевского музея 1985 года собрал конференцию, на которой хранитель музея из Ульяновска недоумевала – *Зачем Радищевскому музею хранить 600 поздних икон? Достаточно оставить 60 культовых вещей.*

Саратовская губерния возникла поздно, «своей древней живописи» быть не могло, в надежде разыскать привозные старые иконы в начале шестидесятых годов в Саратовской области Аржанов и Свищев организовали первые музейные экспедиции по сбору икон. Находки – *культурные предметы* – иконы XIX века никак не могли считаться экспонатами отдела «древнерусской живописи». Администрация Радищевского музея – директор Пугаев и заместитель директора по научной работе Арбитман не хотели вызывать недовольство вышестоящего начальства, отчитываясь несанкционированным сбором икон. Благодаря Аржанову в Радищевский музей поступили иконы XVII века: Аржанов участвовал в экспедиции, организованной центром, по сбору икон на Севере со своими новыми друзьями – реставраторы Кишилов Николай из ГТГ, Кириченко Владимир Васильевич – Музей имени Рублева и Голомшток (напросился от себя лично). Находят две «старые иконы» – предназначены ГТГ и музею Рублева – представляют экспедицию три музея: компенсация в 1968 году Радищевскому музею – иконостас семнадцатого века, привезённый экспедицией ГТГ из Мурома Ярославской области (в закрытой церкви иконы разрушились – осыпался красочный слой).

Разногласия администрации Радищевского музея с коллективом и сопутствующие причины дорого обошлись музею – в 1970 году девять сотрудников в знак несогласия с администрацией музея подали заявления об увольнении (коллектив музея состоял из тридцати человек, вместе с уборщицами, смотрителями, сторожами). Невосполнима для музея потеря Оболенской, Огаревой, Аржанова, Свищевой, Гродсковой, других сотрудников. Вернулась в 1976 году в качестве директора Радищевского музея уволившаяся в 1970 году Гродскова, ее административные способности привели музей к сегодняшнему состоянию.

ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ

Технические признаки гораздо определеннее, нежели стилистические и формальные, в оценке которых всегда много субъективизма (В.А. Щавинский. Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси. Москва–Ленинград: ОГИЗ, 1935. С.61).

ПАСПОРТ ИКОНЫ

а) Сельская (условное название) иконописная мастерская. Если заказчик приходил со своей иконой, заказ записывался на обороте иконной доски. Такая производственная надпись – «паспорт иконы»: место проживания заказчика, имя, сюжет, цена. Иногда уточняется место жительства, профессия заказчика, особенности сюжета и изготовления, срок исполнения. Иконы «крестьянского письма» не дорогие: вместо золота, серебра – заменители. Нет имени исполнителя, не обозначен год изготовления иконы.

Иконопись – традиционная темпера. Ремесло перенесено в готовом виде при заселении Поволжья, сохраняется и передается «из рук в руки» крестьянской общиной, «законсервированной» до реформ Столыпина XX века. – *Гаврилова, вернувшись из командировки в музей Пскова и Новгорода, сказала, что детали икон «крестьянского письма» идентичны клеймам древнерусской живописи XIV века.*

б) Городская (условное название) иконописная мастерская: одни готовят иконную доску, другие левкасят, третьи «знаменуют» – делают рисунок, есть позолотчики, мастера «личного» и «доличного» письма. Мастерская в состоянии делать «тираж» одного сюжета. Индивидуальный заказ записан в тетрадь – не на иконе (на обороте иконной доски номер заказа).

«Городские» иконы соответствуют разнообразию запросов заказчиков – представителей всех сословий. Ювелирного искусства приёмы работы с золотом и серебром позволяют сделать культовую икону предметом роскоши. Среди иконописцев художники светского профессионального образования – на иконах появляются фамилии исполнителя, год изготовления.

ЛИЦЕВАЯ СТОРОНА ИКОНЫ

Одной из заметных особенностей древнерусского иконописания было включение в композиции многих икон личного элемента, связанного с именем заказчика. Чаще всего этот личный элемент выражен мотивом предстательства перед небесными силами тех святых, которые имеют прямое отношение к семейному патронату. Об имени заказчика или же его имени и отчестве можно судить по изображенному на иконе патрональным святым. Такой прием обозначения имени был популярен в древней Руси (В. Л. Янин. Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений // Очерки комплексного источниковедения. – М.: Высшая школа, 1977. С. 182).

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ИКОНЫ

ЧУДО ГЕОРГИЯ О ЗМИЕ. КВП 230. 35,5x27,3x2,4. Дерево, темпера. Цельная доска. Шпонки врезные оборота, встречные, несквозные – утрачены. Наполнитель левкаса – МЕЛ. Обрат содержит шесть надписей (реконструкция прочтения требует уточнения) – свидетельство, что на одной иконной доске было шесть сюжетов (смывался предшествующий красочный слой вместе с левкасом: заказ исполнялся заново). Надписи производственного назначения – паспорт иконы: место проживания заказчика, его имя, сюжет, особенности изготовления, цена (условное или цифровое написание). Надпись – графья (инструмент и техника – металлическое острие и углубленная линия).

Стрелка указывает верх иконы.

ПЕРВАЯ НАДПИСЬ

4 строки. Внизу по центру остроугольный овал перечеркнут накрест, в правом нижнем углу две прямые черты.

КОНЮШИ
К ИЛИЕ ИЛИЮ
НА
КОЛЕСНИЦЕ)

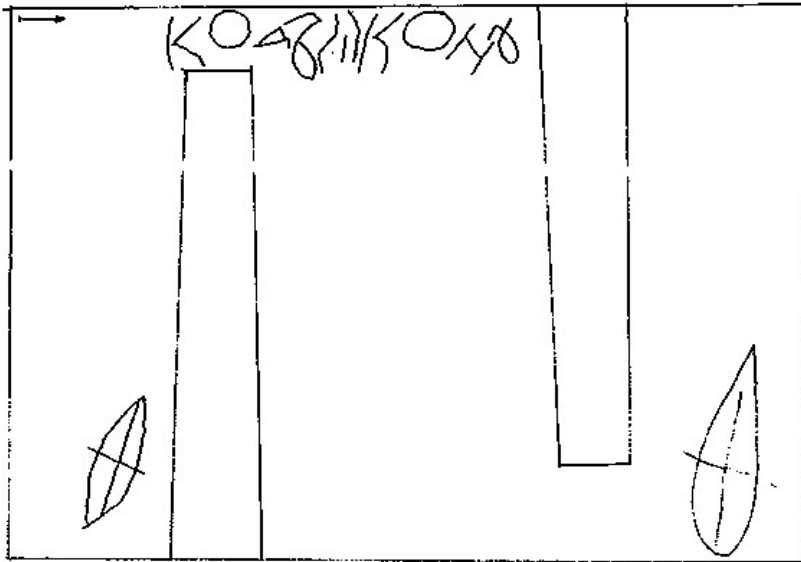
Содержание первой надписи. Первоначальное прочтение: место проживания «у конюшни», конюх Илья заказывает икону «Огненное вознесение Пророка Ильи» (разговорное произношение «Илию на колеснице»). Цена за изготовление иконы – условное написание: овал означает цифру десять, прямая короткая черта – единица. Цена за изготовление иконы – 10 копеек, в залог получено 2 копейки.

Дополнительное уточнение содержания надписи по поводу срока изготовления иконы сделано Н. В. Гавриловой: слово «К ИЛИЕ» означает срок, к которому нужно изготовить икону, то есть к Ильину дню – к 20 июля по старому стилю (2 августа нового стиля).

ВТОРАЯ НАДПИСЬ

Прочтена одна верхняя строка. Левый нижний угол – остроугольный овал перечеркнут накрест, правый нижний угол – остроугольный овал, перечеркнут накрест.

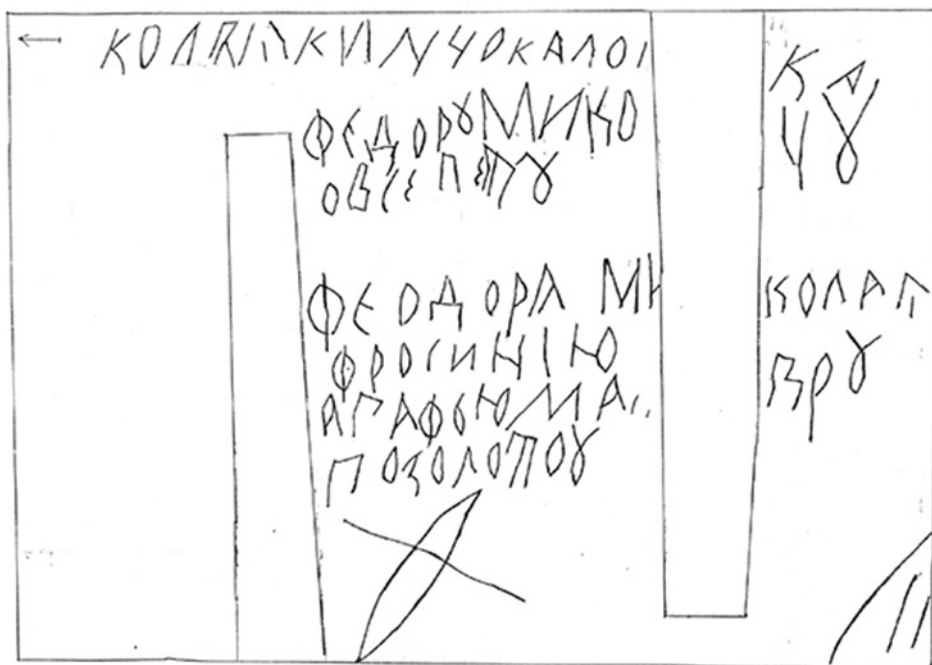

КО ДЪЯКОНУ

Содержание второй надписи. Место проживания и заказчик – «ко дьякону». Цена – условное обозначение – договорная 10 копеек (правый нижний угол); знак расчета – получено 10 копеек (левый нижний угол).

ТРЕТЬЯ НАДПИСЬ

7 строк. Внизу по центру остроугольный овал перечеркнут одной линией, правый нижний угол отчеркнут полукруглой линией – внутри две короткие линии.

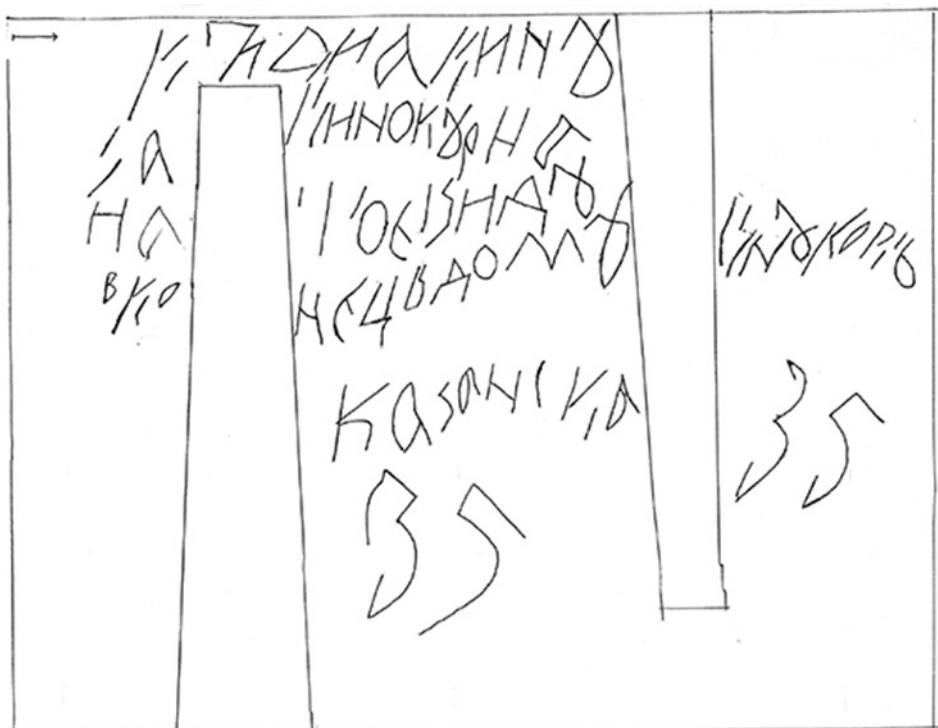

КО ДЪЯКИНУ ОКАЛО (ШИН)КА
 ФЕДОРУ МИКО(ЛАИ)ЧУ
 О В С Е П Е Т У
 ФЕОДОРА МИ КОЛАЯ
 ФРОСИНИЮ
 АГАФЬЮ МА ВРУ
 ПОЗОЛОТОУ

Содержание третьей надписи.. Живущий «КО ДЪЯКИНУ», «ОКАЛО (шин)КА», Федор Николаевич заказывает икону «Всепетая Пресвятая Богородицы» (разговорное произношение «О В С Е П Е Т У») с приписными на полях святыми, соименными членам семьи: себе – «Св. Феодора», отцу – «Св. Николая», матери – «Св. Ефросинию», жене – «Св. Агафью», дочери – «Св. Мавру». Особенность изготовления – «по золоту». Цена иконы 10 копеек, залог 2 копейки.

ЧЕТВЕРТАЯ НАДПИСЬ

5 строк. Внизу по центру – «35», выше правого нижнего угла повторено –35.

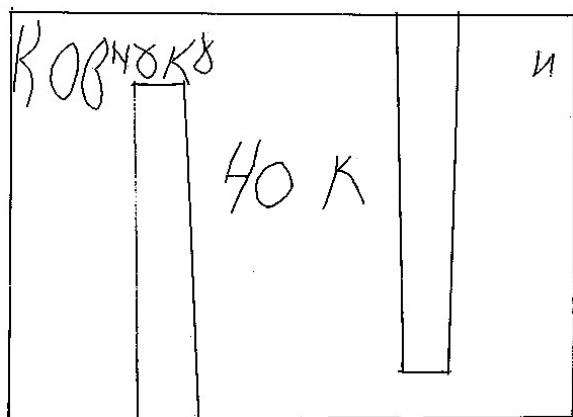

КЪ ДИАКИНУ
ЗА ВИНОКУРНА
НА ТОЕ ВИДУ
В КО НЕЦ В ДОМУ ВНУКОВЪ
КАЗАНСКА
35 35

Содержание четвертой надписи. Живущий «КЪ ДИАКИНУ» «ЗА ВИНОКУРНА» на том месте в самом конце «В ДОМУ ВНУКОВЪ» заказывает икону «Казанская Пресвятая Богородицы» (в просторечии – «КАЗАНСКА») ценой 35 копеек, уплачено сразу.

ПЯТАЯ НАДПИСЬ

Прочтено первое слово верхней строки. По центру – «40 к».

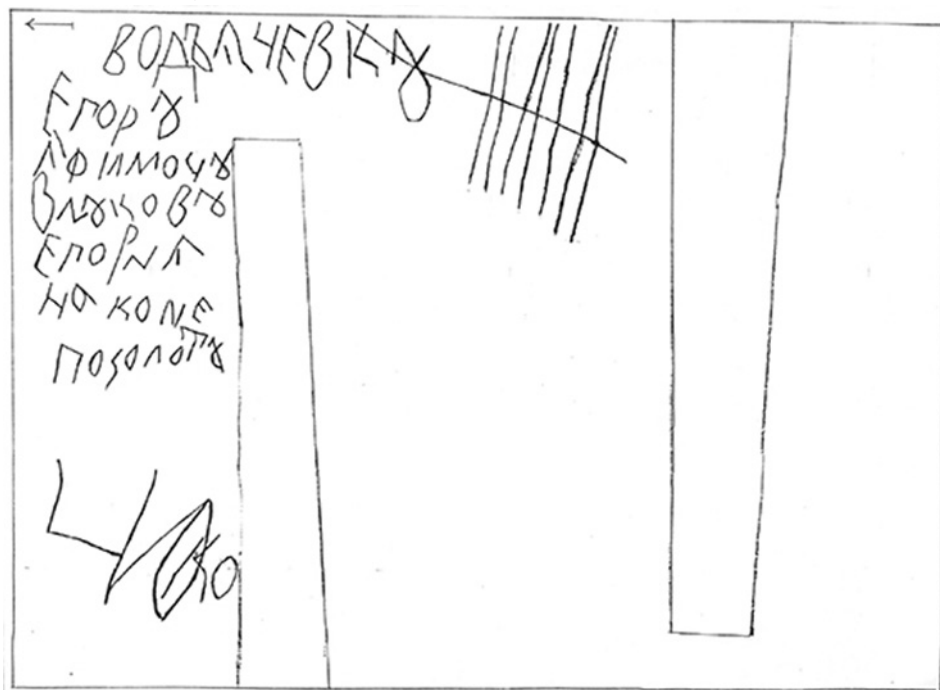

КО ВНУКУ

Содержание пятой надписи. Сюжет иконы не прочитан: заказчик родственник предшествующего – внук, «КО ВНУКУ». Цена – 40 копеек.

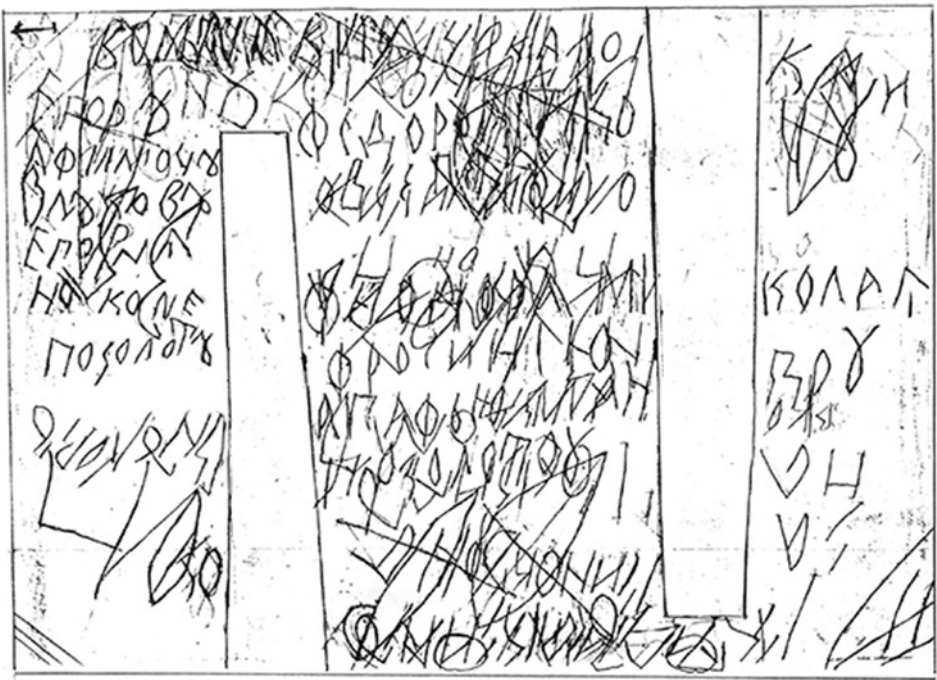
ШЕСТАЯ НАДПИСЬ

7 строк. Правее центра вверху одна длинная линия перечеркнутая семью короткими линиями. Левый нижний угол – «40 ко».

ВО ДЪЯЧЕВКУ
ЕГОРУ
ЕФИМОЧУ
ВНУКОВУ
ЕГОРИЯ
НА КОНЕ
ПО ЗОЛОТУ
40 КО

Содержание шестой надписи. Живущий в селе «ДЪЯЧЕВКА» Егор Ефимович Внуков заказывает икону «Чудо Св. Георгия о змие» (разговорное произношение «ЕГОРИЯ НА КОНЕ»), «с позолотой» – «ПО ЗОЛОТУ», ценой 40 копеек. Залог 7 копеек.

ОБЩИЙ ВИД НАДПИСЕЙ

Примечание. Условное обозначение цены расшифровано при сопоставлении с иконами Радищевского музея, имеющими на обороте надпись с одновременным обозначением цены в условном и цифровом написании, например:

СГХРМ. Ж 2661. Святой Иоасаф епископ Белгородский (два сюжета иконной доски – двухслойный левкас: ГИПС и МЕЛ). Три надписи оборота – карандаш и кисть.

ИЗУЧ 15 60

15 60

4/15р60

№ 347 15 р 60
15 р 60
ц(ена) 15р 60

ИНФОРМАЦИЯ – надписи оборота иконы «Чудо Георгия о змие», КВП 230

Село Дьячевка. Церковь каменная, с деревянною колокольней, отдельно от церкви, построена в 1818 году тицием помещика Димитрия Киреева, однопрестольная: во имя Рождества Христова. Приписная деревянная церковь во имя иконы Божией матери «Боголюбской». Штат притча: священник и псаломщик. Дом у священника церковный, а у псаломщика общественный. Жалование священнику 94 р. 8 к., псаломщику – 47 р. 4 к. (за год). Количество домов в приходе 387. Училища и школы разного наименования: две церковных и земская в селе Дьячевке (Справочная книга Саратовской епархии. – Саратов, 1912. С. 307).

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ ЗАКАЗЧИКА ИКОНЫ – СТАНОВЛЕНИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ

1 надпись. Место проживания заказчика иконы известно иконописцу – у конюшни – **КОНЮШИ.**

2 надпись. Место проживания заказчика – **КО ДЪЯКОНУ.**

3 надпись. Число построек увеличивается: живущий – **КО ДЪЯКИНУ ОКАЛО (ШИН)КА.**

4 надпись. Поселение продолжает разрастаться – **КЪ ДИАКИНУ ЗА ВИНОКУРНА НА ТОЕ ВИДУ В КОНЕЦ В ДОМУ ВНУКОВЪ.**

5 надпись. Заказчик известен, родственник предшествующего – внук – **КО ВНУКУ.** 6 надпись. Установившееся название места поселения – **ВО ДЪЯЧЕВКУ.**

СТАНОВЛЕНИЕ ИМЕНИ, ОТЧЕСТВА, ФАМИЛИИ ЗАКАЗЧИКА ИКОНЫ

- 1 надпись. Заказчик иконы конюх Илья(?).
- 2 надпись. Заказчик дьякон или известный ему – *КО ДЪЯКОНУ*.
- 3 надпись. Появляется имя, отчество заказчика – Федор Николаевич, *ФЕДОРУ МИКО(ЛАИ)ЧУ*.
- 4 надпись. Безымянный – проживающий *В ДОМУ ВНУКОВЪ*.
- 5 надпись. Заказчик родственник предшествующего – внук, *КО ВНУКУ*.
- 6 надпись. Установившиеся имя, отчество, фамилия – *ЕГОРУ ЕФИМОЧУ ВНУКОВУ*.

ЦЕНА ИКОНЫ В УСЛОВНОМ И ЦИФРОВОМ НАПИСАНИИ

Обозначение цены за изготовление иконы – информация об инфляции денег (цена иконы прежняя, но десять копеек начала XIX века станут десятью рублями в конце XIX века.) – один из способов атрибуции иконы.

- 1 надпись. Условное написание цены: 10 копеек, в залог получено 2 копейки.
- 2 надпись. Условное обозначение цены: договорная – 10 копеек и знак расчета – получено 10 копеек.
- 3 надпись. Условное написание цены: 10 копеек, залог 2 копейки.
- 4 надпись. Цифровое обозначение цены – 35 копеек, знак – уплачено вперед 35 копеек.
- 5 надпись. Цифровое обозначение цены – 40 копеек.
- 6 надпись. Цифровое обозначение цены 40 копеек и условное написание залога – 7 копеек.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ

- 3 надпись. «По золоту» – *ПОЗОЛОТОУ*.
- 6 надпись. «По золоту» – *ПО ЗОЛОТУ*.

Примечание. Имитация золота: заменитель (серебряные, оловянные листочки металла, разнообразная фольга) прикрыт цветным лаком, на котором красочный слой. Для связи с красочным слоем поверхность обезжировали.

НАДПИСИ ИКОНЫ (ЛИЦЕВАЯ СТОРОНА И ОБОРОТНАЯ)

Лицевая сторона иконы – тексты литературного написания. Обратная сторона иконы – бытовая речь разговорного произношения: ощущение присутствия в ситуации – заказчик иконы и принимающий заказ (старая иконная доска, переходившая из рук в руки, да еще в одной и той же семье, почиталась как реликвия, ею дорожили и старались использовать неоднократно).

ИКОНА: СЮЖЕТ– ВОСТРЕБОВАННОСТЬ

- 1 надпись. «Огненное вознесение Пророка Ильи»: к сроку – к Ильину дню, к 20 июля по старому стилю (2 августа нового стиля) – *К ИЛИЕ ИЛИЮ НА КОЛЕСНИЦЕ*.
- 2 надпись. Не прочитана.
- 3 надпись. «Всепетая Пресвятая Богородицы» с приписными святыми, соименными членам семьи заказчика: *ФЕДОРУ МИКОЛАИЧУ О ВСЕПЕТУ ФЕОДОРА МИКОЛАЯ ФРОСИНЮ АГАФЬЮ МАВРУ*.
- 4 надпись. «Казанская Пресвятая Богородицы», в просторечии – *КАЗАНСКА*.
- 5 надпись. Не прочитана.
- 6 надпись. Егор Ефимович Внуков заказывает соименную себе икону «Чудо Св. Георгия о змие» – *ЕГОРУ ЕФИМОЧУ ВНУКОВУ ЕГОРИЯ НА КОНЕ*.

ИКОНА: ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОБРЯДА И МИФА

ПРОРОК ИЛИЯ (первая надпись иконы КВП 230): *...не апостол Пётр, а Пророк Илия, более устойчивая и обычная фигура «демоноборца» в народно-бытовой средневековой традиции. – И как ты, святой Илия, милостивой государь, замыкаешь тридевять храмов и тридевять ключёв от сатаны и дьявола, и також ты... замкни меня... и мои ставушки, и ловушки, и мой тын железной в тридевять замков и в тридевять ключёв от колдуна и от колдуньи, и от лихого человека* (Виноградов Н. Заговоры, обереги и спасительные молитвы. СПб., 1908–1909, вып. I-II. /1,62/).

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ (шестая надпись иконы КВП 230): *...в начале XX в. в Егорьев день в Смоленской губернии. В этот день хозяин и хозяйка обходят на дворе вокруг весь скот, приговаривая: «Святой Ягорий, батюшка, здаём на руки тебе свою скотинку и просим тябе: сохрани же от зверя лютого, от человека лихого». Затем кладут на землю под ворота замок и ключ: «чтобы пасть зверина была так крепко заперта, как запирается замок на ключ». «Хозяин и хозяйка... в ворота хлева кладут пояс, сковородку, топор, замок и косу – тогда, непременно сами, выгоняют скот в поле. При этом пояс означает, что скотина не будет отходить от дома, как пояс не отходит от тела хозяина; железные вещи означают, что, как железо нельзя есть, так и скот не может съесть ни один зверь». Весьма важные и существенные справки, указывающие на взаимообратимость слова и действия. Одна и та же цель достигается или применением слова, словесной формулы, или же обрядового действия. В общий состав обрядового действия включается также и обряд ряженья, – заговорное действо («закрывание замка») исполняется ряжеными старухами. «Как только скотину выгонят за ворота, многие старушки вывёртывают шубу наружу шерстью, надевают в таком виде шубу и становятся среди своего скота: у какой-нибудь коровы или овцы вырывают клочек шерсти, и эту шерсть запирают замком, чтобы волк не трогал стада». Весьма яркий и значительный пример коллективно исполняемого ряжеными женщинами заговорного действия, которое входит в состав праздничного игрища, приуроченного ко дню весеннего выгона скота в поле (С.121).*

Среди других видов устного народного творчества заговоры занимают свое особое и своеобразное место. От прочих видов фольклора – песни, сказки, былины, легенды и т. д. – они отличаются прежде всего тем, что представляют собою средства для достижения определённой практической цели. Заговоры утилитарны, они непосредственно связаны с бытом... ..текст заговорных формул...предельно прост и несложен. (С. 78–79). ...А.Н. Афанасьев писал... что заговоры «сохранили нам драгоценные свидетельства», отголоски поэтических воззрений глубочайшей древности (С. 80). (В. П. Петров. Заговоры // Из истории русской советской фольклористики. Л. «Наука». Ленинградское отделение. 1981.)

МИФ (Рассечение мифологического целого порождает не части целого, но иные целые)

Икона ЧУДО СВЯТОГО ГЕОРГИЯ О ЗМИЕ (КВП-230) содержит изобразительную параллель поэтических воззрений глубочайшей древности. Поводок на шее Змия – красного цвета (утрачен в процессе раскрытия иконы, когда Радищевский музей готовил выставку «крестьянской» иконы 1984 года: по фотографии иконы до ее раскрытия поводок восстановлен в 2008 году в процессе очередного укрепления красочного слоя с левкасом). Поводок, зачем, почему он в этом сюжете?

Тема ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА – вариант содержания ранних отношений земледельцев со скотоводами: для орошения сооружаются водоемы, **обожествляются вода и символ воды – змея**. Водоемы и змей оберегали соответственно жрицы (**на поводке водили за собой Змия**). Скотоводческие племена воинственными набегами разоряли уклад земледельцев – разрушали мелиорацию (**убивали Змия**).

ВАРИАНТ БОЖЕСТВЛЕНИЯ ВОДЫ, источника жизни – АПТЕЧНЫЙ СИМВОЛ: ЗМЕЯ ОБВИВАЕТ ЛЕКАРСТВЕННУЮ ЧАШУ. В заговорах от змеиного укуса мы находим... нерасчлененное представление о болезни и целителе... Взгляд...что змей – это исцелитель, изгоняющий болезни, отразился во всей сложности деформированных мифологических представлений в греческом мифе о враче-исцелителе Асклепии, первоначально, в своем исходном образе – змее (В. П. Петров. Заговоры // Из истории... С. 138–139).

К биографии А.П. Боголюбова

СЕЛО ДЪЯЧЕВКА – ПРОИСХОЖДЕНИЕ СВЕТСКОЙ КАРТИНЫ

Родился Алексей Алексеевич Харламов 18 октября 1840 года в селе Дьячевка Порзовской волости Петровского уезда Саратовской губернии. Родители будущего художника поженились в 1823 году. Его родителями были дворовые поручицы Анны Сергеевны Киреевой Алексей Григорьев и Екатерина Евграфова, которые позднее (вероятно, при получении вольной) стали носить фамилию Харламовых. Из их девяти детей Алексей был седьмым ребенком. Вольную родители (на этот мо-

мент крепостные Загейновой) получили в 1850 году только с тремя младшими детьми. В их числе – будущий художник. После получения вольной семья приписалась к мещанскому сословию в Саратове.

Первым «наставником по искусству» Алексея Харламова был Владимир Яковлевич Афанасьев – в те годы, судя по всему, вольнослушатель Академии художеств. Позднее Афанасьев писал портреты и иконостасы. В 1854 году Харламов поступил вольнослушателем в Академию художеств. Он становится учеником в историческом классе профессора А. Т. Маркова, представителя позднего, «эпигонского» классицизма...

Получив Большую золотую медаль за картину «Возвращение блудного сына», летом 1869 года он уезжает в пенсионерскую поездку за границу. Побывав сначала в Германии, Харламов выбрал местом пребывания Францию, которая во второй трети XIX века являлась признанным центром мировой художественной жизни. ...Он становится учеником (вероятно, не ранее осени 1872 года) популярного тогда художника Леона Бонна, которому принадлежала решающая роль в становлении Харламова-живописца.

...Как портретист Харламов забыт совершенно незаслуженно. В своих лучших портретах – невицы Полины Виардо (ок. 1874), Е. А. Третьяковой, жены С. М. Третьякова (1875, ГТГ), коллекционера А.Ф. Онегина (Отто) (1877, Институт русской литературы Российской Академии наук) – он показал себя портретистом-психологом, мастером, способным проникнуть во внутренний мир модели.

...Судя по всему, первые годы пенсионерства были для Харламова нелегкими в материальном отношении. Репин писал, что пенсионеры Академии «обеспечены настолько, чтобы только доехать до какого-нибудь города и сидеть в нём сложа руки в какой-нибудь дешевой каморке, «чай с квасом, а порю с водою», как говорится»... С середины 1870-х годов для художника начинается период успеха. Он много выставляется, о нем часто упоминают в прессе, его работы неплохо продаются...

В апреле 1874 года Харламову было присвоено звание академика. «Мордовская девушка» (СГХРМ, Ж-833, х., м., 57х47) была одной из работ, за которые было дано это звание». Судя по всему, «Мордовскую девушку» Харламов писал с какой-то модели в Париже, ориентирясь на свои юношеские воспоминания о жизни в Саратовской губернии. ...Вторая работа Харламова из собрания музея – «Итальянка с тамбурином» (СГХРМ, Ж-197, х., м., 175х113.)... ..поступила в музей в 1885 году от А. П. Боголюбова, которому подарена автором в 1884 году специально для музея...

Вторую ведущую линию в творчестве Харламова – портретную – представляет принадлежащий музею «Портрет Е. Ф. Шивр» (СГХРМ, Ж-3745, х., м., 66х54, 1890 г.)... Это полотно поступило в музей в 1897 году по завещанию А. П. Боголюбова... Элизабет Франсуаза Шивр была второй, гражданской женой А. П. Боголюбова... Возможно, с Алексеем Петровичем она познакомилась в Париже, где он жил и имел прекрасную мастерскую. К тому моменту он пережил ряд тяжелых душевных потрясений – смерть горячо любимой жены Надежды Павловны и их маленького сына Николая, смерть наследника престола цесаревича Николая Александровича, которого близко знал и к которому был привязан. Вероятно, художник встретил Шивр после всех постигших его бедствий – в середине 1860-х годов. Она стала его верным другом. Судя по всему, она поддерживала идею о создании музея и рисовальной школы в Саратове. Вероятно, незадолго до своей смерти Шивр приняла русское подданство и православие и стала Елизаветой Францевной. По её завещанию большая часть наследства досталась Саратову и Боголюбовской художественно-промышленной школе. Умерла Е. Ф. Шивр в Париже 8 (20) июня 1896 года.

...Большую часть своей жизни Харламов провел во Франции, изредка приезжая в Россию. Умер художник в Париже и похоронен 13 апреля 1925 года на кладбище Пер-Лашез. О последних годах жизни Харламова вспоминала Фелия Литвин: «Когда-то его дела шли хорошо, но под конец ему пришлось пережить много горя. Мне выпала печальная радость заботиться о нем до его последнего часа. Он жил в ателье, расположенном под самой крышей. Для меня было настоящей пыткой ежедневно карабкаться на его чердак, но я шла на это с радостью». Ей и завещал художник свои работы (Посохина М.В. А.А. Харламов и его картины из собрания музея имени А.Н. Радищева // Радищевский музей. История. Настоящее. Будущее. Материалы восьмых Боголюбовских чтений. Саратов. 2–5 апреля 2002. – Саратов, 2003).

ИКОНА В БЫТУ. XIX–XX ВЕК

*Слышен звон бубенцов издалёка.
 Это тройки знакомый разбег.
 А вокруг, расстилаясь широко,
 Белым саваном искристый снег.
 Наш ящик затянул удалую.
 Буря стала ему подпевать: –
 Что прошло, никогда не вернется.
 Так о чем же, зачем горевать!*

1975 год Совместная экспедиция Радищевского музея и музея города Пензы. Икона ЧУДО ГЕОРГИЯ О ЗМИЕ (КВП-230) – дар Анны Михайловны Санаторовой, село Дьячевка (бывший Петровский уезд, село относится к Пензенской области). Икону ЧУДО ГЕОРГИЯ О ЗМИЕ заказывал Егор Ефимович Внуков. Получена она, возможно, из рук прямых наследников, которые об иконе сказать ничего не могли – достали из сарая (стойкие поверхностные загрязнения поверх осыпавшегося красочного слоя с левкасом: хронически большая, сохраняется музеем).

1867 год. Из резолюции «Его Высокопреосвященного... на рапорт благочинного: *Разрешается...с бдительным вниманием, чтобы Иконы были хорошей не живописи, а иконописи, которая от первой столько же отличается, сколько духовное от плотского, Священное от Мирского, Небесное от земного, и чтобы цены, были не высокия и для народа доступные, зачем благочинные должны строго наблюдать.* «Сын отечества» от 22 апреля 1867 г. (Рукописный сборник ВКМ – СИЯ КНИГА ГЛАГОЛЕМАЯ ПОДЛИННИКЪ», принадлежит Вольскому Мещанину Лаврентию Ефимовичу Перевощикову 1860 Года месяца марта переплетена).

С 40-х годов XVII в. на службу в Оружейную палату поступают иноземные художники...– это и поляки, и армяне, и греки, и голландцы... Некоторые из приезжих живописцев оставались в России и принимали православную веру... За это, а также за успехи по службе в Оружейной палате Богдана Салтанова (армянин) записали в дворянство... неоспорима заслуга приезжавших украинцев и белорусов, которые были уже достаточно знакомы с приемами европейского письма, и в частности портретной живописи, и, так же как русские, исповедовали православие.

...для русского общества XVII в. ближайшим примером европейского бытового комфорта стал уклад жизни польского королевского двора и особенно той части украинской и белорусской шляхты, которая, сохраняя верность православию, усваивала, вместе с тем, много из быта западно-европейского дворянства и бюргерства. Об этом в свое время писал В. Ключевский, называя Польшу посредником западных влияний по отношению к России (С.Б. Мордвинов. Историко-художественные предпосылки возникновения и развития портрета в XVII веке // От Средневековья к Новому времени. Материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половины XIX века. – М.: Наука, 1984).

Ранний вариант светской религиозной живописи, использовавшейся в России в качестве иконы ПРЕПОДОБНЫЙ КСЕНОФОНТ Саратовского областного краеведческого музея (СМК 6609, КВП 316, 21,2х26,7х2. Дерево, масло, наполнитель левкаса – МЕЛ). Не иконописец – художник: знаком с достижениями европейского искусства, использует плановость построения пространства. Фон не условный или нейтральный – среда обитания. Непринуждённо ведут себя два зайца и журавль, увлечённый лягушкой – передний план. На дереве птица с пучком перьев на голове, вылезавший из пещеры медведь с оскаленной пастью, взлетающий гусь и плывущий по озеру – средний план. Листья деревьев изображена как бы с натуры, увиденной в России; пальма дальнего плана.

Аналогия: иконы масляной живописи ПРЕПОДОБНЫЙ КСЕНОФОНТ (СМК 6609), и ХРИСТОС И НЕВЕСТА (ГТГ 12748) относимы к произведениям мастеров Оружейной палаты начала XVIII века из неизвестного иконостаса – обе поступили в 1930 году из Государственного исторического музея (ГИМ): та же липовая доска без ковчега, без шпонок, такой же размер и ис-

пользование светового центра как организующего начала всего многообразия «тварной» жизни. (Каталог. Выставка «Русская живопись XVII-XVIII веков». Редактор составитель С.В. Ямщиков. – Ленинград: Изд. ГРМ, 1977. С. 66.)

В небольшой группе икон, отличающихся иллюзорностью «обманок» XVIII века икона Саратовского областного краеведческого музея 1749 года *О ИМУЩЕМ ПРИЙТИ ВОСПЕВАЛ...* (СМК 6616. 22,8x18,2x2,3. Дерево, масло). На фоне нарисованных обоев изображена овальная рамка с «картиной» – три персонажа (копия западноевропейской картины). Рамка с нарисованной падающей тенью «висит» на нарисованной ленточке (завязана бантиком). Внизу на иллюзорном гвозде (кован, со шляпкой) нарисована бумажная этикетка: название сюжета – *О ИМУЩЕМ ПРИЙТИ ВОСПЕВАТЬ И УЖЬ ПРЫШЕДШАГО ПОКАЗАЛ / СЕ АГНЬЦ БОЖИЙ*. На обороте надпись: кисть, пять непрочитанных строк, в пятой строке – *1749 году...*

ДУХОВЕНСТВО

Среди священников, жаждущих прогрессивных перемен, родители Н.Г. Чернышевского. ...*В бытовом отношении семья жила, как свидетельствует Н.Г. Чернышевский, «по образованному обычаю». Об отце он вспоминает... «Человек умный, добрый, отрекся от всего для пользы ближних, неутомим в заботе о них». «Мой батюшка – второе лицо, а муж другой сестры моей бабушки, мой крестный отец – первое лицо по почету в Саратовском белом духовенстве...». «...оба они были люди искренне верующие, конечно, но – люди, не делающие дурного...». «Мы были очень небогаты, наше семейство. Оно было не бедно. Пищи было много и одежды, но денег никогда не было!...А наши старшие? Оба отца писали с утра до вечера свои должностные бумаги. Они не имели даже времени побывать в гостях. Наши матери с утра до ночи работали. Выбившись из сил, отдыхали, читая книги» (С.В. Клименко. Усадьба Чернышевских-Пыпиных. Бытовая и духовная атмосфера // Дворянские усадьбы Саратовской губернии. Материалы вторых Боголюбовских чтений 29–31 марта 1995 года. – Саратов: Изд. «АРЕАЛ», 1998. С. 84-85).*

Ориентиры духовной направленности семьи Чернышевских – икона из Музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского (ГДМЧ) *ЖЕРТВА ПРИНОШЕНИЯ АВРААМОМЪ СЫНА ИСААКА* (копия картины Рембрандта, масляная живопись), (ОДИ № 138/№ 3700, 28,7x25x2,7). Надпись оборота 11 строк, перо, чернила – *отче Авраамъ благослови въ далёкой стране детей наших умоли: Господа дать имъ всякую помощь и избавитъ отъ всехъ золь напастей и болезней. 1842 года ноября 24 – Выше сказанное Писала Евгения Егоровна Чернышевская, урожденная Голубева, жена Гавриила Ивановича Чернышевскаго и мать Николая Гавриловича Чернышевскаго.*

Икона *ЖЕРТВА ПРИНОШЕНИЯ АВРААМОМЪ СЫНА ИСААКА* могла быть изготовлена в Саратове «живописной мастерской», исполнившей религиозную живопись. 1981 год – Радищевский музей описывал иконы саратовской церкви во имя Сошествия Святого духа: икона *СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ СОВЕРШАЕТ ЛИТУРГИЮ* – ДС 55/148. Масло, наполнитель левкаса – МЕЛ. Подобно иконе, которой мать благословила Н. Г. Чернышевского, – исполнена средствами тональной академической живописи XIX века. Надпись творёным золотом: лицевая сторона, левый нижний угол – *Прими, благословение Св. Сергия в день, 25 летия открытия нотариальной конторы*. Печать на обороте: *Живописная мастерская Андриана Федоровича Киреева, Знаменская ул. Соб. Дом, 6.*

Дмитрий Евгеньевич Хмелевский (архиепископ Пимен) рассказывал мне о неудавшейся попытке основать мемориальный филиал Музея – усадьбы Н. Г. Чернышевского в Троицкой церкви: Гавриил Иванович Чернышевский протоиерей, член духовной консистории, преподаватель духовного училища – передовой человек своего времени, воспитал знаменитого сына, прославившего город Саратов. Власть советская посчитала излишним знакомить советского человека с обстановкой, в которой вырастали люди со взглядами Николая Гавриловича Чернышевского, призвавшего Россию к топору – *Последствия? Дай Бог советскому человеку задуматься...*

Продолжение (Икона дворян, крестьян, старообрядцев, «советская икона») следует.

Игорь САВЕЛЬЕВ

**СУШИ-СЕТ В ЭПОХУ
«САНТА-БАРБАРЫ»**

Мария Свешникова. М7: роман. – М.: Астрель, АСТ, Полиграфиздат, 2011. – 317 с.

С первых же страниц эта книга настраивает на странный лад.

Точнее, с первой же страницы – где, помимо посвящения памяти дедушки, идет совершенно «оскаровский» список благодарностей, среди которых – благодарность «моему личному помощнику Виктору Тарханову». Такую формулировку легко можно представить на страницах мемуаров какой-нибудь умудренной опытом звезды. Например, Майя Плисецкая делится воспоминаниями о былом, а секретарь записывает. Или за перо решил взяться занятой политик. Вполне представляю себе книгу Владимира Путина со скромной благодарностью «моему личному помощнику Андрею Колесникову». Но Мария Свешникова – прозаик (как-то не вяжется в голове уединенная работа прозаика с чьей бы то ни было сторонней помощью), и ей двадцать шесть лет. В общем-то, здесь, уже на первой странице, и встают все противоречия – между серьезным автором, обобщающим в романе проблемы поколения, и статусом глянцево-звезды от литературы, между попытками осмыслить сегодняшнюю жизнь всей страны (через которую и проходит федеральная трасса М7, о чем регулярно напоминает читателю) – и хождением по «минаевскому» кругу модных московских клубов, суши-баров и квартир, где автоматы сами кормят рыб в аквариумах.

«М7» – это попытка осознать, как последние двадцать лет жизни в России изменили людей. А люди в этой книге душой все еще пьют «Балтику № 9» в подъезде, ездят в электричках и слушают в кассетном плеере Guns N' Roses», – эти слова критика Алены Семенович приводятся на задней обложке. Пропустив мимо ушей пассаж про «пьющих душой», тщетно

пытаюсь вспомнить хоть что-то из книги о пиве «Балтика» и электричках; подъезд был – это правда. Подъезд сталинской высотки на Котельнической набережной.

Что же сам роман? – отвлечемся, наконец, от аннотаций и посвящений.

Прежде всего – Мария Свешникова амбициозна. И это хорошее качество для прозаика, работающего с крупной формой. Свешникова подчеркивает, что пишет именно о судьбе поколения, иногда не без пафоса. В частности, каждой главе ее романа предпослан эпиграф за подписью «ДД», что расшифровывается «Дети девяностых»; в них звучат такие, например, тезисы: «Когда мыльный пузырь социализма лопнул, родились мы – те русские, которые познали и нищету, и голоду, и перестройку... И как бы мы ни пытались забыть ту страну, откуда мы родом, никто и никогда не вычеркнет из нас перестройку». В другом фрагменте поколение тех, кому сегодня еще нет тридцати, и вовсе объявляется чуть ли не «жертвами перестройки»; вышедший из моды исторический термин встречается нередко и, честно говоря, режет глаз. Уж положи руку на сердце, что мы – те, кто родился при Андропове, при Черненко – можем думать о «мыльном пузыре социализма» и перестройке? Да ничего. Если поднапрячься, можно вытащить из воспоминаний раннего детства магазинные очереди и странную субстанцию под названием «шоколадное масло» – помнится, в какой-то момент кроме него ничего не продавалось, даже масло обычное. И что?.. Конечно, мы можем думать о «мыльном пузыре социализма» как историки, культурологи, в конце концов – как литераторы с гражданской позицией, но к реальному жизненному опыту это вряд ли будет иметь отношение (к опыту семьи – может быть). Здесь Мария Свешникова, на мой взгляд, несколько перегибает палку. Но это частности.

А вообще – стремление говорить от лица всего поколения прослеживается во всех ее книгах (в первой, носившей имя «Fuck'ты» и ставшей бестселлером, это звучало более провокационно: «Мы были первым поколением,

которое не стеснялось обсуждать оргазмы с четырнадцати лет и мастурбировало, не испытывая мук совести»), и это неожиданно роднит ее с прозаиками-сверстниками – теми, кто объявил себя «новыми реалистами». Казалось бы, ничего не связывает «новореалистический» мейнстрим некоммерческого, журнального разлива с той же книгой «Fuck’ты», приобретшей несколько «глянцевую» репутацию. Даже то обстоятельство, что в 2008 году Мария Свешникова была финалисткой премии «Дебют» (а значит, оказалась «в одной лодке» с такими, определенно, некоммерческими прозаиками, как Егор Молданов, Алексей Олин, Екатерина Репина, Виктория Чикарнеева...), скорее подчеркивает их различие, ведь и на сайте «Дебюта» подача самого этого факта выбивается из общей «дебютовской» коллочки: «В 2006 году в прессе была распространена впоследствии не подтвердившаяся информация о том, что роман «Fuck’ты» вошел в шорт-лист премии «Дебют» в номинации «Книга года» (в действительности такой номинации у премии нет). М. Свешникова в интервью обвинила в распространении этой информации PR-службу издательства «Гелеос» и разорвала отношения с издательством. В 2008 году Свешникова сама подала на премиальный конкурс написанный на основе ее романа киносценарий и вошла в шорт-лист в номинации «Киносценарий»». Контраст с другими биографиями разительный. Как, впрочем, смотрелись бы белыми воронами и большинство «дебютовских» прозаиков, окажись они в той редакции, которая готовит именно бестселлеры и именно для рынка.

И если некоторое совпадение во взгляде на поколение есть, то это уже дает интересную пищу для размышлений.

В центре сюжета романа «М7» – судьбы двух москвичек, ровесниц, которые никогда не были толком знакомы, но на протяжении почти двух десятилетий оказывались вовлечены в общий водоворот: одни и те же люди (повзрослев, Кати и Сабина начинают, сами того не подозревая, делить одного мужчину), события, увиденные с противоположных точек зрения, проблемы – в частности,

отсутствие в жизни Отца. Кати выросла с матерью-одиночкой, отец Сабины существует физически, но, будучи успешным бизнесменом, готов любыми способами откупиться от своей роли в жизни дочери. На протяжении девятнадцати лет и трехсот страниц две девушки взрослеют, ищут мужчину-опору, ошибаются, обжигаются, сбегают из дома, возвращаются обратно...

Тяготая к обобщениям, Мария Свешникова начинает плакатно: первая встреча девочек происходит в громадной очереди к первому «Макдоналдсу» на Пушкинской площади. Очереди, ставшей едва ли не такой же «иконой» новых времен, как Ельцин на танке. У кого-то это может вызвать иронию (к тому же, автор не вполне точна, помещая героинь в 1989 год: легендарная очередь – событие 1990-го), но мне это, например, напомнило сцену из «Казуса Кукоцкого» Людмилы Улицкой: март 1953-го, похороны Сталина. Две девочки в ничуть не менее «исторической» давке. Почему Улицкой можно быть плакатной, а Свешниковой – нет?

Читать историю двух жизней интересно, в ней присутствует нерв, и это совсем не одноклеточный любовный роман (это даже не вполне «женская проза» в ее традиционном понимании); автору удается держать читателя в постоянном напряжении. Справиться с нелинейным сюжетом всегда трудно. Для того, чтобы «вести» разных героев, заставляя их в разные моменты по-разному смотреть на одни и те же события, проблемы, требуется мастерство, и его у писательницы хватает. Непросто «убирать» и «возвращать» героев, делая это органично. Так, например, со сцены сходит, чтобы затем появиться, некто В. – старший друг Кати-студентки, ее безответная любовь. Он живет в ее мечтах все годы замужества, иногда уходя на глубину и исчезая из текста на десятки страниц. Чтобы в финале, когда семейное счастье рассыпалось, повзрослевшая Кати кинулась к нему – и обнаружила совсем другого человека.

На этом пути Марии Свешниковой сопутствуют как удачи, так и неудачи. Здорово, например, сказано о «Санта-Барбаре» как о

фоне девяностых («Забавно, что мы жили в эпоху «Санта-Барбары», но так и не узнали, чем она закончилась»). И совершенно невнятно появление в жизни героини новой любви: некто Олег возникает ближе к концу повествования, чтобы ошеломляюще внезапно исчезнуть. Автор долго готовит нас к развитию этой сюжетной линии, а потом скомкано объясняет, что Олег ушел в какую-то секту, и нет его больше. Тогда зачем он был? *Deus ex machina* наоборот...

Но главная неудача в другом.

В явном несоответствии задачи, которую поставила перед собой писательница, и материала, с помощью которого она эту задачу попыталась разрешить.

Я уже заводил разговор о том, что критик Алена Семенович явно преувеличивает, когда говорит, что «Свешникова, как и прежде, раскрывает типажи через простые, уже не московские, а русские истории». Но, в конце концов, аннотации на задних обложках для того и существуют, чтобы привлечь внимание, иногда даже ценой некоторого лукавства. Куда печальнее, что ошибается и сама Свешникова. Задача «показать всю Россию» декларируется ею постоянно, для чего и избрано это название, эта композиция. (Роман разбит на семь глав: «М1. Мечты. М2 Маршруты. М3. Манипуляции. М4. Мужчины...») Трасса М7, которая навязчиво возникает к месту и не к месту (то и дело героини оказываются на трассе, в квартале от этой трассы и т.д.), для автора – метафора моста через всю страну, живой нити между Москвой и Россией; это «просто дорога, по разные стороны от которой живут люди, обычные люди», «бывший Владимирский тракт, по которому гнали каторжан, Горьковское шоссе, нулевой километр МКАДа, торговый путь от Москвы до Китая...»

Что, кстати, не совсем так. Трасса через всю страну «до Китая», главная связующая нить – это М5. Дорога М7 идет по маршруту Москва – Нижний Новгород – Казань и заканчивается в Уфе. Носит название «Волга» (так что грех не написать о книге в одноименном журнале – и здесь должен быть смайлик). Но не узнаете вы в романе ни Волги, ни страны. Все телодвижения героинь (как,

в общем-то, и познание жизни) связаны с участком М7, ограниченным шоссе Энтузиастов, МКАДом, Балашихой и уютным дачным поселком Никольское, в котором – большой дом с верандой, где Кати грызет яблоки и раздумывает, кому бы продать раритетный дедушкин «Бьюик». И тень этого экзотического для России транспортного средства так и останется висеть над героинями. Страдая от несчастной любви, Сабина будет метаться между апартаментами в центре Москвы и уютными квартирами в Цюрихе и, кажется, в Берлине; Кати для того, чтобы отвлечь себя от переживаний, откроет танцевальную студию и салон йоги в Балашихе; все станут посылать друг другу огромные букеты, ужинать в ресторанах и становиться совладельцами фирм. Даже способ самоубийства одним из героев избран экстравагантный: человек, всю жизнь страдавший сильнейшей аллергией на рыбу, сознательно заказывает сет-суши. Лев Толстой «взорвал» европейскую литературу, бросив героиню под поезд (что было открытием для 70-х годов XIX века), – Мария Свешникова идет дальше.

Излишняя ирония? Согласен. Это не имеет отношения к достоинствам или недостаткам художественного текста? Согласен. Но тогда, может быть, и не следовало так часто говорить в книге обо «всей России» и определять местоположение героев относительно трассы М7 с дотошностью автомобильного навигатора.

Чувствуется, что автор придает этой символике большое значение и пытается насытить книгу смыслами, сделать нечто более глубокое, чем любовный роман (пусть и хорошо написанный). Сказать о нашем поколении. Сказать об этих двадцати годах, что-то о них понять. Где-то это получается. Где-то – не очень. В целом чувствуется, что роману не хватило интеллектуальной наполненности, насыщенности, хотя автор явно прикладывала усилия в этом направлении. Что само по себе – плюс. Не буду повторять банальности вроде «Кто ищет, тот всегда найдет», тем более, что есть и способности, и желание; по крайней мере, я буду ждать следующую книгу Марии Свешниковой с интересом.

Татьяна КОХАНОВСКАЯ,
 Михаил НАЗАРЕНКО

МАСТЕР БРИКОЛАЖА

Мария Галина. Медведки. – «Новый мир», №№5, 6. 2011.

Мария Галина. Медведки. – М.: Эксмо, 2011. – 319 с.

Бриколаж (от фр. bricolage) – термин, использующийся в различных дисциплинах, в том числе в изобразительном искусстве и в литературе, и означающий создание предмета или объекта из подручных материалов, а также сам этот предмет или объект.
 (ru.wikipedia.org)

Леви-Стросс... расширяет значение термина «бриколаж», включает в него характерные модели мифологического мышления: оно, будучи порождением человеческого воображения, основано на личном опыте, а следовательно, образы и сущности, порождаемые через мифологическое мышление, возникают из того, что предсуществует в сознании воображающего.

(en.Wikipedia.org)

...В случае бриколажа, создания мифологического мышления всякий раз сводятся к новому упорядочиванию уже имеющихся элементов, характер которых не меняется... «Мифологическим мирам словно предназначено быть разрушенными, едва образовавшись, чтобы из их осколков рождались новые миры».

(Леви-Стросс, цитируя Боаса)

Мария Галина до сих пор двигалась несколькими путями параллельно: как поэт, прозаик-фантаст и автор тяготеющей к магическому реализму «современной прозы» (даже «современной женской прозы», если верить названию серии, в которой вышла «Малая Глуша»); не говоря уж о критике. В современных условиях это весьма продуктивная стратегия. О плодотворности соединения поэтического и прозаического языка сказано достаточно и без нас. Что же касается жанровой прозы, то ее четкие рамки – как рамки картины и любые другие художественные ограничения – противодействуют обвальному аморфизации современной культуры, до тех пор, конечно, пока не начинают полностью определять текст, сводя его к простейшим формулам.

Необходимость синтеза «жанровой» и «внежанровой» прозы была осознана еще в славные времена зрелого постмодернизма (известный лозунг: «Пересекайте границы, закапывайте рвы»). «Имя розы», добравшееся до нас почти через десятилетие после выхода в свет, – пример далеко не первый (насколько раньше написана «Лолита»?). Попытки «серьезных» авторов работать с жанровой литературой – и конкретно с фантастикой – как правило, малоудачны. Причина столь банальна, что осознается мало кем из мейнстримовских авторов и критиков: мало присвоить атрибуты жанра, его фабульные схемы и набор персонажей; необходимо знать – чувствовать! – его поэтику в целом, его корни, его мировоззрение, хотя бы для того, чтобы их трансформировать, а не инкрустировать иными повествовательными формами неизбывные жанровые клише.

Жанр – это язык, один из языков культуры. Задача в том, чтобы сказать на этом языке нечто, имеющее ценность и для тех, кому он не родной, а не в том, чтобы перенести его слова в другую грамматику. Ничего осмысленней «How much watches on your clocks» так не получить.

Справедливости ради надо признать, что на этом пути тоже возможны несомненные удачи (несомненные для нас, по крайней мере) – такие, как «Кысь» или «Малая Глуша». Так, в первой части «Малой Глуши» бытовая и мистическая линии соединены по принципу контраста и контрапункта: весь эффект в том, что советская жизнь позднего застоя оказывается ужаснее и безысходнее привозного мифологического хоррора. Соединение жанров довольно механичное, хотя и с удачным результатом: художественный эффект действительно мощный. Во второй части «Малой Глуши» выход из постылой реальности, разрешение чрезвычайно болезненной антиномии оказался возможен только через очищение трагедией; а в трагедию можно войти только через миф: неразрешимые противоречия, с которыми работает трагедия, могут быть осмыслены и преодолены только в рамках мифологического мышления (путем медиации и прочих процедур, описанных Леви-Строссом).

В «Медведках» же сознание человека и мир, в котором он существует, анатомируют-

ся столь послушно и глубоко, что обнажается скелет существования – опять-таки миф, здесь понимаемый не только как тема или образная система, но прежде всего как определенный модус мышления, модус бытия.

Современная литература предлагает писателю многообразные способы работы с мифом. Исходная точка для Галиной – та самая работа с жанрами, о которой мы уже сказали.

Мария Галина владеет несколькими жанровыми «языками» и умеет переводить с одного на другой. Новый роман интересен, помимо прочего, тем, что в нем Галина (аки та медведка) докапывается до потаенного переплетения корней нескольких далеко разошедшихся жанров. Жанровая память поднимается на свет, как хтонический Ахилл из глубины вод.

Поначалу «Медведки» кажутся классическим бытописанием, с «типичным героем в типичных (и не очень приятных) обстоятельствах» – всё как полагается в критическом реализме позапрошлого века. Не сразу замечаешь, что типичность эту (ожидаемую от литературы ленивыми критиками) Галина планомерно доводит до абсурда.

Итак, перед нами – главный герой, он же повествователь; мы не сразу узнаем, что его фамилия – Блинкин. Профессия его, как он утверждает, редактор; на самом же деле он переписывает под заказ классические книги, вставляя в них несбывшиеся и невозможные биографии клиентов (путешествие с хоббитами, плавание с Джоном Сильвером). Так Блинкин приносит мир в мятущиеся души тех, кто недоволен своей жизнью, сам не зная отчего.

Какую характеристику героя ни возьми, какой параметр этого бытия не рассматривай – везде сдвиг, смещение за грань «нормы». (Шкловский был бы доволен.) Типичный инфантильный интеллигент с кучей комплексов и странной профессией, кое-как устроившийся в постсоветской жизни, – вполне узнаваемый персонаж. Но на поверку и дача не его, и редактора – не редактора никакая, и невинное хобби носит почти маниакальный характер, а инфантилизм, как постепенно начинаешь понимать, оборачивается почти клиническим аутизмом.

Завязка романа – появление очередного заказчика, которому, однако, нужна не книга о нем, а нечто иное: семья; биография; в конеч-

ном счете – личность. Детдомовец Сметанкин (фамилию его мы узнаем хоть и не сразу, но задолго до блинкинской), на первый взгляд, страдает теми же проблемами неполноты жизни, что и остальные клиенты Блинкина, только неполнота эта – в отсутствии корней.

Главного героя приход Сметанкина встретил сразу же – почти без явных причин, заказ не хуже любого, даже в чем-то проще: сходить на блошинный рынок, прикупить «семейные реликвии» и старые фотографии... От чего же страх? Блинкин, сам не желая признавать это, ощущает, что и сам-то он не укоренен в семье, в роду – в самой реальности он не то что укорениться, даже существовать не может. Повествователь предельно отчужден от мира и себя самого. В сущности, это касается не только Блинкина: все персонажи (Сметанкин, неизвестно откуда взявшаяся девица Рогнеда, гранд-дама местного истеблишмента Левицкая, быдловатый родич Вася Тимофеев, тихий ученый Финке, даже заслуженный пенсионер Блинкин-старший) и все ситуации – не то, чем они кажутся на первый взгляд.

Проблемы героя оказываются вовсе не социальными и не только психологическими, а, скорее, метафизическими. Некоторое разрешение проблемы взаимодействия с реальностью и составляет сюжетную линию романа, связанную с главным героем. И в этом смысле «Медведки» – классический «роман взросления», почтенный жанр с богатыми традициями.

Глобальная нетождественность мира и человека самим себе – тревожная и дискомфортная ситуация, порождающая ту зыбкость реальности, на которой и строится роман. В этом, как ни парадоксально, – залог освобождения героя: если реальность действительно столь непрочна, то ее власть над человеком может быть разрушена. Взросление Блинкина – не только последовательность неких его практических действий (их и нет, в общем-то), но в первую очередь – завоевание реальности, ее подчинение себе. Укрываться от мира – бессмысленно и бесполезно; нужно делать его таким, каким хочешь его видеть.

Так бытовая проза превращается в Bildungsroman, а тот – в образец магического реализма. Избранный Галиной в качестве основного

метода сложный жанровый сплав как нельзя лучше иллюстрируется ключевым фабульным вопросом: кто такой Сметанкин? На «реалистическом» уровне он ответа в принципе не имеет. Нам предложены четыре-пять версий, каждая из которых более или менее убедительна сама по себе, но любые две из них исключают друг друга. Сметанкин не может оказаться одновременно сибирским бизнесменом-детдомовцем, сыном Левицкой, внуком исследователя Тибета, бригадиром ремонтников, мальчиком Борей из благополучной семьи и т.д. Единственная теория, которая объясняет всё и сочетается с любой из перечисленных, на выбор, – та, что Сметанкин это хтонический ктулховидный Ахилл, сын Гекаты. Но настаивает на этом Леонид Ильич Финке – не только скромный ученый, но и безумный убийца. Его статья «Ахилл в Северном Причерноморье. Хтоническая сущность и варианты генеалогии» – первое из двух приложений к роману. Второе же – давнее письмо Блинкина-старшего жене: человеческий голос в противовес мистическим измышлениям.

Ахилл и Ктулху: вот еще одно схождение традиций. Античная мифология наслаивается на современную маскульную, и обе пересекаются на фоне мифологии романтической. Ибо Сметанкин, помимо прочего, допельгангер Блинкина (что ясно даже из фамилий) и отчасти – Крошка Цахес-Циннобер. Он вытесняет своего названного брата, как успешный Голядкин-младший – бесталанного Голядкина-старшего (наиболее очевидно – в роли желанного сына Блинкина-отца). Сметанкин – «черный человек» Блинкина: «Я один – и разбитое зеркало».

Мифологемы хоррорные сплетаются со своими аналогами в большой литературе; через романтическую тему двойника Галина обращается к ее мифологическим корням. Не случайно, потоптавшись первое время на лысой полянке НФ, Галина долго ходила по мглистым тропам хоррора («Спруты», «Дагор», «В плавнях», «Контрабандисты»), чтобы в итоге выйти к мифу – древней тектонической плите, на которой покоятся все жанры современной фантастики, да и многое за ее пределами.

Миф в «Медведках» – не только жанровый или тематический элемент. Сам способ организации текста точнее всего можно определить

леви-строссовским термином «бриколаж». При создании мира – или модели мира – используются все возможные элементы, оказавшиеся под рукой: современная реальность, городские страшилки, классическая литература, миф. Они свободно перекомбинируются, так что любые два элемента могут оказаться связаны друг с другом, создав новую сущность, – а это еще одна основополагающая черта мифа в трактовке структурной антропологии. Так соединяются никогда не бывавшие подле Ахилл и гималайская Агарта (куда вроде бы ходил дед Блинкина и куда в финале уходит он сам): хтоническое и горнее. Любопытно, что роман Галиной оказывается «бриколажем» и в более узком значении термина (см. эпиграф № 1); но ведь созданием подобных бриколажей из биографий «клиентов», классических романов и барахольных приобретений занимается Блинкин! Все уровни текста оказываются изоморфны.

В «Малой Глуше» миф был пространством выхода из нестерпимого бытия, в «Медведках» он – способ существования, который должен быть осмыслен и принят читателем. Именно читателем: сам Блинкин существует в мифе изначально, но читатель должен осмыслить и принять миф, чтобы сложить текст в систему.

Блинкин обитает в срединном мире, куда прорвались хтонические силы, и герой, столкнувшись с ними, выбирает вознесение в горние выси, которые только краешком появляются перед читателем в последней строке романа. Блинкина ждет создаваемая им же Агарта, то есть мир, где «нет ни времени, ни пространства, но есть возможность, а значит, есть надежда».

К финалу становится понятно, что мы видим одну и ту же историю в двух аспектах, или на двух уровнях. Роман взросления: герой, избывая инфантилизм, принимает реальность и наконец один за другим совершает *поступки* (которые даже выходят за фабульные рамки книги). Роман-миф: Блинкин, подобно Тысячеликому Герою (по Джозефу Кэмпбеллу), спускается в нижний мир, проходит испытание и выходит на новый уровень посвящения, покидая профанный мир ради мира горного.

Поэтому «Медведки» – *история с хорошим концом*, насколько это возможно для текста с финалом, по-настоящему открытым.

Сергей ТРУНЕВ

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ МИФОПОЭТИКА

Михаил Бару. Тридцать третье марта, или Провинциальные записки – М.: Livebook/Гаятри, 2011. – 526 С.

Со времен Геродота жанр путевых заметок, с которыми древние греки, как известно, довольно долго путали историю, вместил в себя такое количество произведений, что и сосчитать невозможно. Опыты продолжались все время, пока владевшее грамотой человечество, влекомое любопытством, жадной наживы или необходимостью, перемещалось из одной точки земного шара в другую, более или менее детально описывая свои перемещения. В настоящее время – «время номадов» – путевые заметки стали особенно популярными, и пишутся всеми, кому не лень, часто за тех, кому лень, отчего в большинстве своем выигрывают в количестве и значительно теряют в качестве.

Поэтому-то «33 марта» Михаила Бару я стал читать прямо-таки с некоторым опасением. Даже несмотря на то, что с другими его произведениями я знаком достаточно давно и знаю, что, вроде бы, явных проколов здесь быть не должно... Ощущение близящегося провала усилилось после прочтения стихотворного предисловия Вадима Жука, не вполне удачно срифмовавшего «безумен» с «остроумен» и все это вместе с «вумен». Смутную тревогу не развеяло даже предисловие самого автора. «(...) Сначала я садился в машину, автобус, поезд или самолет и ехал в какой-нибудь маленький или не очень, или очень большой, но непременно провинциальный город. Чаще все же в маленький. Порой совсем крошечный. Такой как, к примеру, Чухлома в Костромской области, или Пошехонье в Ярославской, или Мосальск в Калужской». Ну, думаю, садился, приезжал, а дальше-то что? Тонкие столичные пристебы над неисправимо своеобразной жизнью провинции? Интеллектуальное расчленение несчастного, но по-своему не несчастливо-го бытия того, что когда-то гордо именовалось словом «народ»? Точки над і расставило прочтение первого же «эссе» (надеюсь можно называть эти короткие зарисовки именно так),

после которого стало ясно, что все в порядке, путешествие состоится. И оно, действительно, состоялось...

На какое-то время я просто забыл, что по отношению к данному тексту я исполняю роль критика (непростительный непрофессионализм, скажут некоторые). Затем просто стал читать и чисто машинально отмечать фрагменты, как будто необходимые для рецензии. Многих из описываемых автором городов я не видел. Видел другие, с не менее трагической судьбой и ныне теплящейся кое-как жизнью. Так что просто на душу легло... Я бы и сам мог задать вопрос и тут же от него отказаться: «Господи, для чего ты оставил Шую...» Но, это, конечно, глупые упреки. Разве Он оставил только Шую?» Но описать все это таким нежным и в то же время пронзительным языком я бы не смог, духа бы не хватило. В то же время могу признаться, что провинция Михаила Бару – это и моя провинция; провинция, которую я тоже люблю и никогда и на что не променяю. Разве что на еще более провинциальную провинцию.

Наверное, автор прав, и понятие «глубинка» происходит вовсе не оттого, что тот или иной населенный пункт находится в глубине нашей нескончаемой родины, но именно оттого, что каждая подобная точка на карте – не пятнышко краски на плоскости, но кружочек ярски, скрывающий под собой глубину водоема. Глубина же, как известно, обладает странной притягательностью, она заманивает, засасывает, не отпускает: «На вторые сутки, хоть бы и приехал человек из самой Москвы с двумя мобильными телефонами и беспрерывно звонил бы по ним, выясняя почему нынче доллар или какая-нибудь кредитная ставка, ни с того ни с сего заводится у этого москвича сам собой огород с картошкой и свеклой, появляются удочки, а то и бредень. К концу третьего или четвертого дня научается он гнать чистый, как слеза, крепчайший самогон на смородиновых или березовых почках, а уж недели через три один или два чумазных мальчишки точно будут кричать ему “Папка, купи мороженого!”».

Глубина всегда что-то скрывает, точнее, в ней может прятаться от любопытного взгляда все, что угодно. Так за разрозненными выдавшими виды экспонатами краеведческих му-

Олег РОГОВ

СТИХИ ИСПУГАННОГО ДАЧНИКА

Владимир Салимон. За лицевой стороной пейзажа. Книга стихотворений (2000–2009). – Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2011. – 64 с.

Пейзажи новой книги стихов Владимира Салимона – вполне пастернаковские: универсум подмосковных дач с электричками, пернатými на верандах и сельской живностью в отдалении. Родной простор, впрочем, претерпел существенные изменения, равно как и лирический герой. «Я» в стихах Салимона – традиционно рефлексирующий интеллигент, отягощенный мизантропией.

* * *

и в обиде на все человечество
в дальней комнате заперся я

* * *

Ворона села на балкон
и принялась плитку бетонную
долбить, как будто не бетон,
а крысу дохлую, зловонную.

Я отвернулся от окна,
закашлялся от отвращения.
А между тем уже весна
пришла и требовала мщения.

* * *

Редкие друг к другу жмутся дачники,
водят разговоры нехорошие,
часто попадают собачники,
так на заговорщиков похожие.

* * *

Надо признаться, что добрых вестей
от старика я не жду.

Второе сильное чувство – страх. Чувство ужаса – то ли как следствие общего душевного неблагополучия «маленького человека», то ли от вселенского отчаяния – уравновешивается

зеев провинция в иррациональной надежде на будущее скрывает легендарное прошлое. Легендарное – поскольку оно выстраивается самим автором как легенда, как своеобразная «новодельная» мифология. В этих фрагментах с поправкой на стилистические отличия повествование слегка напоминает книгу Э. Абубакирова, Е. Стрелкова и В. Филиппова «Выше, дальше, ниже: новейшие опыты краеведения Поволжья» (М.: Три квадрата; Н. Новгород: Дирижабль, 2010). Но если авторы этой книги ставили перед собой задачу сформировать новую мифологию поволжских городов, то в текстах Михаила Бару мифология представляется как нечто самоочевидное, т.е. очевидное путешественнику: «В краеведческом музее Галича вам покажут кольчугу то ли тринадцатого, то ли пятнадцатого века из щучьей чешуи. Ученые посчитали: всего три шуки пошло на изготовление этого доспеха, но каких! Зубами и только одной шуки можно было загрызть медведя или изжевать в лохмотья лоса вместе с рогами. Теперь таких гигантов в Галичском озере и в помине нет, а тогда их ловили голыми руками, поскольку удочки и багры они перекусывали сразу. Татарская стрела не только не пробивала чешую, но отскакивала от нее на десять саженей назад». Мифологией пронизана даже провинциальная природа: «Мало кто знает, что муравьи из крыльев мертвых стрекоз делают себе окна в муравейниках». И так далее, хотите – верьте, хотите – нет.

Вот и оказывается, что хотя настоящее глубинки и неизбежно в своих немногочисленных радостях, будущее ее мерцает где-то в неопределенном далеке большим вопросительным знаком. Остается надежда, как компас земной для тех, в чьей жизни нет более надежных ориентиров, будь то двуногие жители провинциальных городков или же их четвероногие соседи: «Надежда, однако, не покидает пошехонцев. Особенно котов, которых хлебом не корми, а дай покататься как сыр в масле. Даже пошехонские мыши ждут перемены, потому как бесплатного сыра у них нет даже в мышеловках». Не веря в счастливый исход, провинциальное прошлое собирают по крупицам, на свой лад достраивая неизвестное, то свои, а то заезжие столичные литераторы. За что и спасибо им.

иронией (которая, само собой, тоже следствие рефлексии, в данном случае – спасительной):

* * *

Собой не вправе я распоряжаться,
так как себе я не принадлежу,
а в кроликовой шапке я на зайца,
дрожащего от страха, похожу.

* * *

Выпь закричала жутко, как паромщица,
сил у которой больше не осталось,
И понял я тогда, чем лето кончится,
хотя оно еще не начиналось.

Чем кончится Всемирная история,
вдруг понял я, когда услышал в парке
стоящего поодаль санатория,
как поутру ругаются кухарки.

Как дворники метут дорожки метлами
увидев, я решил, что все пропало...

* * *

Запекшаяся кровь на полотне
давно из строя вышедшей ножовки
внушает ужас, в том числе и мне,
и тем, кто не прошел спецподготовки.

* * *

Страшно боюсь я незваных гостей,
живности всякой в саду.

Ироническая стихия удачно соседствует с изощренностью стиховой материи. Качели лирических миниатюр «раскачиваются» от приземленных деталей к экзистенциальным символам, и наоборот. Традиционный стих расцвечивается неожиданными сюжетными ходами или плутает в ветвящихся образах. Таких стихов много, но у Салимона есть что-то, что резко выделяет его из общего ряда. Он не опускается до нигилизма «проклятых», честно и с улыбкой свидетельствуя о себе и своем мире.

Заключено в яйце курином
единство формы с содержанием
И в лампочке над магазином,
горящей по ночам с жужжанием.

Она горит лишь в полнакала,
лишь тлеет слабо,
тем не менее
давно бы тьма на землю пала,
но в ней, единственной, спасение.

Алексей АЛЕКСАНДРОВ

РАЗНООБРАЗНЫЙ НЕПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ

**Графит. Литературный альманах. №1.
– Тольятти, 2011. – 154 с.**

Как справедливо сказано в предваряющем выпуск уведомлении «от редакции», «Графит» – еще один «независимый, разнообразный, непровинциальный» альманах. Пожалуй, что эпитет «разнообразный» ключевой и наиболее точный в этом ряду, так как именно эклектика сочетаний, читай дерзость, в журналах подобного рода привлекает больше внимания, чем академически вышколенная логика контекста. Вот потому-то в «Графите», наверное, странным образом уживаются подборки отличных стихотворений Андрея Таврова, Валерия Черешни, Сергея Щёлокова, Каната Омара и др., собранные в рубриках «Поэзия», «Книга стихов», «Мир – чужбина», с менее убедительными текстами в разделах «Листки», «Два рассказа» тольяттинских авторов, уступающих в качестве и количестве материала бенефициантам номера Сергею Сумину и Ладе-Дождь, героям рубрик «В фокусе» и «Золотой запас». Интересно, что интервью Лады, которой в номере принадлежат еще и иллюстрации, дано под заголовком «Разговор с поэтом», думаю, читателям альманаха «Василиск» это кое-что напоминает. Из справки об авторе можно узнать, что Лада-Дождь «автор нескольких тысяч стихотворений», но это конечно ни о чем нам не говорит.

И рысь в снегу, и Волочок синее
от солнца и листвы, в каналах и судах –
в галерах световых, и лев крылатый ходит,
горд и выгнут,
весь в ребрах и витках – пружина в толще света.

И ходят утром бревна световые
по стенам, по земле – то подпирают стену,
то вбок уходят как весло Торжка-Александрии,
и флот вплывает в город по каналам,

как по пальцам холод.

Свет с буквою – одно. Одна ее кривит пружина,
одна мускулатура выпрямляет.

И вот уже Мартынова София
плывет, как парусник, весь в флагах, попугаях,
глаза голубы. А ее поклонник

все в свет ложится, как орел из букв и листьев,
все ржет, речочет, словно сивый мерин,
все кормит ангела с руки чудным

каким-то кормом.

Линкор швартуется и боинг прилетел.

Купцы встречают их, ведут за стол

с кипящим самоваром.

И мечутся и колбочки, и дольки световые

в избытке сил – безмерное создать.

Андрей Тавров

Вроде бы прозрачная на первый взгляд за-
дача («...наш альманах рождается только лишь
из желания говорить») при внимательном про-
чтении кажется чуть замутненной, благодаря,
например, ироническому «пересказу» хрони-
ки книгоиздания в формате журнала поэзии
«Воздух» (два-три абзаца и цитата), где уже
в качестве рецензируемого и рассматривается
один из его номеров за 2010-й год. Или исходя
из предположений Александра Фанфоры (там
же, о недавно вышедшей книге стихов сара-
товского поэта Евгения Заугарова «Избр-е»),
на голубом глазу утверждающего, что «...боль-
шинство текстов представляют собой кусочки
прозы, напечатанные столбиком, чтобы (воз-
можно) усугубить их похожесть на стихи» и
«...отсутствие рифмовки переводит эти вещи в
разряд набросков, пусть и настоящей доброт-
ной прозы». Или благодаря универсальному
«мнение редакции может не совпадать с мнени-
ем авторов», набранному жирным шрифтом
на второй странице вполне себе мирного лите-
ратурного «Графита».

С другой стороны, легко может оказаться,
что сотканное по постмодернистским лекалам
пестрое полотно первого номера на самом деле
продукт чрезмерного усердия в достижении
этого самого «разнообразия». И некоторые ав-

торы независимого альманаха действительно
не согласны с мнением редколлегии. Бывает
и такое, опять же, как водится в этом случае,
помянем тихим словом никак не прекращаю-
щуюся эпоху деконструкции и тотального дис-
курса. Что касается «непровинциальности», то
я, к примеру, склонен считать, что уместнее в
данном случае говорить об актуальности со-
держания, так как привязка к поволжскому то-
посу все-таки есть, и это хорошо.

вырваться в тверь не выпрыгнуть за дверь
с высоты птичьего клюва обозреть поля
и вывесить декрет для босикомых
будьте мужественны
летят перелётные гуси уплывают холода

Канат Омар

Хорошо, что, открыв альманах, можно
прочитать самарцев Георгия Квантришвили
(очень интересный материал о забытом ныне
поэте Александре Кремлёве), Константина Ла-
тыфича, узнать, что творится в литературном
Тольятти, какие книги выходят в Саратове, Че-
боксарах, Челябинске и Уфе.

Хорошо, что взят на карандаш опыт изда-
ния родственных по духу журналов, пусть пока
это и выражается в копировании (пародиро-
вании?) структуры и рубрик. Однако, я думаю,
что редакция альманаха понимает, что с каж-
дым номером «Графита» острее станет пробле-
ма обретения своего лица. Тем любопытнее се-
годня обнаружить в альманахе яростное, пусть
и немного сумбурное эссе Тимура Алдошина
из Казани «Чехов или Размазанный Рок», вы-
падающее даже из такого «безмерного» кон-
текста.

Николай АРЖАНОВ

И ВЫШЕ, И БЛИЖЕ, И ДАЛЬШЕ...

**Дирижабль. Альманах-альбом. Выпуск
XVI, биологический. – Нижний Новгород,
2011. – 64 с.**

В предыдущем номере «Волги» С. Боро-
виков, рецензируя четвертый выпуск журна-

ла «Околоколомна», очень точно отметил: «Оформление номера ... никакое не оформление, а содержание. Графическое содержание номера, по вкусу и насыщенности, как говорится, не уступающее... нет, превосходящее силы противника.» Сейчас речь о «старшем брате» «Околоколомны», издании, возникшем в начале 90-х «как объединение молодых литераторов и художников-графиков из Нижнего Новгорода, Москвы и Санкт-Петербурга» (цит. с сайта <http://www.dirizhabl.sandy.ru/almanac/>), где и была отработана, или, точнее, выращена концепция альманаха-альбома, найдена форма, позволяющая на минимальном пространстве размещать массу материала, а позже, при переходе на «цифру», тонко и стильно перенести «бумажные» достижения в Сеть, где упомянутый сайт – не просто оцифровка красивой книжки альманаха, но живёт с ним на равных правах. Они прекрасно дополняют, но не заменяют друг друга (редко, прочтя бумажную версию издания, хочется смотреть электронную, и наоборот).

После нескольких «географических» выпусков (волжский, французский, угро-финский, «морской» и балканский) альманах-альбом «Дирижабль» начал осваивать другую область знания – биологию. Эволюция от литературного альманаха к синтетическому изданию, сплавляющему воедино медиапроекты и прозу, поэзию и графику, инсталляции и исторические исследования, проходила, как и положено эволюции, долго (по нынешним меркам), плавно, – вплоть до эволюционного скачка на 10 выпуске (2003 г.), когда иллюстрированный альманах стал альманахом-альбомом, а на первой странице появилось разъяснение: «...Будучи собраны вместе, попутные книги вступают в особые дорожные отношения: неизбежная в пути тряска раскрывает их, ветер перемешивает, а пыль и влага скрепляют страницы – и возникает гипертекст...» Переход от географии к биологии тоже совершался постепенно – 13 страниц из 64-х предыдущего, балканского, выпуска были отданы анонсу нынешнего, биологического. Анонс – не совсем точное определение, просто часть материалов 16 выпуска размещена в 15-м. Таким способом удалось разнести во времени и избежать перегрузки номера рабо-

тами одних и тех же авторов. «Анонс» в 15-м открывает «Тюрьма Линнея» и «Извилина Ламарка» С. Трунёва – ёрнически-серьёзные рассуждения о исторических, культурных, социальных последствиях трудов великих учёных. В 16-м труд Трунёва обретает объединяющий подзаголовок «из цикла «сравнительная биософия» и представлен ещё двумя рассуждениями: «Карма Дарвина» и «Провал Пастера» с изрядно прибавленной дозой язвительности. Екатеринбургская арт-группа «Куда бегут Собаки» в 15-м представляет проект «Мичурин», приведу полностью, только без рисунка: «Коробка с кнопкой. Из коробки торчит штырь, на штыре овальная дощечка. С одной стороны портрет Станиславского, с другой – портрет Склифосовского. При нажатии на кнопку дощечка начинает вращаться, и черты Станиславского накладываются на черты Склифосовского. Получается Мичурин». В 16-м – их «Левитирующая плесень»: «Будучи диамагнетиком (как всё живое), плесень выталкивается магнитным полем. При достаточной величине напряжённости магнитного поля можно добиться левитации плесени в этом поле», – вот вам и мечта человечества о полёте...

В обоих выпусках постоянные авторы Э. Абубакиров, Е. Стрелков и В. Филиппов продолжают давным-давно начатую, сначала публиковавшуюся в виде фрагментов, а потом выпущенную отдельным изданием книгу «Выше, дальше, ниже: новейшие опыты краеведения Поволжья», теперь это «Ближе ближнего», иронический путеводитель-мистификация по волжским городам и сёлам с неизменным финалом каждого отрывка «в результате были разрушены остатки древнего Костромского, Саратовского, Мышкинского – нужное подставить – кремля». В 16-ом выпуске два «опыта»: «Ночная триада» об «истинном» происхождении «православия, самодержавия, народности» (разобран Карачаровский кремль) и замечательная «история» Чернореченского химического завода, что в 20 верстах выше Нижнего Новгорода по Оке, якобы превращённого в биохимический полигон КГБ, где была создана антиканнибальская вакцина для Уганды (конечно же, с последовавшим разрушением фундамента древнего Черноречен-

ского кремля и переименованием села в честь основателя ВЧК), вполне в духе современных пиар-пропагандистских приёмов «подкрепляющаяся» заметкой из «Правды» 1972 года.

Визуальный ряд выпуска: красива «Карта клетки внутреннего космоса» Е. Гриневиц и Н. Куликовой, внушительен «Пернатый довод» А. Суздалева (текст Х.-Л. Борхеса). Прекрасно дополняют оформление гравюры из старинных изданий – инфузории, насекомые, солнечный микроскоп, рисунки из анатомического атласа. В обоих выпусках публикуются фото акций Миши Ле Женья «Олень» и «Мухи», работы которого всегда добавляют адреналина зрителю.

Обложка 16-го напоминает заставку легендарной телепередачи «В мире животных», коллаж, ритмически организованное шествие зверья и пресмыкающихся. А на обложке 15-го – годом раньше вызывавший недоумение, к Балканам отношения не имевший жираф из этого шествия. Открывает «биологический» (и закрывает – 2-я и 3-я стр. обложки) меди-апроект Е. Стрелкова при участии Д. Хазана «Клетка крупно» – виртуальная модель общества простейших, с обратной связью с окружающим миром. Близки к нему и «То, что живёт во мне» Д. Булатова, биоактивная инсталляция, эксперимент по освобождению зрительского восприятия «от механического ритма интерактивности, который навязывает нам окружающая жизнь», и уже упоминавшаяся «Левитирующая плесень». Имеет место крышесносящая работа Л. Тишкова «Протодаблонды».

Формат «Дирижабля» не предполагает объёмных трудов, высказывания обычно краткие, но из номера в номер переходят отрывки прозы С. Тиханова, нервной, живой и создающей ощущение романа с продолжением. Собственно прозы в последнем выпуске мало, кроме С. Тиханова и вышеупомянутых Э. Абубакирова, Е. Стрелкова и В. Филиппова – миниатюры И. Иогансона, М. Гейде, «Киты» (путевые заметки М. Москвиной) да любопытная фантазия-прогноз А. Капернаумова на тему измельчания человечества. И. Харьковский, «Непознанная жизнь чудовищ», Г. Киппер, «Йотунхейм рядом» – скорее исторические статьи, чем

проза. «Избранные места из записей Николая Ивановича Борисова или тайная жизнь деревьев» (публикатор И. Макаревич) – жутковатый дневник, хроника тихого сумасшествия. Мрачной иронии добавляет отрывок из Ж. Перека (перевод В. Кислова): «... полный перечень всех несовершенств и недостатков, от которых страдает человеческий организм: так, например, вертикальное положение не может обеспечить человеку идеальную устойчивость... это является постоянной причиной усталости и дискомфорта позвоночника... ступни... представляют собой всего лишь атрофированные нижние конечности, утратившие хватательную функцию; ноги недостаточно крепки, чтобы нести туловище... руки атрофированы... кисти и пальцы слабы... зубы не рассчитаны на боковой захват, обоняние крайне ограничено, зрение в темноте более чем посредственно, слух недостаточен; кожа без волосяного покрова и меха никак не защищает от холода... человек, которого обычно считают самым развитым из... животных, на самом деле является самым ущербным». «Апология протеза» Х. Л. Бастона (перевод В. Филиппова) тоже не добавляет оптимизма (правда, в этом тексте, равно как и в «...тайной жизни деревьев» есть нечто, заставляющее заподозрить мистификацию). Поэзия несколько смягчает язвительный настрой прозы номера: по-детски трогательное, «героическое» стихотворение Айвенго:

*лесники сидят на собранных
собрались обсудить дела
запаслись немного вареньем
готовит им гибель судьба
а в лесах браконьеры ходят стадами
но эти ребята просто так не сдаются
за семьи свои за ежиков грустных
дерутся дерутся дерутся дерутся...*

Тексты И. Миньо «Извилины осьминога» и Е. Стрелкова «Сердечное» романтичны, задумчив И. Сорокин:

*...Рыжекудрая дева
спит на соседней полке –
не даёт мне уснуть.*

Г. Авдошин вносит энергию:

...А собаки собрались возле трансформаторной будки.

Там трансформируется большой Будда в маленьких Будд.

Они потом перетекают в собачьи формы

И бегают по дворам, доводя местных жителей до энергетической нормы.

Графически красив «ЭЛЕМЕНТ. Рейд через рентген» (автор В.К.). Начало текста:

В черепе-пещере

25% – шерсть, 15% – бред, 15% – ересь, 20% – крем, 25% – плесень.

(При этом некоторые понятия сопровождаются «почтенными» ссылками, напр. «ересь» – на труды Энгельса, Лефевра, Бейля, Спенсера, etc.)

Очень интересна публикация фрагментов поэмы «Бактериада» Л.М. Горовиц-Власовой (1879–1941), одной из первых женщин-микробиологов, с «вступительной заметкой L.L., пожелавшего сохранить инкогнито».

Мрачноватое ёрничество появляется у А. Борисова:

Умер конструктор и мы вместе с ним.

Кислоты проникнут в кровь...

Кислоты...

и, в более мягком, пародийном варианте, у С. Трунёва:

*...блок всосал щепоть кокоса
хлюпнув вычурной ноздрей
стали мелкими как просо
все светила пред зарей*

*аппетитную дорожкой
за окошком млечный путь
таракан подёргал ножкой
и отправился соснуть...*

Среди «серьезных» статей выпуска «"Крупный рогатый скот" – Последняя работа Эль Лисицкого в книге» М. Карасика. В целом неплохо читается, информативна, но продвинутому читателю-зрителю – а именно ему адресовано издание – известно, чем была ВДНХ-ВСХВ для СССР в конце 30-х. Да и о самом Лисицком в статье лишь пара абзацев. Однако этот материал подчёркивает родство самого «Дирижабля» с лучшими образцами книжного искусства 20–30-х годов прошлого века.

Из контекста (или гипертекста) совершенно выпадает «Хиральность живого» Б. Булюбаша. Вроде бы и написано хорошо, читать любопытно, но научно-популярная статья в духе журнала «Химия и жизнь» конца 80-х – с общей стилистикой «Дирижабля» как-то не согласуется.

Напротив, текст В. Милованова, доцента Нижегородской сельхозакадемии – канцелярский, сухой смотрится вполне уместно: не документ эпохи, но образец определенного стиля мышления, хорошо контрастирует с вольным художественным окружением.

Закольцовывает цикл эволюции издания Андрей Битов – «Шел и подумал» – интервью с пятнадцатилетней паузой. Начало материала – фрагмент из интервью издательству «Запасный выход» летом 2005, конец – из интервью издательству «Дирижабль» летом 1990-го.

Иван КОЗЛОВ

Трое на «белом слоне»

Начинаем подводить итоги уходящего года. Разговор о фестивальных фаворитах у нас впереди, и о тех, кто добрался до наших экранов, и о тех, кто не удостоился даже выхода на dvd, пусть даже и ограниченным тиражом. Пока же обратим внимание на лидеров проката в 2011 году. Отметим, что лидерство здесь понимается отнюдь не финансовом эквиваленте. Мы сочли возможным обратиться к данным экспертного сообщества, и в этом номере рассмотрим номинантов премии «Белый слон». Лауреаты будут известны в самом конце декабря, в следующем номере мы обратимся к решению жюри и расскажем о лучших отечественных лентах. А сегодня мы рассматриваем претендентов на лучший зарубежный фильм в нашем прокате.

«Меланхолия»

Новый фильм Ларса фон Триера запомнился многим, прежде всего, скандалом на Каннском кинофестивале – режиссер-провокатор разошелся и позволил себе на пресс-конференции недопустимые высказывания о его, якобы, симпатиях к нацизму. Была ли это злая шутка, сознательный эпатаж или неуместное легкомыслие, кто знает? Как бы там ни было, фильм отошел как бы на второй план. А жаль – это прекрасная лента с редкой красоты видеорядом.

Фильм делится на две части. Первая слегка напоминает времена проекта «Догма», камера «гуляет», съемки напоминают репортаж со свадебной церемонии. Вторая часть медитативна, в ней разлита обреченность и красота, которую ее персонажи видят в последний раз.

Триер, как всегда, балансирует на грани актуальности (ожидаемый «конец света») и притчеобразности. Фильм набит цитатами из полотен Брейгеля и Дюрера, фильмов Тарковского (в особенности из «Жертвоприношения»); главный персонаж носит имя несчастной героини романа де Сада «Жюстина»; место действия тщательно отрезано от остального мира, как в классическом детективе; две сестры, блондинка и брюнетка, разыгрывают перед зрителями своего рода ипостаси единого «я». Наконец, врезающаяся в землю огромная планета Меланхолия может быть и манифестацией душевного состояния героини.

Режиссер играет с нами – финал фильма известен по начальным кадрам – катастрофа произошла. Тем острее зритель воспринимает психологический рисунок и предсмертную красоту. «Кто выдумал, что мирные пейзажи не могут быть ареной катастрофы?» – писал Кузмин. И в данном случае неважно, внешний это пейзаж или внутренний.

«Пина: танец страсти»

Фильм Вима Вендерса, посвященный легендарному немецкому хореографу Пине Бауш, необычен по многим параметрам. Это документальный фильм; это документальный фильм, но не байопик; наконец, это документальный фильм, снятый в 3D. Первый, наверное, артхаусный опыт в этом формате.

3D формат многих сегодня раздражает так же, как цветное кино раздражало зрителей, привыкших к черно-белому изображению. А еще раньше подобного рода претензии были к звуковому кино. Но в ленте Вендерса этот формат вполне адекватен – по мысли режиссера, он идеально передает пространственное измерение танца.

В фильме участники труппы Пины Бауш танцуют свои эмоции по отношению к ушедшему

учителю. Если и говорят о ней – то как о гуру, который учил не только хореографии, но каким-то глубинным вещам, передаваемым через танец. Для этих танцевальных номеров Вендерс выбрал неожиданные декорации – метро, фабрика, парк, развязки шоссе.

Несколько цитат из фильма: «слова только запутывают», «бывают ситуации, которые лишают вас речи», «познакомившись с Пиной, я обрела язык». Порой зритель забывает, что он смотрит фильм, что язык танца выражен здесь еще и через язык кино – в фильме много крупных планов, которые позволяют видеть эмоции танцора, чего мы обычно лишены в театральных залах. И глядя на это приношение легендарной Пине Бауш, мы понимаем, что этот танец и этот фильм – «о любви, боли, красоте, печали и одиночестве».

«Король говорит»

Фильм англичанина Тома Хупера – о принце, а потом и короле Георге VI, страдавшем заиканием. Это делало весьма проблематичным его неизбежные выступления перед публикой. Недипломированный логопед (его играет Джеффри Раш) берется излечить царственную особу от столь неприятного недуга.

Эта лента обласкана зрительским вниманием и похвалами критиков, она получила ряд престижных премий, в том числе «Оскара» (за лучший зарубежный фильм). Это довольно легкое и приятное зрелище, зрители успеют проникнуться и сочувствием к болезному монарху, и уважением к эксцентричному логопеду, режиссер аккуратно проведет их по узловым точкам британской истории и оставит с титрами, рассказывающими о том, как сложились судьбы главных героев картины.

Любопытно, что судьбоносные речи (например, о начале войны с Германией) поданы в фильме едва ли не в комическом ключе. Короля не интересует, что он говорит («вот текст, формулировки согласованы»), ему важно, как он говорит. «Как» – не в смысле ораторских изысков, а то, что он вообще в состоянии связно говорить. Здесь язык кино становится отражением (и выражением) языка обычного – работа оператора позволяет буквально на своей коже ощутить эффект физической невозможности произнесения слов и ее преодоления в заключительных кадрах картины.

Содержание журнала за 2011 год

ПРОЗА

Барботина Татьяна. Пешков. Повесть. №9–10 (434). С. 53

Бару Михаил. «Не пишется проза, не пишется» №9–10 (434). С. 95

Ботева Мария. Огонь и огонь, и нельзя остыть. Рассказ. №11–12 (435). С. 21

Бузулукский Анатолий. «Автор» и др. №7–8 (433). С. 6

Вереск Родион. Воровка. Рассказ. №9–10 (434). С. 21

Горланова Нина. Зеленая клякса. Рассказ. №3–4 (431). С. 193

Горланова Нина, Букур Вячеслав. Колун. Рассказ. №11–12 (435). С. 15

Грантс Янис. Череп. Рассказ. №1–2 (430). С. 44

Дигол Сергей. Когда она замолчала. Рассказ. №1–2 (430). С. 53; В лучшем смысле. Рассказ. №9–10 (434). С. 73

Заровятных Ольга. Густота. Рассказ. №9–10 (434). С. 65

Колобродов Алексей. «Русская криминальная кухня» и др. рассказы. №1–2 (430). С. 82

Косых Ирина. Нелегалы. Рассказ. №11–12 (435)

Кудерин Денис. «Русский дзен: бесконечная остановка», «Молекула Пушкина». Рассказы. №9–10 (434). С. 9

Лорченков Владимир. «Копи Царя Соломона». Сценарий романа. №7–8 (433). С. 25

Мирро Александр. Монстр. Рассказ. №3–4 (431). С. 198

Окунь Михаил. Два коротких рассказа. Дурашка. Кусаник. №11–12 (435)

Рубанова Наталья. Оборотни, Второй и Первый. №7–8 (433). С. 161

Тюгаева Елена. Ворота в мир. Рассказ. №5–6 (432). С. 100

Шапко Владимир. Бич. Повесть. №1–2 (430). С. 3

Шепелёв Алексей А. Кгыгышфт Шытындф-ТВ. повесть. №5–6 (432). С. 5

Ярмолинец Вадим. День независимости. Рассказ. №5–6 (432). С. 82

ОПЫТ ПРОПАДАНИЙ И ВОЗНИКНОВЕНИЙ

Володин Валерий. Повесть врЕменных лет. Жизнь четвертая. №3–4 (431). С. 17

ПОЭЗИЯ

Алейников Владимир. Квнттет. №3–4 (431). С. 202

Александров Алексей. «Дигидон» и др. №9–10 (434). С. 44

Бельский Станислав. Три хокку и др. №9–10 (434). С. 49

Бородин Максим. «когда тебе в морду...» и др. №3–4 (431). С. 14

Ватутина Мария. «Переславль Залесский» и др. №3–4 (431). С. 188

Власов Герман. «эмигрантский хлеб не горек...» и др. №5–6 (432). С. 107

Гандельсман Владимир. «Элегия. Пришествие» и др. №7–8 (433). С. 17

Гласс Сэймур. Стихотворения. Перевод, предисловие В.Г. и В.Ч. №7–8 (433). С. 151

Григорьев Алексей. «первый снег» др. №7–8 (433). С. 145

Ермошина Галина. «черепашовый рай...» и др. №11–12 (435). С. 33

Заугаров Евгений. Выводы. №5–6 (432). С. 3

Каневский Геннадий. [харьков] и др. №5–6 (432). С. 79

Караулов Игорь. «сад» и др. №9–10 (434). С. 3

Кучерявкин Владимир. «Лампу зажжём и раскроем газету...» и др. №11–12 (435). С. 3

Лазуткин Дмитрий. «я не один – нас таких тысячи...» и др. №5–6 (432). С. 75

Лехциер Виталий. «Плитка гранитная, европакет...» и др. №3–4 (431). С. 8

Литвак Света. «свежо, упруго, глянцевиито...» и др. №5–6 (432). С. 111

Михеева Светлана. «Забор» и др. №1–2 (430). С. 35

Немцев Леонид. «Ищется клять такая чтобы не на постой...» и др. №7–8 (433). С. 3

Палей Марина. Собрать собрата. №1–2 (430). С. 70; Замужество Марии Браун. Цикл песен. №9–10 (434). С. 27

Пермяков Андрей. «Сентябри» др. №7–8 (433). С. 21

Попов Сергей. «где чумовому чувству долга...» и др. №11–12 (435). С. 37

Порвин Алексей. «Ротой, по улице проходящей...» и др. №3–4 (431). С. 182

Сорокин Игорь. Стихиянваря. №1–2 (430). С. 99

Степанова Мария. Киреевский. №11–12 (435). С. 7

Сунцова Елена. Неведомой рекой. №11–12 (435). С. 12

Сучкова Ната. Птенчик. №1–2 (430). С. 39

Херсонский Борис. «Живый в помощи Вышнего...» и др. №1–2 (430). С. 66

Черных Наталия. Вполголоса. №7–8 (433). С. 148

Чечик Феликс. «Всё просто и хитро...» и др. №3–4 (431). С. 185

Шустерович Рафаэль. Легче воздуха. №1–2 (430). С. 75

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Маслов Алексей. «Деревянного цвета кузнечик смотрит...» и др. №7–8 (433). С. 166

Трунев Сергей. «через лопатку след от бретельки...» и др. №7–8 (433). С. 169

Щурин Сергей. «Совершеннейшее небо...» и др. №7–8 (433). С. 271

ДРАМАТУРГИЯ

Слаповский Алексей. Николаев. Просто убийство. №11–12 (435). С. 66

ДЕБЮТ

Абакумова Ольга. Мелодии вечного сна. Рассказ. №11–12 (435). С. 54

Власов Всеволод. Моя перспектива. Рассказ. №5–6 (432). С. 114

Костарёв Александр. «Если будет тоннель...» и др. стихотворения. №1–2 (430). С. 102

Сваткова Елена. Из цикла «Обручение». Стихи. №9–10 (434). С. 109

ПУТЕШЕСТВИЕ

Коф Светлана. В Иерусалиме секса нет. №1–2 (430). С. №1–2 (430). С. 105

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР

Агеев Б. Геноцид в центре большого города. №1–2 (430). С. 124

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Темников Андрей. Автобиография. Рассказы: «Лапка паука-сенокосца», «Комната наверху», «Птичий помет», «Поведение родинки во сне». Стихотворения: «Радоваться тайно и спокойно...» и др. №5–6 (432). С. 121

Лопатин Вячеслав. Духовность материи – икона. Часть I. №11–12 (435). С. 91

В СВОЕМ ФОРМАТЕ

Боровиков Сергей. В русском жанре–41 №3–4 (431). С. 3

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТЕКСТУ

Голубович Ксения. «Тристан и Изольда» в исполнении Ольги Седаковой. №9–10 (434). С. 111

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Александров Алексей. Эта волшебная литературная жизнь. №3–4 (431). С. 210; Самарский неформат. №3–4 (431). С. 219; Разнообразный непровинциальный. №11–12 (435). С. 170

Аржанов Николай. И выше, и ближе, и дальше... №11–12 (435). С. 172

Боровиков Сергей. Триумфы Евг. Попова. №3–4 (431). С. 208; Серапионы и тараканы. №5–6 (432). С. 168; Нечто, снятое с якоря... №7–8 (433). С. 236; Неопознанный Пильняк. №9–10 (434). С. 154

Голубкова Анна. На грани небытия. №5–6 (432). С.189; Словесная психоделика. №7–8 (433). С. 252

Дайс Екатерина. Nigredo Шварц . №7–8 (433). С. 248

Колобродов Алексей. Чародеи и ученики. О литературном свойстве Виктора Пелевина и Дмитрия Быкова, ананасной воде, ловцах сверхчеловеков и вострубивших дудках. №1–2 (430). С. 180; Непобеждённый на стройке. №3–4 (431). С. 211; От детдома до дурдома. №5–6 (432). С.177; Неактуальный юбиляр. Новые сюжеты покойного писателя. №9–10 (434). С. 157

Кохановская Татьяна, Назаренко Михаил. Мастер бриколажа. №11–12 (435). С. 165

Кузьменков Александр. Награждение непричастных. №1–2 (430). С. 178

Кутенков Борис. Пение вовнутрь. №9–10 (434). С. 170

Рогов Олег. Микрофон для хора. №5–6 (432). С. 188; Последние стихи Елены Шварц. №7–8 (433). С.251; Экскурсия во времени и пространстве. №9–10 (434). С. 169; Стихи испуганного дачника. №11–12 (435). С. 169

Савельев Игорь. Суши-сет в эпоху «Санта-Барбары». №11–12 (435). С. 162

Сафронова Анна. Опять про «Двадцать два». №3–4 (431). С. 213

Селезнев Виктор. «...но я поэзию не представляю без такого, как он короля!» №3–4 (431). С. 220; Хроника отсроченного убийства. №5–6 (432). С.191

Трунев Сергей. Кушать подано! №3–4 (431). С. 216; На Ваш выбор. На Ваш выбор? На Ваш выбор! №7–8 (433). С. 256; Провинциальная мифопоэтика. №11–12 (435). С. 168

Фишман Леонид. Ньютон для нас. №3–4 (431). С. 223

Щербинина Юлия. «Художественной правдой продолжать документальность». №5–6 (432). С. 179

Ярмолинец Вадим. Одесский узел Шкловского. №1–2 (430). С. 163

КИНО БЕЗ ПРАВИЛ

Селиверстов Константин. 12 с половиной, или Моя жизнь в чистом искусстве. №7–8 (433). С. 172

Козлов Иван. И видеть сны? Быть может! №1–2 (430). С. 189;. О больных, великих и жестоких. №3–4 (431). С. 226;. Три взгляда изнутри. №5–6 (432). С.194; Пальмы, Львы и Медведи. №7–8 (433). С. 258; Европейское серебро. №9–10 (434). С. 174; Трое на «Белом слоне». №11–12 (435). С. 175

Редколлегия журнала:

Анна Сафронова
Алексей Александров
Алексей Голицын
Алексей Слаповский
Олег Рогов

Подписано в печать 14 декабря 2011 г.
Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

Цена свободная

Рукописи принимаются по адресу:
E-mail: safronova-volga21@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://magazines.russ.ru/volga/>

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.